

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы круглого стола,
посвященного памяти доктора филологических наук,
профессора Т. С. Глушак

Минск, 12 октября 2018 г.

Сетевое электронное издание

Минск МГЛУ
2020

УДК 81
ББК 81.000.2
Ф94

Рекомендованы Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 8 от 09 декабря 2019 г.

Рецензенты: кандидат филологических наук, доцент *Е. А. Пригодич* (БГУ); кандидат педагогических наук, доцент *А. М. Леус* (МГЛУ); кандидат филологических наук, доцент *В. А. Шевцова* (БГЭУ)

Редакционная коллегия: *Е. В. Зуевская* (отв. редактор), *Л. А. Тарасевич*, *Н. Е. Лаптева*, *Л. Н. Неборская*, *А. В. Сытько*

Функциональная лингвистика : проблемы и перспективы : материалы круглого стола, посвященного памяти доктора филологических наук, профессора Т. С. Глушак, Минск, 12 окт. 2018 г. / редкол. : Е. В. Зуевская [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2020 – 1,61 Мб.
ISBN 978-985-460-999-7.

В издании освещаются проблемы функционирования системных единиц языка в тексте и дискурсе, особенности динамики языковых процессов, результаты лингвокультурологических и сопоставительных исследований на современном этапе, а также пути реализации подходов функциональной лингвистики в преподавании иностранных языков.

Адресуется специалистам в области общего и сравнительного языкознания, германских и романских языков, аспирантам и магистрантам.

УДК 81
ББК 81.000.2

ISBN 978-985-460-999-7

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2020

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

С. Я. Новікаў (г. Мінск, Беларусь)

МАЛАВЯДОМЫЯ СТАРОНКІ ГІСТОРЫІ АРХІТЭКТУРНАЙ ЗАБУДОВЫ МІНСКАГА ІНЯЗА

Фарміраванне сённяшняга архітэктурнага выгляду вучэбных карпусоў Мінскага іняза расцягнулася на некалькі дзесяцігоддзяў і завяршылася толькі ў пачатку гэтага веку. Дзякуючы стратэгічнаму планаванню кіраўніцтва інстытута (ўніверсітэта) і творчай рэалізацыі архітэктурных праектаў, у цэнтры беларускай сталіцы створаны адзін з самых сучасных адукацыйных кампусаў краіны – комплекс будынкаў Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта.

Упершыню даследаванне малавядомых фактаў аб архітэктурнай пабудове вучэбных карпусоў і іншых збудаванняў Мінскага іняза стала магчыма для аўтара гэтых радкоў толькі пасля пошукавай працы ў фондах Беларускага дзяржаўнага архіва навукова-тэхнічнай дакументацыі (БДАНТД), што да гэтага часу спецыяльна не вывучалася [1, с. 220; 2, с. 232; 3, с. 220]. Паводле пастановаў № 1686 Савета Міністраў Беларускай ССР ад 26 лістапада 1947 г. «Аб падрыхтоўцы выкладчыкаў замежных моў», Галоўнаму ўпраўленню па аднаўленні горада Мінска аддавалася распараджэнне пачаць работы па падрыхтоўцы да эксплуатацыі з 1 верасня 1948 г. будынка былога Камуністычнага інстытута журналістыкі, які месціўся на рагу вуліц Кірава і Чырвонаармейскай [4, арк. 136]. У сувязі з тым, што выкананне гэтай пастановы не ўдалося забяспечыць, больш таго, ўзнікла рэальная пагроза адтэрміноўкі прынятага вышэй рашэння, Савет Міністраў Беларускай ССР прымае ў ліпені 1948 г. новае ўрадавае рашэнне «Аб мерах, якія забяспечваюць выкананне пастановы Савета Міністраў Саюза ССР № 3485 ад 4 кастрычніка 1947 года “Аб падрыхтоўцы выкладчыкаў замежных моў”» [5, арк. 56–57]. Зыходзячы з яго палажэнняў, беларускі ўрад у рамках саюзнай праграмы адкрыцця 12 інстытутаў замежных моў упершыню прымае рашэнне аб будаўніцтве асобнага вучэбнага корпуса для Мінскага педагагічнага інстытута замежных моў. Пры гэтым пастановай прадугледжвалася, што часова, да завяршэння будаўніцтва, інстытут будзе размяшчацца ў будынку школы № 13 па вул. Пушкіна, 35. Апроч таго, інстытуту для выкарыстання ў якасці інтэрнатаў для студэнтаў перадаваліся будынкі былой дашкольнай педагагічнай вучэльні па вул. Віцебскай, 9, якую часова займаў Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, а таксама будынак былой школы № 24 па вул. Энгельса, занятай на той момант Белдзяржпраектам [5, арк. 56].

Першае планавае заданне на праектаванне вучэбнага корпуса па вул. Захарава дырэктар інстытута замежных моў М. Ф. Жаўрыд накіроўвае на імя міністра асветы Беларускай ССР І. М. Ільюшына 7 чэрвеня 1952 г. [6, арк. 18–24]. Заданнем прадугледжвалася архітэктурная распрацоўка будынка з улікам наву-

чання ў ім у адну змену чатырох факультэтаў агульнай колькасцю 1200 чалавек, з якіх: 500 студэнтаў – на факультэце нямецкай мовы, 400 –англійскай, 200 – французскай, і 100 – іспанскай. Наступнай умовай, згаданай у планавым заданні, было ўказанне аб тым, што гэта будзе 4-павярховы будынак, размешчаны па вул. Захарава, у якім планавалася размясціць кафедры: асноў марксізму-ленінізму, педагогікі, псіхалогіі, мовазнаўства, літаратуры, геаграфіі і гісторыі, фізкультуры, а таксама бібліятэку. Апроч таго, факультэты англійскай мовы з 4 аўдыторыямі, двума кабінетамі, двума кафедрамі, кабінетам дэкана і канцылярыяй дэканата; французскай мовы з 4 аўдыторыямі, двума кабінетамі і кафедрай французскай мовы, кабінетам дэкана і канцылярыяй дэканата; факультэта нямецкай мовы з 4 аўдыторыямі, двума кабінетамі і кафедрай нямецкай мовы, кабінетам дэкана і канцылярыяй дэканата; факультэта іспанскай мовы з 3 аўдыторыямі, кабінетам і кафедрай іспанскай мовы. Для дырэктара інстытута, яго намеснікаў (па вучэбнай частцы, завочнаму навучанню, адміністрацыйна-гаспадарчай частцы) і размяшчэння іншых службаў інстытута былі запланаваны 25 памяшканняў плошчай звыш 600 м. кв. [6, арк. 19–23].

У кастрычніку 1952 г. на імя міністра асветы БССР за подпісам выконваючага абавязкі дырэктара інстытута А. А. Сарокіна было накіравана планавое заданне на планіровачную прывязку тыпавога праекта інтэрната на 400 чалавек да Омскага завулка [7, арк. 25]. Заданнем прадугледжвалася распрацоўка генплана з улікам таго, што акрамя інтэрната на 400 чалавек інстытут плануе праектаванне і размяшчэнне будынка вучэбнага корпуса на 1200 студэнтаў і 24-х кватэрнага жыллага дома для супрацоўнікаў ініцыя, а таксама неабходна было прадугледзіць распрацоўку адпаведнай вертыкальнай планіроўкі і добраўпарадкавання прылеглага да будынка зямельнага ўчастка.

Праз 2 гады Беларускае дзяржаўнае праектнае інстытут («Белдзяржпраект») падрыхтаваў праектнае заданне з архітэктурным апісаннем будынка інстытута замежных моў у г. Мінску [8, арк. 6–17]. Аўтарам першага праекта з'яўляўся архітэктар Г. У. Заборскі, адзін з распрацоўшчыкаў манумента Перамогі на Круглай (Перамогі) плошчы, а таксама планіроўкі і архітэктурнай забудовы гэтага раёна Мінска [9]. З тлумачальнай запіскі да праектнага задання па будынку будучага інстытута вынікала, што на той час на адведзеным участку па Омскім завулку ўжо вялося будаўніцтва інтэрната інстытута, у двары якога былі праектаваны стадыён, валебольная пляцоўка, дарожкі, клубмы і газоны. Праектавалася, што да цэнтральнага ўваходу галоўнага фасада інстытута з боку вул. Захарава будзе весці парадная лесвіца, аформленая скульптурамі Сталіна і Леніна на п'едэсталах, а перад самім будынкам на адлегласці 18 м ад агароджы планавалася пляцоўка для адпачынку студэнтаў інстытута.

Рашэнне ўнутранай прасторы інстытута ў выкананні Г. У. Заборскага фарміравалася з улікам наступнага паверхавога размяшчэння запланаваных памяшканняў: на першым паверсе – адміністрацыя інстытута, памяшканні грамадскіх арганізацый, спартыўная зала і буфет; на другім паверсе – кафедры

педагогікі, псіхалогіі, агульнага мовазнаўства, геаграфіі і гісторыі, французскай мовы. На другім паверсе над спартыўнай залай размяшчалася актавая зала на 512 чалавек з эстрадай і кінабудкай. На трэцім паверсе планавалася размяшчэнне: кафедры асноў марксізму-ленінізму, іспанскай і нямецкай моў, лекцыйныя аўдыторыі на 144 і 221 чалавек, а таксама пакоі для прафесарска-выкладчыцкага складу; на чацвёртым паверсе размяшчалася кафедра англійскай мовы. На цокальным паверсе планавалася размясціць бібліятэчны комплекс. Звонку будынак увенчваўся багата развітым карнізам з мадульёнамі. Да ліку адметнасцяў варта аднесці заказ інстытута на забеспячэнне працоўных памяшканняў мэбляй, сярод якой значыліся 680 дубовых сталоў і 2020 дубовых крэслаў [8, арк. 7].

У маі 1955 г. дырэктар інстытута замежных моў М. Жаўрыд накіроўвае на імя міністра асветы БССР І. М. Ільющына планавае заданне на прывязку тыпавога праекта Індустрыяльнага тэхнікума на 840 чалавек (франтальнае рашэнне) для вучэбнага корпуса інстытута, у якім хадайнічае аб унясенні ў генплан дадатковага задання, звязанага з неабходнасцю пабудовы 40-кватэрнага жылога дома для супрацоўнікаў ВНУ [10, арк. 11]. Заўважым, што тыпавы праект тэхнікума толькі годам раней быў распрацаваны Маскоўскім дзяржаўным інстытутам па праектаванні вышэйшых навучальных устаноў (ГППРАВУЗ).

Падрыхтоўка «Праекта вертыкальнай планіроўкі і ўпарадкавання тэрыторыі Інстытута замежных моў па вул. Захарава ў г. Мінску» [11, арк. 1] перадавалася ў майстэрню аб'ёмнага праектавання дзяржаўнага праектнага інстытута «Мінгарпраект». Паводле праекта, распрацаванага да канца снежня 1955 г., у пераліку аб'ектаў перспектыўнай забудовы значыліся: асобны вучэбны корпус інстытута па вул. Захарава, корпус інстытута з размяшчэннем актавай і спартыўных залаў на рагу вул. Захарава і Омскага завулка і 32-х кватэрны жылы дом, які планавалася пабудаваць на рагу вул. Захарава і Вайсковага завулка. На ўнутранай тэрыторыі значыліся спартыўныя пляцоўкі баскетболу, валејболу, тэнісу і іншыя службовыя збудаванні. Асновай архітэктурна-канструктарскага задання па праектаванні будынка для інстытута замежных моў у г. Мінску значыўся праект будынка Індустрыяльнага тэхнікума (франтальнае рашэнне) на 840 чалавек [12, арк. 9].

Пасля ўвядзення ў строй 1 верасня 1958 г. вучэбнага корпуса па вул. Захарава кіраўніцтва інстытута ўносіць важныя карэктывы ў генеральны план забудовы тэрыторыі, што знайшло замацаванне ў рашэнні Мінгарвыканкама № 112 ад 16 сакавіка 1961 г. [13, арк. 12–13]. Выканкам Мінскага гарадскога Савета дэпутатаў працоўных прыняў рашэнне аб павелічэнні на 0,32 га зямельнага ўчастка інстытута за кошт тэрыторыі на рагу вул. Захарава і Омскага завулка ў сувязі з яе неасваеннем Мінскім педагагічным інстытутам імя М. Горкага, што дазваляла правесці прыбудову да тарца будынка вучэбнага корпуса па вул. Захарава. Павелічэнне зямельнага ўчастка інстытута, з аднаго боку, а таксама правядзенне вучэбных заняткаў у тры змены ў новым будынку ставілі ў пачатку 1960-х гг. на парадак дня пытанне

аб пераглядзе папярэдняй канцэпцыі і ўнясенні ў генеральны план забудовы істотна важных зменаў, ініцыяваных кіраўніцтвам інстытута на адбудову не аднаго, а двух вучэбных карпусоў, адпаведна на рагу вул. Захарава і Омскім завулку, а таксама вул. Захарава і Вайсковым завулку. Новыя праектныя чарцяжы былі распрацаваны архітэктарам «Мінскпраекта» І. І. Есьманам на аснове праектнага задання, зацверджанага Упраўленнем па справах будаўніцтва і архітэктуры Мінгарвыканкама 23 чэрвеня 1963 г. [14, Арк. 7].

У планавым заданні, накіраваным на імя міністра вышэйшай, сярэдняй спецыяльнай і прафесійнай адукацыі БССР М. В. Дарашэвіча рэктарам інстытута Ф. П. Шмыгавым у пачатку студзеня 1962 г., згадвалася перспектыва навучання ў Мінскім інязе ў сярэдзіне 60-х гг. 2500 студэнтаў толькі на дзённай форме. У гэтай сувязі рэктарат хадатайнічаў аб дазvole на прыбудову вучэбнага корпуса інстытута, у якім неабходна было прадугледзіць: актавую залу на 800 чалавек са сцэнай, бібліятэку, дзве чытальныя залы, у тым ліку для 120 студэнтаў і залу для 50 навуковых работнікаў, а таксама 9 аўдыторый, у тым ліку 5 паточных для агульнай колькасці ад 75 да 150 студэнтаў, 4 аўдыторыі на 50 чалавек, 8 – на 25 студэнтаў, 40 – для груп колькасцю не больш за 15 чалавек, а таксама залу для занятку фізічнай культуры і 3 кабінеты. Пры гэтым у планавым заданні адзначалася пра тое, што інстытут мае намер цалкам захаваць у сваім распараджэнні вучэбны корпус па вул. Захарава [15, арк. 6].

У адпаведнасці з вышэй згаданым рашэннем Мінгарвыканкама дзяржаўны праектны інстытут «Мінгарпраект» распачаў распрацоўку двух новых вучэбных карпусоў і комплексу з актавай і спартыўнай заламі, даручыўшы выконваць праектнае заданне маладому архітэктару І. І. Есьману [16]. Паводле новага генплана, распрацаванага на працягу 1962 г., былі ўнесены змены, якімі замест запланаванага папярэдне 32-х кватэрнага жылога дома прадугледжвалася ўвядзенне новага вучэбнага корпуса [17, арк. 1; 18, арк. 1]. У адпаведнасці з планіровачным рашэннем Мінгарвыканкама на рагу вул. Захарава і Вайсковым завулку ўзводзіўся 6-павярховы будынак з бібліятэкай і кнігасховішчам. На рагу вул. Захарава і Омскім завулку праектаваўся корпус з актавай і спартыўнай заламі [19, арк. 27].

З завяршэннем будаўнічых работ і ўвядзеннем у строй у 1964 г. вучэбнага корпуса на Омскім завулку І. І. Есьман распрацоўвае архітэктурна-будаўнічую дакументацыю на вучэбны корпус па Вайсковым завулку. Як і ва ўведзеным вучэбным корпусе па Омскім завулку 32-гадовы архітэктар шукае новыя рашэнні па спалучэнні з вучэбным корпусам па вул. Захарава шляхам прымыкання да існуючага будынку праз аднапавярховы вестыбюль [20, арк. 6]. Праектная частка была распрацавана з улікам размяшчэння ў корпусе наступных памяшканняў: 36 аўдыторый на 14 чалавек, 4 аўдыторыі на 25 чалавек, 8 аўдыторый на 65 чалавек, 4 аўдыторыі на 104 чалавекі, 1 аўдыторыя на 247 чалавек з паказам кінафільмаў, 6 аўдыторый для індывідуальных заняткаў. Ва ўсіх памяшканнях планаваліся паркетныя палы і шы-

рокія прасторныя вокны [19, арк. 8]. Будаўніцтва корпуса, распачатае ў 1965 г., было праз год паспяхова завершана. Добра папрацавалі студэнты іняза ў час трэцяга працоўнага семестра на будаўніцтва новага вучэбнага корпуса [21, арк. 53].

Паводле генплана, вучэбны корпус па вул. Захарава з будынкамі двух новых вучэбных карпусоў (на рагу вул. Захарава і Вайсковым і Омскім завулкамі) і корпуса са спартыўнай і актавай заламі стварылі комплекс карпусоў і збудаванняў інстытута. Заўважым, што апошні будаўнічы аб'ект на працягу трох гадоў распрацоўваў галоўны архітэктар «Мінскпраекта» І. І. Есьман. Для будучай забудовы архітэктарам было прапанавана зусім іншае планіровачнае рашэнне ў параўнанні з тымі, якія актыўна абмяркоўваліся ў калектыве архітэктараў у пачатку 1960-х гадоў. Паводле тлумачальнай запіскі, комплекс з актавай і спартыўнай заламі размяшчаўся на новым месцы ў двары і прымыкаў да ўжо існуючага вучэбнага корпуса па вул. Захарава. Актавая зала на 800 месцаў мела даўжыню больш чым у 25 м. Усталёўваўся пласцікатны экран памерам 12,4 х 5,3 м, на якім маглі дэманстравацца звычайныя, кашэціраваныя і шырокаэкранныя фільмы [22, арк. 11; 23, арк. 1].

Са слоў архітэктара І. І. Есьмана, унікальнасць пабудовы новых вучэбных карпусоў выявілася ў тым, што ў будаўніцтве грамадзянскіх збудаванняў упершыню былі выкарыстаны прамысловыя напрацоўкі, што стала магчымым дзякуючы рацыяналізатарскай прапанове кіраўніка архітэктурна-канструктарскай майстэрні «Мінскпраекта» архітэктара Н. І. Шпігельмана. У выніку гэтага ўдалося спалучыць перадавыя тэхналогіі, якія на той час выкарыстоўваліся ў прамысловай архітэктуры, значна паскорыць тэрмін ўзвядзення карпусоў грамадзянскага будаўніцтва, надаўшы ім арыгінальны як архітэктурны, так і мастацкі выгляд. Да ліку арыгінальных знаходак архітэктар адносіць таксама канструкцыю акон, вопыт выканання якіх быў запазычаны ў суседняй Літве, што на практыцы прывяло да стварэння акон, якія мелі вугал гарызантальнага паварочвання больш чым на 90 градусаў і не заміналі асвятленню памяшканняў. Не менш арыгінальным на той час было і архітэктурнае рашэнне аб выкарыстанні цаглянай вертыкальнай устаўкі для разбіцця гарызантальных ліній будынка і надання ім асобнага кантрасту праз выкарыстанне чорна-белых будаўнічых матэрыялаў. Гэтыя і іншыя важныя ідэі архітэктара былі пакладзены ў аснову спачатку праектных заданняў, а потым пабудовы двух вучэбных карпусоў інстытута [24].

Работы па вонкавым аздабленні і ўнутранай мадэрнізацыі вучэбных карпусоў і комплексу з актавай і спартыўнай заламі інстытута не спыняліся з моманту іх пабудовы. Так, у пачатку 1980-х гадоў рэктаратам інстытута была ініцыявана распрацоўка архітэктурна-планіровачнага задання на выкананне праекта пераходу паміж вучэбнымі карпусамі па Омскім завулку, а таксама надбудовы пятага паверха на будынак інтэрнату [3, с. 220]. Аднак на той час рэалізаваць задуманае не ўдалося. Новая спроба пабудовы ўстаўкі у форме асобнага будынка была зроблена больш чым праз два дзесяцігоддзі, толькі ў пачатку нулявых гадоў. У лютым 2003 г. рэктарам уні-

версітэта Н. П. Баранавай было зацверджана заданне на праектаванне аб'екта «ўстаўкі паміж карпусамі ўніверсітэта па вул. Румянцава, 10–12» [25]. 6 сакавіка 2003 г. Мінгарвыканкам прыняў рашэнне дазволіць універсітэту правядзенне праектна-пошукавых работ па будаўніцтве будынка-ўстаўкі паміж вучэбнымі карпусамі ўніверсітэта [26].

Паводле планавага задання па гэтым аб'екце прадугледжвалася: будаўніцтва двухпавярховага будынка-ўстаўкі з прымыканнем да двух прылеглых вучэбных карпусоў на ўзроўні 2 і 3-га паверхаў, а таксама размяшчэннем некалькіх вучэбных памяшканняў, у тым ліку: чытальнай залы, электроннай і Аўстрыйскай бібліятэк, а таксама дзвюх вучэбных аўдыторый. Але галоўным у гэтым аб'екце можна лічыць пераходны калідор, дзякуючы якому ўдалося злучыць вучэбныя карпусы і замкнуць усе будынкi ў адзіны кампус вучэбных карпусоў і збудаванняў. Нагадаем, што акт аб прыёмцы завершанага будаўніцтва і ўвядзенні ў эксплуатацыю пераходу і вучэбных аўдыторый быў падпісаны 30 лістапада 2004 г. [27]. Але рэктарат універсітэта ва ўмовах пастаяннага павелічэння агульнай колькасці студэнтаў выношваў новыя планы па пашырэнні вучэбных плошчаў лінгвістычнай установы адукацыі. Пра гэта яскрава сведчыць праект, падрыхтаваны па заданні рэктарата з улікам пабудовы новага корпуса на ўнутранай тэрыторыі ўніверсітэта. І калі рэалізацыя гэтага праекта на гэты момант не стала фактам сучаснай гісторыі, бяспрэчным доказам мэтанакіраванага ўдасканалення аўдыторнага фонду вучэбных карпусоў, комплексу актавай і спартыўнай залаў універсітэта з'яўляецца іх пастаяннае абнаўленне цягам больш чым 15 апошніх гадоў у святле сучасных патрабаванняў.

Такім чынам, дзякуючы стратэгічнаму планаванню кіраўніцтва інстытута (універсітэта) і творчай рэалізацыі праектных заданняў архітэктарамі «Белдзяржпраекта» і «Мінскагарпраекта», у цэнтры беларускай сталіцы створаны адзін з самых сучасных адукацыйных кампусаў краіны – комплекс вучэбных карпусоў і збудаванняў Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта, у будучым – Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта сушэтных моў і культур.

ЛІТАРАТУРА

1. *Новікаў, С. Я.* Ля вытокаў стварэння МДЛУ / С. Я. Новікаў // Вестник МГЛУ. Серия 3. – 2012. – 11. – С. 219–223.
2. *Новікаў, С. Я.* «Малая зала» Мінскага іняза / С. Я. Новікаў // Вестник МГЛУ. Серия 3. – 2013. – 12. – С. 230–240.
3. *Новікаў, С. Я.* Кузня лінгвістычных кадраў вышэйшай кваліфікацыі / С. Я. Новікаў // Вестник МГЛУ. Серия 3. – 2014. – 13. – С. 219–227.
4. Постановление № 1686 Совета Министров Белорусской ССР от 26 ноября 1947 г. «О подготовке преподавателей иностранных языков» // НАРБ. – Ф. 7. – Воп. 3. – Спр. 270.

5. О мерах, обеспечивающих выполнение постановления Совета Министров Союза ССР № 3485 от 4 октября 1947 года «О подготовке преподавателей иностранного языка» // НАРБ. – Ф. 42. – Воп. 4. – Спр. 42.
6. Плановое задание на проектирование учебного корпуса педагогического института иностранных языков в г. Минске по ул. Захарова // Беларускі дзяржаўны архіў навукова-тэхнічнай дакументацыі (далее – БДАНТД). – Ф. 3. – Воп. 3. – Спр. 1161.
7. Плановое задание на привязку типового проекта общежития на 400 человек по Омскому переулку в г. Минске // БДАНТД. – Ф. 3. – Воп. 3. – Спр. 1161.
8. Пояснительная записка к проектному заданию по проектированию здания института иностранных языков в г. Минске // БДАНТД. – Ф. 3. – Воп. 3. – Спр. 1161.
9. Заборский Георгий Владимирович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 31.01.2017.
10. Плановое задание на привязку типового проекта Индустриального техникума на 840 человек (фронтальное решение) для учебного корпуса института иностранных языков по ул. Захарова в г. Минске // БДАНТД. – Ф. 10. – Воп. 3. – Спр. 362.
11. Проект вертикальной планировки и благоустройства территории Института иностранных языков по ул. Захарова в г. Минске // БДАНТД. – Ф. 10. – Воп. 2. – Спр. 367.
12. Архитектурно-проектное задание на проектирование здания для педагогического института иностранных языков по ул. Захарова в г. Минске // БДАНТД. – Ф. 10. – Воп. 3. – Спр. 362.
13. Выписка из решения Исполкома Минского городского совета депутатов трудящихся № 112 от 16 марта 1961 г. «О предоставлении земельных участков организациям и предприятиям г. Минска под жилищное и другие виды строительства» // БДАНТД. – Ф. 10. – Воп. 1. – Спр. 470.
14. Проект учебного корпуса института иностранных языков по ул. Захарова в г. Минске. Книга 1. Архитектурно-строительная часть // БДАНТД. – Ф. 10. – Воп. 1. – Спр. 1474.
15. Плановое задание на пристройку учебного корпуса Минского педагогического института иностранных языков // БДАНТД. – Ф. 10. – Воп. 1. – Спр. 1470.
16. Архитектор, дизайнер, изобретатель [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bsa.by/personalii/arhitektor-dizayner-i-izobretatel.html>. – Дата доступа: 02.02.2017.
17. Генплан института иностранных языков от 12.05.1962 г. // БДАНТД. – Ф. 10. – Воп. 1. – Спр. 1469.
18. Генплан института иностранных языков 1962 г. // БДАНТД. – Ф. 10. – Воп. 1. – Спр. 1472.
19. Проектное задание института иностранных языков по ул. Захарова в г. Минске. Генеральный план: планировочное решение. 1962 г. // БДАНТД. – Ф. 10. – Воп. 189. – Спр. 1470.

20. Учебный корпус Минского педагогического института иностранных языков по Войсковому переулку. Рабочие чертежи. Книга I: архитектурно-строительная часть // БДАНТД. – Ф. 10. – Воп. 1. – Спр. 1480.
21. Протоколы партийных собраний: Отчет партбюро Минского государственного педагогического института иностранных языков за период с 16 сентября 1965 г. по 12 октября 1966 г. // НАРБ. – Ф. 1154. – Воп. 2. – Спр. 41.
22. Комплекс актового и спортивного залов института иностранных языков по ул. Захарова. Рабочий проект: Архитектурно-строительная часть. Пояснительная записка. 1968 г. // БДАНТД. – Ф. 10. – Воп. 1. – Спр. 2272.
23. Комплекс актового и спортивного залов института иностранных языков по ул. Захарова. Рабочий проект: Кинотехнология. 1968 г. // БДАНТД. – Ф. 10. – Воп. 1. – Спр. 2276.
24. Інтэрв'ю з архітэктарам І. І. Есьманам 02.02.2017 г. (запіс захоўваецца ў асабістым архіве аўтара).
25. Задание на проектирование объекта «Вставка между корпусами учреждения образования «Минский государственный лингвистический университет» по ул. П. Румянцева от 18 февраля 2003 г. // Бягучы архіў прарэктара ўніверсітэта па адміністрацыйна-гаспадарчай частцы.
26. Выписка из решения Мингорисполкома № 291 от 06.03.2003 г. «О производстве проектно-изыскательских работ организациями и предприятиями г. Минска под жилищное и другие виды строительства» // Бягучы архіў прарэктара ўніверсітэта па адміністрацыйна-гаспадарчай частцы.
27. Акт приемки объекта законченного строительства от 30.11.2004 г. // Бягучы архіў прарэктара ўніверсітэта па адміністрацыйна-гаспадарчай частцы.

О. Е. Рымкевич (г. Минск, Беларусь)

ТАМАРА СТЕПАНОВНА ГЛУШАК – ОСНОВАТЕЛЬ И РУКОВОДИТЕЛЬ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В БЕЛАРУСИ

В юбилейный год, год празднования 70-летия университета, все мы, листая незабываемые страницы его многогранной истории, вспоминаем и тех педагогов, наших учителей, благодаря которым закладывался фундамент высоких учебных и научных достижений МГЛУ, тот фундамент, на котором базируются сегодняшние успехи и престиж университета. Поэтому просто замечательно, что сегодня мы собрались за круглым столом, чтобы отдать дань памяти доктору филологических наук, профессору Тамаре Степановне Глушак.

Всю свою долгую трудовую деятельность Тамара Степановна посвятила любимому делу – делу служения науке, создала в Минском государственном педагогическом институте иностранных языков, нынешнем МГЛУ, свою научную школу функционально-коммуникативной лингвистики. Новаторская по своей сути и глубине осмысления концепция всесторонне разрабатывалась

не одним поколением молодых исследователей под руководством Тамары Степановны. И в каждом конкретном случае раскрывались все новые, ранее неизведанные аспекты взаимодействия разноуровневых единиц немецкого языка в условиях их текстовой реализации. Отталкиваясь от статики системного устройства языка с характерными для него четко зафиксированными парадигматическими отношениями, функционально-коммуникативная концепция, разработанная Т. С. Глушак, подразумевала обязательный выход исследования на уровень текста, где в вариативном воплощении тех или иных лексических единиц, грамматических явлений, конструкций и категорий проявляется живая, уникальная по своей сути динамика функционирующего языка. В контекстах реализации происходит тонкая игра смыслов, единицы языка проявляют свои скрытые (латентные) свойства и, наоборот, в текстах как бы прочитывается между строк имплицитно сокрытая информация. По своей сути, функционально-семантический подход предполагает изучение языка в его действенной реализации. В этой связи «основным отправным моментом в формировании своей концепции» Т. С. Глушак считала «установку на аспект динамики языковой системы» [1, с. 3]. В рамках развития и воплощения данной концепции под пристальным вниманием исследователей находились тексты различных функциональных стилей и жанров.

Тамара Степановна неоднократно подчеркивала и тот факт, что в условиях текстовой реализации возникает и определенная прагматика, а сам прагматический аспект формируется под влиянием авторских интенций в значительной степени с помощью определенной текстовой стилистики. Именно стилистические средства способствуют объемному и многомерному восприятию и интерпретации всей текстовой формации, выходящему за пределы лишь узко предметного понимания текста. В речевой деятельности происходит стилистически нюансированный процесс языкового варьирования.

При функционально-коммуникативном подходе к исследованию языка само собой возникает, по мнению Т. С. Глушак, требование «глубоко вникать в стилистику «вживания» языковых элементов и их значений в текст» [2, с. 4]. Данный подход последовательно реализовывался как в многочисленных публикациях автора (более 100), монографии «Функциональное взаимодействие разноуровневых единиц языковой системы в диапазоне реализации номинализационных тенденций в немецком языке», так и в кандидатских диссертациях (их более 50) и докторской диссертации, выполненных под руководством Т. С. Глушак. Объектом исследования становились при этом различные элементы, единицы, категории немецкого языка. Это субстантивные словосочетания, термины, сложнопричастные образования, девербативы, явление номинализации в немецком языке, модальные слова, кореферентные имена в реализации авторской интенции художественного текста, статус причастий в текстообразовании немецкого языка, функционально-семантический статус грамматической формы будущего времени в реализации категории футуральности, исследования различных функционально-семантических категорий. Докторская диссертация А. М. Горлатова была посвящена исследованию стиля рекламы в немецком языке.

Таким образом, тщательному, глубокому анализу было подвергнуто большое количество языковых явлений, категорий, языковых феноменов, а сами исследования составляют, безусловно, уникальный фонд не только в границах Республики Беларусь, но и за ее пределами (значительное количество диссертаций хранится в диссертационном фонде Российской Федерации), из которых еще долго можно черпать новые идеи, сопоставлять их, анализировать и двигаться дальше к новым открытиям, к новым горизонтам.

Еще одной любовью Тамары Степановны, помимо очерченного выше функционально-коммуникативного подхода к исследованию языковых явлений, была стилистика, функциональная стилистика немецкого языка. Написанная Т. С. Глушак книга содержит в себе научный теоретический и практический опыт автора, в ней учтены и нашли отражение в том числе результаты проведенных диссертационных исследований, а концепция стилистики функциональной, положенная в ее основу, до настоящего времени не утратила своей актуальности, поскольку вполне отвечает взглядам и пониманию роли и задач стилистики в современной исследовательской парадигме. Говоря в своих последних статьях о стилистике на пересечении актуальных проблем и направлений в исследовании языка, Тамара Степановна писала о том, что современная стилистика характеризуется очень широким исследовательским диапазоном, так как ее интерес концентрируется на реализации языка во всех сферах и видах общения. Значимым для исследователей, по ее мнению, становится тот факт, что «вопросы исследования языка в различных коммуникативных сферах и ситуациях требуют учета связи стилистики с социальной и индивидуальной психологией, теорией коммуникации, этнологией, т. е. научными областями, для которых актуальны понятия *социум, индивид, речь, язык*» [2, с. 5]. Современный исследовательский подход отмечен тесным взаимодействием установок коммуникативной лингвистики и обширного арсенала лингвостилистики.

Согласно концепции функциональной стилистики, сфера общественной деятельности, соответственно и языковой коммуникации, служат фактором глобального стилеобразования, по которому дифференцируются функциональные стили. Тамара Степановна подчеркивала мысль о том, что многообразие появляющихся исследований функционально-стилистика направленности практически необозримо.

Исследование лингвопрагматики по ее связи со стилистикой стало характерной чертой большинства работ. Апробировано и доказано, что смысл информации, вербально представляемый в определенном стилистическом оформлении, разнообразно актуализирует прагматическую составляющую, отвечая в каждом речевом акте его цели и характеру воздействия на адресата.

Говоря о задачах современной стилистики, Тамара Степановна формулировала их так:

- 1) раскрытие и интерпретация вариативности средств языкового выражения в отдельном текстовом образовании;

2) соответствие варьирования языковых средств в структуре текста с нормативностью языка, с одной стороны, и с отклонениями от языковых норм, с другой;

3) углубленный анализ языковой экспрессии в конкретном текстовом воплощении;

4) систематизация по видам коннотаций разнообразных созначений и стилистико-смысловых оттенков в различных текстовых воплощениях смыслового содержания и др. [2, с. 8].

Вот уже пять лет, как Тамары Степановны с нами нет. Но она остается в памяти своими добрыми делами, научным наследием, оставленным после себя, своими замечательными мыслями и идеями. Говоря о научной школе Тамары Степановны, я думаю, что все, кто с ней работал, с искренней благодарностью вспоминают те незабываемые моменты совместного научного поиска, те минуты, часы, дни, годы, когда Тамара Степановна терпеливо и мудро вела нас непростыми дорогами научного поиска. У нее всегда было, чему поучиться: заинтересованному, творческому, порой самоотверженному отношению к труду, тщательности в выполнении научной работы и требовательности, в первую очередь, к себе. Всем нам известно, насколько внимательно и строго выверялись и многократно корректировались написанные аспирантами Тамары Степановны и ею самой тексты. При этом Тамара Степановна всегда ценила собственные мысли и идеи аспирантов и обязательно находила в них важное, что не могло не мотивировать исследователей. Более того, она спланировала своих учеников в единую команду, в которой все с готовностью помогали друг другу, сопереживали в моменты трудностей, радовались успехам и триумфу научной мысли. Все этому она научила и нас – тех, кто вместе с ней прошел ее школу. Она учила нас быть последовательными, вдумчивыми, внимательно изучать всю литературу по проблематике исследования. Она была не только талантливым ученым, но и просто добрым и отзывчивым человеком, заботливым и внимательным наставником и коллегой.

Тамары Степановны не хватает. Не хватает ее легкой поступи, ее пытливого ума, твердости ее духа, уверенного в успехе характера, мудрости, жизнеутверждающего настроения, ее притягательной энергетики. С чувством глубокой признательности и благодарности мы вспоминаем те времена, когда можно было прикоснуться к творческим научным идеям нашего дорогого учителя, близкого и родного для многих из нас человека – Тамары Степановны Глушак.

Мне вспоминается одна мысль, цитата философа Ф. Бэкона, произнесенная Тамарой Степановной в сентябре 2013 г., перед ее уходом: «Время никого не любит. Оно нас уносит. Остаются тексты – корабли мысли, странствующие по волнам времени и бережно несущие свой драгоценный груз от поколения к поколению». Думается, что мысли Тамары Степановны будут и далее жить, вдохновляя все новых исследователей, и тонкая духовная нить, сотканная Тамарой Степановной, надолго останется в памяти людей, соединяя их мысли и сердца.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горлатов, А. М.* Минская научная школа функциональной лингвистики Т. С. Глушак // Функциональная лингвистика : проблемы и перспективы : Материалы круглого слова, посвященного памяти доктора филологических наук, профессора Тамары Степановны Глушак. Минск, 17 октября 2014 г. / редкол.: Е. В. Зуевская [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2016. – С. 3–5.
2. *Глушак, Т. С.* Стилистика на пересечении актуальных проблем и направлений в исследовании языка // Язык : традиции и инновации : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 27–28 сентября 2013 г. / редкол.: Е. В. Зуевская [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2014. – С. 5–9.

ЯЗЫКОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ДИНАМИКЕ

М. П. Булгакова (г. Минск, Беларусь)

КОМПЕНСАТОРНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ АДЪЕКТИВОВ

Способность языковой системы к саморегулированию находилась всегда в поле пристального внимания лингвистов. Всевозможные трансформации, возмещения, порождения, компенсации и т. п. являются необходимым условием функционирования языка, развития его коммуникативного потенциала. На лексическом уровне эти явления отражаются в возникновении новых значений слов с целью удовлетворения потребностей номинации.

Исследователями системных отношений в лексике давно установлено, что различные классы слов в современном словаре представлены неравномерно. Говоря о качественных прилагательных, Н. Д. Арутюнова отмечает, что «среди значений, порожденных чувственным восприятием мира, наиболее развиты и тонко дифференцированы понятийные эквиваленты зрительных впечатлений. Зрительное восприятие мира играет большую роль в формировании понятийной сферы и соответственно языковой семантики. «Зрительная» семантика достаточно четко расчленена» [1, с. 42].

Среди групп предикатной лексики, характеризующихся зрительной семантикой, особого внимания заслуживают параметрические прилагательные (ПП). Действительно, человек отличает длинный предмет от короткого, большой от маленького, используя зрительный «канал связи». ПП широко представлены в словаре каждого языка и представляют собой «в высшей степени рационально и экономично организованную часть лексики» [2, с. 290].

Напротив, значения, отражающие слуховые и, в особенности, вкусовые, обонятельные и осязательные впечатления, в большей степени диффузны, внутренне недискретны. «Лексика, относящаяся к результатам незрительных восприятий, сравнительно бедна. Ее «богатство» окказионально и переменное. Оно взято взаймы у конкретной лексики – более всего у имен естественных реалий, ср.: *вкус вишни, запах сирени*. Человек не создал спектра запахов, вкусов и осязательных ощущений» [1, с. 42].

Проанализируем, какую роль в восполнении данного недостатка играют ПП в немецком и французском языках.

Широкие семантические возможности ПП обуславливают их высокую частотность и переходы в другие лексико-семантические поля.

1. Известно, что развитие временного значения у ПП является закономерным процессом для индоевропейских языков (нем.: *ein kurzer Urlaub* ‘короткий отпуск’, *ein langer Wechsel, ein Wechsel auf lange Sicht* ‘долгосрочный вексель’; фр.: *la nuit profonde* ‘глубокая ночь’, *un long hiver* ‘долгая зима’). Такая взаимосвязь темпоральных и ПП отражает органическое единство пространства и времени.

2. Отмечаются также случаи перехода ПП в зону звучания (нем.: *eine tiefe Stimme* ‘низкий [глубокий, грудной] голос’; фр.: *pousser les hauts cris* ‘издавать громкие крики’).

3. Третье, весьма широкое направление семантической деривации отражает развитие у ПП качественной оценки, ориентированной преимущественно на выражение антропоморфных свойств, где отмечается сочетаемость ПП с существительными самой разнообразной семантики.

Весьма активно ПП используются с существительными абстрактного значения:

нем.: *ein weites Gewissen haben* ‘не быть слишком совестливым’, *ein weites Herz* ‘открытая душа, широкая натура’, *eine dicke Freundschaft* ‘тесная дружба’, *ein kurzes Gedächtnis* ‘короткая память’;

фр.: *une grande chance* ‘большая удача’; *une grande importance* ‘большое значение’, *œuvre profonde* ‘сильное произведение’.

В основе таких словоупотреблений лежат явления семантического расширения значения, метафорических и метонимических переносов, которые отражаются в перестройке семной организации структуры слова и обуславливаются высоким коннотативным потенциалом ПП.

В случаях сочетания ПП с абстрактными существительными, обозначающими чувства, отношения, состояния, свойства, а также с существительными, имеющими оценочный характер, развивается значение ‘высокая степень’:

нем.: *eine dicke Lüge* ‘наглая [грубая] ложь’, *eine hohe Freude* ‘большая радость’, (*sehr*) *große Unwissenheit* ‘глубокое невежество’;

фр.: *grand buveur* ‘большой любитель выпить’, *douleur profonde* ‘глубокая печаль’, *grand chagrin* ‘большая печаль’, *grand mérite* ‘большая заслуга’. ПП не приписывают явлениям или событиям, обозначенным именами существительными, каких-либо новых свойств, но лишь усиливает, интенсифицирует качественные семы, содержащиеся в определяемом слове, внося в них дополнительные экспрессивные характеристики.

Однако, несмотря на свой высокий семантический потенциал, в области отражения чувственного восприятия мира ПП выражают преимущественно звуковые (нем.: *eine hohe Stimme* ‘высокий голос’; фр.: *ce petit bruit sec* ‘этот маленький сухой шум’), реже осязательные (нем.: *große Hitze* ‘сильная жара’; фр.: *grande chaleur* ‘большая жара’, *petite aspérité* ‘маленькая шероховатость’) ощущения, где ПП выступают интенсификаторами признака, выраженного именем существительным. Переходы в поле прилагательных вкусообозначения, обозначения запахов для ПП не характерны. Также нетипичны для анализируемых языков случаи употребления ПП со словами, выражающими вкусовые и обонятельные ощущения (аналогично и в русском: ср. *сильная вонь*, *слабый аромат*, *легкий запах*, но не *маленький* и не *большой*). Это связано, вероятно, со слабо развитой возможностью человека градуировать свои вкусовые и обонятельные ощущения, а ПП, употребленные в их вторичной семантике, отражают, прежде всего, разные степени интенсивности какого-либо свойства.

Таким образом, анализ ПП немецкого и французского языков еще раз подтверждает тот факт, что прилагательные, «отвечающие чувственному восприятию мира, демонстрируют зависимость своей семантической структуры от тех «каналов», через которые человек осуществляет свое знакомство с объектами действительности» [1, с. 42].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : «Языки русской культуры», 1999. – I–XV, 896 с.
2. Lang, E. Semantik der Dimensionsauszeichnung räumlicher Objekte / E. Lang // Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven / Studia grammatica, 26–27 / Hrsg. von M. Bierwisch und E. Lang. – Berlin : Akad.-Verl., 1987. – S. 287–452.

Т. В. Внук (г. Минск, Беларусь)

ОНОМАТОПЫ: ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ

Общение людей начиналось с первой сигнальной системы: это были жесты, мимика, прикосновения, примитивные звуки (сейчас это междометия). Со временем такие звуки стали словами и вошли во вторую сигнальную систему – язык. Средства первой сигнальной системы постепенно начали выходить из обихода, по этой причине из нашей жизни исчезли многие жесты, междометия.

В переходный период между первой и второй сигнальными системами в языке остались звукоподражательные слова/ономатопы/ономатопеические слова, объединенные понятием ономатопея (от древнегреческих слов *νομα* ‘имя’ и *ποιέω* ‘творить’). К ономатопею относятся как сами звукоподражательные слова (*кар, хрюк, га-га-га*), так и производные от них (*каркнуть, хрюкать, загоготать* и т. д.).

Долгое время велись споры о том, являются ли ономатопы междометиями, хотя еще Герман Пауль разграничил их в своей статье «Первотворчество» [1, с. 215]. Следующие критерии также помогают в этом: ономатопы, в отличие от междометий, 1) не являются частью речи; 2) выражают определенное явление конкретного мира, а не чувства, и поэтому не нуждаются в пояснении; 3) имеют определенное лексическое значение; 4) являются базой для пополнения словарного состава языка (новые междометия не образуются). [2, с. 125].

Звукоподражательные компоненты входят и в состав фразеологизмов, что представляется закономерным, поскольку на формирование фразеологического фонда оказывали влияние такие факторы как климат, особенности рельефа местности, флора, фауна и т. п.

Единицы выборки (158 единиц) были разделены на 2 группы: 1) подражание живым существам (звуки, производимые человеком (звукоподражание самому себе) и звукоподражание другим живым существам) и 2) подражание неживым существам.

Анализ материала позволил констатировать три пути попадания ономатопоэтических слов во фразеологический фонд немецкого языка. Первый путь: «приращение» к сохранившемуся в языке собственно ономатопу других компонентов (12 %), например: *klipp, klapp* ‘шлеп-шлеп, топ-топ, тук-тук’ → *klipp und klar* ‘ясно и недвусмысленно’. Второй путь: фразеологизация сохранившегося в языке собственно ономатопа через его субстантивацию либо производное от него слово (42 %), например: *husch, husch!* ‘живо!’ → *j-n auf einen **Husch** besuchen* ‘забежать к кому-л. на минутку’. Третий путь: при отсутствии в языке собственно ономатопа компонентом устойчивого выражения становится производное от него слово (46 %), например: *bellen* ‘лаять, тьякать, выть’ → *der Magen **bellt** (vor Hunger)* ‘в желудке урчит от голода’.

Преобладание единиц второй и третьей групп приводит к выводу, что в языке остается все меньше собственно ономатопов и, следовательно, шансы на образование устойчивых единиц непосредственно от ономатопов резко уменьшаются. Собственно ономатопы существуют в языке более тысячи лет, а фразеологизмы с ними насчитывают как минимум несколько сотен лет. Фразеологизмы с ономатопеическими производными значительно моложе. Именно они открывают перспективу для дальнейшего развития в данном направлении.

Образование новых ономатопеических компонентов продолжается, в том числе за счет «старых» ономатопов, которые могут образовывать звукокомплексы-новообразования. Тенденция пополнения системы звукоподражательной лексики и увеличения числа таких слов очевидна [3, с. 153], в основном благодаря звукоподражательным производным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 500 с.
2. Ражева, Е. С. К вопросу о существовании фонетически мотивированной лексики в английском языке / Е. С. Ражева // Перевод и когнитология в XXI веке : IV межд. науч.-теор. конф. (Москва, 18–19 апр. 2011). – М. : Изд-во МГОУ, 2011. – С. 124–126.
3. Канонович, А. Г. Звукоподражательные слова в лексической системе английского языка / А. Г. Канонович // Вестник МГЛУ. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – Вып. 559. Сер. Языкознание. – С. 151–154.

Е. В. Зуевская (г. Минск, Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ КОСВЕННОЙ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Речь, ее виды и особенности их оформления в различных функциональных стилях являлись предметом исследования целого ряда лингвистов. Традиционно выделяются 4 вида речи в тексте – авторская, прямая, косвенная и несобственно-прямая. Помимо данных видов речи в немецком языке У. Фикс выделяет также внутренний монолог. При этом основная цель прямой, косвенной и частично несобственно-прямой речи заключается в передаче чужих высказываний, т. е. помещение одного высказывания в другое в качестве сообщаемой информации согласно Г. Вейнриху. Немного иначе это трактуется У. Фикс, которая рассматривает передачу речи и мыслей как замену перспективы адресанта перспективой другого лица или как слияние двух перспектив.

При *авторской* речи повествование ведется от лица автора, который помимо описания каких-либо событий или явлений может выражать свои собственные мысли и рассуждения, давать оценку описываемым событиям. Наиболее широкое употребление данный вид находит в письменных текстах, где является преобладающим видом речи.

Под *прямой* речью понимается дословная передача чужого высказывания, которая в основном маркируется кавычками и словами автора. В словах автора, как правило, содержатся глаголы, обозначающие процесс говорения (*verba dicendi*) или глаголы чувств (*verba sentiendi*) и мыслей (*verba putandi*). В письменных текстах прямая речь представлена различными цитатами из публицистических и научных текстов или речью действующих лиц в художественной литературе. Одной из важных особенностей прямой речи является то, что этот способ передачи чужой речи больше, чем любой другой сохраняет и доносит до слушателя либо читателя особенности чужого высказывания не только в лексике, но и в синтаксисе, а также их интонационное звучание. В прямой речи отражается индивидуальный образ речи человека, его душевное состояние, его социальное положение и диалектальная принадлежность, его уровень образованности. Поэтому прямая речь широко используется в художественной литературе, внося значительный вклад в создание языкового портрета, характеризующего действующее лицо.

Несобственно-прямая речь является особым способом передачи внутренних переживаний, мыслей персонажей в художественном произведении, который занимает промежуточное положение между прямой и косвенной речью и оформляется в немецком языке, как правило, с помощью эпического претерита изъявительного наклонения.

В отличие от прямой речи, где чужое высказывание приводится дословно, т. е. так, как оно было сделано на самом деле, и где отношения между автором высказывания и слушателем являются прямыми и непосредственными, *косвенная* речь является опосредованной, недословной передачей

чужих или сделанных ранее собственных высказываний. Как и любой вид речи, косвенная речь обладает характерными формальными показателями, которые выделяют ее в тексте. Одним из таких маркеров являются, как и в прямой речи, коммуникативные глаголы либо образованные от них существительные: *Meinung, Vermutung, Gedanke, Glaube, Frage* и др., вводящие косвенную речь. Такие глаголы, исходя из своей валентности, открывают свободное место, которое может быть занято высказыванием. З. Егер считает, что такое эксплицитное либо имплицитное указание на косвенную речь является постоянным ее сопровождением [1, с.64].

Еще одним формальным признаком косвенной речи считаются союзы *dass* и *ob*, которые Г. Вейнрих выделяет в особую группу «*Inhalts-Junktoren*». Основной функцией данных союзов, по мнению Г. Вейнриха, является ‘указание на содержание’, что хорошо сочетается как с коммуникативными глаголами, так и с содержанием косвенной речи [2, с.726].

Одним из характерных признаков косвенной речи является также ‘транспозиция ситуативных индикаторов’, вызываемая транспозицией ролей в разговоре (Г. Вейнрих), поскольку слушатель становится говорящим и высказывание изменяется исходя из его действительности, т. е. перспектива адресанта заменяется перспективой другого лица в терминах У. Фикс. Под ситуативными индикаторами понимаются указательные местоимения, местоименные наречия, притяжательные местоимения и др., которые при преобразовании прямой речи в косвенную, а, следовательно, и при изменении ролей в разговоре, приспособляются к действительности передающего чужую речь человека. Так, например, не могут быть сохранены, дейктические наречия, для них должны быть введены соответствующие существительные (*hier – im Haus, der da – der Junge am Tisch, gestern – am Vortag/Tag davor* и т. п.) [3, с. 64].

Некоторые типичные для диалога фразы при преобразовании прямой речи в косвенную должны быть переданы глаголами, отражающими их основную смысл. Так, например, *Max: «Guten Tag, Inge»*. – может быть передано как: *Max begrüßte Inge*. В первоначальной форме также не сохраняются фразы типа «*weißt du..*», вводные слова, обращения, междометия и др.

Наряду с описанными маркерами косвенной речи в немецком языке она регулярно оформляется с помощью сослагательного наклонения. Его временные формы делятся на две группы: презентные (презенс, футурум I, II, перфект) или по-другому индиректив (согласно терминологии Г. Вейнриха) и претеритальные (претеритум, плюсквамперфект, кондиционалис I и кондиционалис II) или рестриктив (в терминологии Г. Вейнриха). Наиболее характерными для косвенной речи согласно традиционной грамматике являются презентные формы сослагательного наклонения, но, как считает Г. Вейнрих, они употребляются лишь в тех случаях, когда их можно четко отличить от временных форм изъявительного наклонения; при совпадении их место занимают претеритальные формы. При этом временные формы сослагательного наклонения обладают относительным вре-

менным значением, т. е. они обозначают не действие, произошедшее в определенный временной период, а отношение момента сообщения о действии или событии к этим периодам.

Спорным вопросом является роль сослагательного наклонения в оформлении косвенной речи. Так, можно выделить мнение целого ряда лингвистов, считающих сослагательное наклонение только формальным признаком косвенной речи (О. Бехагель, Г. Бринкманн, В. К. Постма, Г. Шаде и др.). В частности, В. К. Постма указывал, что сослагательное наклонение является обязательным только в тех случаях, когда между косвенной речью и вводящим ее глаголом отсутствует союз. Таким образом, сослагательное и изъявительное наклонение рассматриваются как возможные варианты, способные заменять друг друга в косвенной речи.

Иного мнения придерживаются в своих работах Д. Шульц, Г. Гризбах, И. Эрбен, Г. Глинц, Г. Хельбиг, И. Буша и др., рассматривая сослагательное наклонение не только как средство оформления косвенной речи, но и как средство частичной семантической дифференциации, которая, по их мнению, выражается в оппозиции изъявительное/сослагательное наклонение, т. е. употребляя сослагательное наклонение для передачи чужих слов, говорящий подчеркивает, что высказывание принадлежит не ему, дистанцируясь от его содержания (Д. Шульц и Г. Гризбах) [4].

Еще более категорично о роли сослагательного наклонения в оформлении косвенной речи высказывается В. Г. Адмони, считая, что само противопоставление своего собственного и чужого высказывания или мнения уже само по себе является модальным, поскольку оно выражает оценку говорящим реальности описываемого положения вещей [5, с. 204–205]. О. И. Москальская также подчеркивает, что «грамматическая ценность сослагательного наклонения косвенной речи состоит в ее обозначении как особого вида речи. Сослагательное наклонение косвенной речи – это наклонение опосредованного сообщения о ходе событий» [6, с.118].

При передаче чужого высказывания у говорящего существует несколько возможностей: передать высказывания, соглашаясь с ним, довести до сведения слушателей чужое высказывание, не будучи уверенным в его истинности, поставить содержание высказывания под сомнение, оформив его соответствующим образом. Эти возможности находят свое выражение через употребление разных временных форм конъюнктива. Как считает В. Г. Адмони, презентные формы сослагательного наклонения являются признаком нейтрального отношения говорящего к истинности содержания высказывания; изъявительное наклонение в свою очередь дает понять, что высказывание вызывает доверие у говорящего; претеритальные формы сослагательного наклонения свидетельствуют об обратном – говорящий ставит под сомнение содержание высказывания, дистанцируется от него, передает его вопреки личным убеждениям, что подтверждается данными проведенного в ходе исследования опроса информантов – носителей языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jäger, S.* Der Konjunktiv in der deutschen Sprache der Gegenwart: Untersuchungen an ausgewählten Texten / S. Jäger. – München: Max Hüber Verlag, 1971. – 437 S.
2. *Weinrich, H.* Textgrammatik der deutschen Sprache / H. Weinrich. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1993. – 1111 S.
3. *Fix, U.* Textlinguistik und Stilistik für Einsteiger / U. Fix, H. Poethe, G. Jos. – Frankfurt am Main: Verlag der Wissenschaften, 2003. – 236 S.
4. *Schulz, D.* Grammatik der deutschen Sprache / D. Schulz, H. Griesbach. – München: Max Hueber Verlag, 1972. – 475 S.
5. *Admoni, W.* Theoretische Grammatik der deutschen Sprache / В. Г. Адмони. – Москва: Просвещение, 1986. – 330 с.
6. *Moskalskaja, O. I.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / O. I. Moskalskaja. – Москва: Академия, 2004 – 480 с.

Н. А. Крупнова (г. Арзамас, Россия)

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА СЕМООБРАЗОВАНИЯ В МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ КОМПОЗИТАХ В СОСТАВЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ГНЕЗД РУССКОГО ЯЗЫКА (на примере композита *газотурбовоздуходувка*)

В результате проведенного анализа было обнаружено четыре композита с четырехкомпонентной структурой в глагольных словообразовательных гнездах (далее – СГ), это: *газотурбовоздуходувка, паровозовагоноремонтный, жаротрубнодымогарный, электросветоводо-лечение* [1, с. 68]. Исходя из того, что рамки данной статьи ограничены, рассмотрим более подробно особенности механизма семообразования на примере лишь одного композита, а именно *газотурбовоздуходувка*, остальные композиты, к сожалению, более бегло.

Процесс семообразования композита *газотурбовоздуходувка* носит ступенчатый характер. На наш взгляд, формирование значения данного четырехкомпонентного производного происходит трехступенчато: на первой ступени формируется значение двухкомпонентного композита *воздуходувка* при участии ЛСВ субстантивной вершины СГ *воздух* и глагольной вершины *дуть*; на второй ступени формируется значение трехкомпонентного композита *турбовоздуходувка* при участии ЛСВ двухкомпонентного композита *воздуходувка* и субстантивной вершины *турбина* и, наконец, на третьей ступени формируется значение четырехкомпонентного композита *газотурбовоздуходувка* при участии сем трехкомпонентного производного *турбовоздуходувка* и субстантивной вершины *газ*. Наглядно с помощью схемы это можно представить так:

ЛСВ вершины воздух + ЛСВ вершины дуть

ЛСВ воздуходувка + ЛСВ вершины турбина

ЛСВ турбовоздуходувка + ЛСВ вершины газ

ЛСВ газотурбовоздуходувка

Семная структура единиц, составляющих фрагмент аллигатуры названных производных, такая:

Воздух I —————> **ЛСВ1 смесь газов,**
*главным образом азота и кислорода,
необходимых для жизни человека,
животных и растений*

Дуть —————> **ЛСВ1 нести, гнать,**
*струи воздуха,
приводить воздух в движение*

Воздуходувка —————> **машина,**
*для подачи воздуха,
в доменную печь*

Турбина —————> **двигатель,**
*с вращательным движением рабочего органа,
преобразующий энергию пара, газа, воды в
механическую работу*

Турбовоздуходувка —————> **центробежная, воздуходувная машина,**
(БАС,) *применяемая преимущественно в металлургии*

Газ —————> **ЛСВ2 – общее название веществ,** *горючих, газообразных,
употребляемых для отопления, освещения, в качестве двигательной
силы и в других целях*

Газотурбовоздуходувка —————> **машина, центробежная, воздуходувная,**
*использующая при работе энергию газа, ско-
рее всего при нагревании, которую применя-
ют также преимущественно в металлургии.*

Таким образом, на первой ступени при участии одного ЛСВ вершин *воздух* и *дуть* формируется двукомпонентный композит *воздуходувный*, значение которого отсутствует и в БАС [2] и в МАС [3], но в МАС есть существительное с таким корнем *воздуходувка* (или *воздуходувная машина*). Значение субстантивной вершины СГ спроецировано опосредованно через гиперсему *такой газ* самим ЛСВ1, указание на который имеется в семантической структуре этого оттенка значения. Соотношение исходных сем – гиперо-гипонимическое: **смесь газов** – *воздуха*. Значение глагольной вершины проецируется также опосредованно через гипосему ‘подача’, обозначающую

действие по глаголу *давать*, то есть *знать воздух*. Соотношение исходных сем – гиперо-гипонимическое: **нести, гнать** – ‘подача’. На второй ступени формируется значение трехкомпонентного композита *турбовоздуходувка* при участии двукомпонентного композита с иерархией сем и значения субстантивной вершины *турбина*. Первый спроецирован непосредственно, отношения исходных сем – гиперо-гипонимические: ‘**воздуходувка**’ – ‘воздуходувная’. Значение субстантивной вершины СГ *турбина* реализуется опосредованно через гипосему ‘центробежная’ в семантической структуре композита. На третьем этапе субстантивная вершина *газ* своим ЛСВ2 спроецирована непосредственно на семантическую структуру трехкомпонентного производного, соотношение исходных сем – гиперо-гипонимическое: ‘**вещество**’ – ‘газ’.

В композите *электросветоводолечение* формирование семантической структуры происходит одноступенчато. Опуская рассмотрение семного состава единиц, входящих во фрагмент аллигатуры этого композита, формирование семантической структуры этого композита наглядно выглядит так: ЛСВ вершины *электричество* + ЛСВ вершины *свет* + ЛСВ вершины *вода* + ЛСВ вершины *лечить* через *лечение* —————> ЛСВ *электросветоводолечение*.

Проекция сем субстантивных и глагольной вершин осуществляется непосредственно на семантическую структуру композита.

И, наконец, композит *паровозовагоноремонтный* имеет двуступенчатую схему процесса семообразования, а именно: на первой ступени формируются значения двух двукомпонентных производных: *паровоз* и *вагоноремонтный*; на второй ступени ЛСВ двух названных выше двукомпонентных композитов формируют значение четырехкомпонентного производного *паровозовагоноремонтный*.

Значение субстантивных вершин СГ спроецировано непосредственно, причем *пар* реализуется оттенком ЛСВ1 непосредственно и опосредованно через гиперсему ‘такой газ’ самим ЛСВ1, указание на который имеется в семантической структуре этого оттенка значения. Соотношение исходных сем – гиперо-гипонимическое: ‘**газ**’ – ‘пар’; ‘**смесь газов**’ – ‘воздух’; ‘**средство транспорта**’ – ‘вагон’; ‘**исправление**’ – ‘ремонт’. Значение глагольной вершины проецируется на семантическую структуру рассматриваемой единицы как опосредованно через гипосему ‘тяга’, обозначающей действие по глаголу *тянуть*, то есть *двигать, перемещать*. Соотношение исходных сем – гиперо-гипонимическое: ‘**двигать, перемещать**’ – ‘тяги’. На второй ступени происходит формирование значения четырехкомпонентного композита *паровозовагоноремонтный* при непосредственной проекции ЛСВ двух двукомпонентных композитов. Аналогичную структуру имеет процесс семообразования в композите *жаротрубнодымогарный*.

В заключение отметим, что формирование семантической структуры четырехзначных композитов отличается своеобразием. Несмотря на то, что оно носит приблизительный, не вполне точный характер из-за отсутствия дефиниций композитов в МАС и БАС, в нем четко представлены следующие тенденции:

1. Значение композита формируется одноступенчато: ЛСВ четырех спроецированных вершин, образующих фрагмент аллигатуры производного (см.: *электросветоводолечение*);

2. Значение композита формируется двуступенчато: на первой ступени образуется два двукомпонентных композита с иерархией сем, на второй ступени – четырехкомпонентный композит (см.: *паровозовагоноремонтный, жаротрубнодымогарный*);

3. Значение композита формируется трехступенчато: на первой ступени образуется двукомпонентный композит с иерархией сем, на второй ступени – трехкомпонентный композит с проекцией гипер- и гипосем двукомпонентного композита и ЛСВ одной вершины и на третьей ступени – четырехкомпонентный композит (см.: *газотурбовоздуходувка*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Чурилова, Н.А. Композиты в составе русских глагольных гнезд: механизмы слово- и семообразования : дис... канд.филол.наук : 10.02.01 / Н. А. Чурилова – Арзамас, 2005. – 197 л.
2. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Под ред. С. Г. Бархударова; В. В. Виноградова; Ф. П. Филина – М. : Русский язык, 1950 – 1965. (БАС)
3. Словарь русского языка : в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1981. – 1984. (МАС)

Ю. И. Петракова (г. Минск, Беларусь)

ВЛИЯНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СПОСОБОВ НОМИНАЦИИ

В поисках имен для обозначения новых идей, объектов, отношений носители языка в первую очередь обращаются к имеющемуся лексическому материалу. Опираясь в своей словотворческой практике на уже существующие наименования и используя такие способы номинации, как словообразование и семантическая деривация, говорящий создает новые лексические единицы, связанные структурно-семантическими отношениями с исходными наименованиями и обладающие в силу этого рядом когнитивных преимуществ. Данный аспект номинативной деятельности нашел отражение в бесчисленном количестве исследований словообразования и семантической деривации, что не исчерпывает, однако, всех проблемных вопросов, связанных с функционированием данных номинативных механизмов и приобретающих особое значение в ономаσιологическом и когнитивном направлениях современной лингвистики.

Основания, по которым сопоставление словообразования и семантической деривации приобретает системный характер, подсказаны природой данных способов номинации и составляющими компонентами номинативного акта. Соответственно, поиск закономерностей сосуществования (или взаимодействия) словообразования и семантической деривации целесообразно проводить по следующим линиям: 1) выбор из словарного состава языка лексических единиц, выступающих как исходный материал для порождения номинативных единиц; 2) выполнение ономазиологических, или смысловых, заданий посредством производных единиц; 3) выбор когнитивных опор, т. е. семантических связей между именуемой и поименованной сущностями, необходимых для вторичной номинации.

Анализ имен существительных немецкого языка – наименований частей тела, орудий труда и психических свойств, а также возникших на их базе словообразовательных производных и имен существительных во вторичных значениях – в трех вышеуказанных аспектах очевидным образом продемонстрировал, что взаимодействие словообразования и семантической деривации строится на принципах изофункциональности и взаимодополнительности. Это означает, что и при выборе производящих единиц из одних и тех же лексических классов, и при выполнении ономазиологических заданий, и при опоре на семантические основания оба способа номинации обнаруживают как общие, так и специфичные характеристики. Возникает вопрос о том, одинаково ли представлены изофункциональность и взаимодополнительность при вовлечении в номинативный процесс единиц таких разнородных лексических классов, как наименования частей тела, орудий труда и психических свойств.

Согласно полученным данным, лексико-семантическая принадлежность производящих единиц действительно оказывает влияние на степень сближения и дифференциации словообразования и семантической деривации. Так, при выборе производящих баз преобладание изофункциональности исследуемых способов номинации наблюдается только среди наименований орудий труда: и в словообразование, и в семантическую деривацию вовлечены 36 % от общего числа наименований в группе (*der Hobel* ‘рубанок’, *die Schaufel* ‘лопата’ и др.), в то время как специфичные для того или иного способа производящие базы составляют 25 % единиц (*die Axt* ‘топор’, *die Egge* ‘борона’ и др.).

Напротив, в группах наименований частей тела и психических свойств наибольший удельный вес имеют единицы, участвующие только в словообразовании или только в семантической деривации – 39 % и 32 % от общего числа наименований соответственно (*die Faust* ‘кулак’, *der Schlund* ‘глотка, зев’; *die Psyche* ‘психика’, *das Innenleben* ‘внутренний мир’). А количество производящих баз, общих для двух способов номинации, составляет 30 % и 21 % соответственно (*das Auge* ‘глаз’, *das Knie* ‘колени’; *das Gefühl* ‘чувство’, *der Geist* ‘душа, сознание’). Таким образом, при использовании в качестве производящих баз наименований частей тела и психических свойств словообразованию и семантической деривации в большей степени присущи взаимодополнительные отношения.

Как и при распределении исходных единиц, соотношение ономасиологических заданий словообразования и семантической деривации характеризуется преобладанием то изофункциональности, то взаимодополнительности в зависимости от лексико-семантических характеристик производящих полей. Используя в качестве источников номинации наименования частей тела и орудий труда, деривационные механизмы выполняют преимущественно идентичные номинативные запросы: порождение наименований **лиц** (*der Gebissklemmer* '(фам.) стоматолог', *der Handweber* 'ткач на ручном станке' – *das Gesicht* 2. 'лицо (человек)', *das Haupt* 2. 'глава, предводитель'; *der Maschinenbauer* 'машиностроитель', *der Nadler* 'игольщик' – *die Maschine* 4. 'крупная, высокая женщина', *die Säge* 3. 'неприятный человек, «пилящий» нервы'), **животных** (*das Haarschaf* 'бесшерстная овца', *der Krallenfrosch* 'гладкая шпорцевая лягушка' – *die Nase* 8. '(зоол.) подуст', *die Zunge* 7. 'камбала морская'; *der Hammerfisch* 'рыба-молот', *der Messerfisch* 'рыбаножез' – *der Stift* 6. 'пчела в стадии личинки'), **частей тела** (*der Schenkelhals* '(анат.) шейка бедра', *der Wirbelknochen* '(анат.) позвонок' – *die Klaue* 3. 'копыто парнокопытного', *der Scheitel* 2. 'темя'; *die Fresszangen* 'ротовой аппарат грызущего типа у насекомых' – *der Amboss* 2. '(анат.) наковальня', *die Schere* 2. 'клешни') и др. Специфичные для того или иного способа номинации ономасиологические задания, наоборот, немногочисленны (22 общих задания vs 6 специфичных заданий для производящего поля наименований частей тела, 13 общих vs 9 специфичных заданий для производящего поля наименований орудий труда).

В производящем поле, представленном наименованиями психических свойств, соотношение общих и различных ономасиологических заданий (5 и 7 заданий соответственно) свидетельствует о преобладании отношений взаимодополнительности между исследуемыми способами номинации. Так, прерогативу словообразования составляет номинация **социальных отношений** (*die Seelenmassage* 'моральное воздействие, уговоры', *die Seelenverwandtschaft* 'родство душ'), **профессиональной деятельности** (*die Seelenlehre* 'психология, учение о душе', *die Seelsorge* '(церк.) душепопечительство'), **предметов одежды** (*der Seelenwärmer* 'душегрейка'). Особые ономасиологические задания семантической деривации, выполняемые с привлечением наименований психических свойств, представляют наименования **приборов и механизмов** (*das Innenleben* 2. '(тех.) внутреннее пространство, внутренние механизмы', *die Seele* 6. 'жила, сердечник каната, кабеля'), **оружия** (*die Seele* 5. 'канал ствола огнестрельного оружия') **сверхъестественного** (*der Geist* 5. 'призрак') и др.

При установлении семантических отношений между производящими и производными единицами влияние лексико-семантического фактора наименее очевидно: используя для порождения единиц наименования частей тела и орудий труда, словообразование и семантическая деривация тяготеют к выбору различных когнитивных опор (12 общих vs 15 специфичных опор для наименований частей тела и 7 общих vs 8 специфичных опор для наименований орудий труда). Вовлечение в словообразование и семантическую деривацию наименований психических свойств сопровождается

одинаковым соотношением изофункциональности и взаимодополнительности данных способов номинации (4 общих и 4 специфических семантических основания). Так, только для словообразования характерен выбор объектных отношений: *die Nase* 'нос' > *die Nasenspülung* '(мед.) промывание носа', *das Messer* 'нож' > *der Messerschmied* 'точильщик ножей', *die Seele* 'душа' > *der Seelenforscher* 'психолог (исследователь души)' и др. Прерогативу семантической деривации представляет, например, актуализация локативного сходства при обращении к наименованиям психических свойств: *die Seele* 1. 'душа' > 4. 'канал ствола огнестрельного оружия (расположен внутри ствола)'; 5. 'жила кабеля'. Общность словообразования и семантической деривации прослеживается при выборе партитивных отношений (*der Finger* 'палец' > *das Fingergelenk* 'фаланга пальца' – *die Pranke* 1. 'лапа' > 3. 'нижняя часть лапы'), опоре на сходство по внешнему виду (*der Hammer* 'молоток' > *der Wendehammer* 'Т-образный перекресток' – *der Keil* 1. 'клин, шпонка' > 3. 'клин ткани') и др.

Сопоставление словообразования и семантической деривации на материале имен существительных немецкого языка показало, что лексико-семантические характеристики производящих единиц, используемых в для порождения наименований, являются важным, хотя, по-видимому, не единственным фактором, оказывающим влияние на соотношение изофункциональности и взаимодополнительности ведущих способов номинации.

А. В. Сытько (г. Минск, Беларусь)

«СТАРАЯ ПЕСНЯ НА НОВЫЙ ЛАД»: МОДАЛЬНОСТЬ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНИЗМА

«Закончен том, но не закончен его раздробленный сюжет». Эти строки Игоря Северянина точно отражают судьбу категории модальности в лингвистике, которая являет собой практически неиссякаемый источник материала исследования, находясь на пересечении двух бесконечных миров – субъекта и действительности. В. П. Руднев писал, что «состояние без модальности, это мертвое состояние» [1, с. 351]. Начиная с Аристотеля, о модальности написано огромное количество работ и высказано множество самых различных точек зрения, часто противоположных и не совместимых друг с другом. При этом каждое научное осмысление этого сложного феномена получает новые векторы развития, определяя области его научной рефлексии и разрабатывая свой подход к семантике и объему значений данной категории.

В основу лингвистических подходов к данной категории легла выделяемая в философии гносеологическая (логическая) модальность – способ *понимания*, суждения об объекте, явлении или событии. Она существует наряду с онтологической модальностью – способом *существования* какого-либо объекта или протекания какого-либо явления. Лингвистическая модальность базируется на логической и передает семантику отношения.

Модальное отношение может быть разного рода. Еще Аристотель, изучая взаимосвязь возможного и необходимого, выделил два основных вида модальности: условную, которая относится к возможности и безусловную, которая относится к действительности. Данная классификация сыграла важную роль для лингвистики, поскольку условная модальность является основой субъективной модальности (отношение говорящего к содержанию высказывания), а безусловная – объективной модальности (отношение сообщаемого к его реальному осуществлению). Эти два типа отношения четко определяются независимо от исследовательского подхода (логический/логико-понятийный, синтаксический, семантический, функционально-семантический, когнитивно-семантический, функционально-прагматический, коммуникативный, коммуникативно-прагматический), разница заключается в объеме включаемых значений в область объективной и субъективной модальности.

Семантика отношения содержания высказывания к внеязыковой действительности основывается на *точке зрения говорящего* (термин, введенный В. В. Виноградовым). Мир сам по себе фрагментирован и гетерогенен, и любая осмысленная система или убеждение являются субъективной интерпретацией. Наличие в семантике модальности точки зрения говорящего позволяет некоторым ученым рассматривать ее как чисто субъективную категорию (Н. Ю. Павловская). Думается, однако, что если бы модальное отношение зависело только от некоего говорящего, то каждый текст продуцировался и понимался бы только на свой лад.

Введение субъективно-модального значения в общую категорию модальности явилось важным «мостиком, переброшенным от предложения к высказыванию и тексту» [2, с. 115]. Поскольку тексты есть материальное воплощение дискурсов, то можно расширить данную мысль – мостик к дискурсу. Так, для описания дискурса Т. ван Дейк предлагает ряд «семантических структур или аналитических категорий» [3, с. 12–13], среди которых он отмечает модальность – эпистемическую и деонтическую. Первая относится к уровню знаний (знание, мнение, вера), вторая касается вопросов нормативной организации социальных взаимоотношений (долг, вынуждение, разрешение, запрещение).

Еще до эпохи постмодернизма в 40-ые гг. XX в. академик И. И. Мещанинов указал на то, что модальность есть «понятийная» категория, передающая понятия, существующие в данной общественной среде [4]. Следовательно, интерпретация определяется *социальным* окружением, значит, носит *дискурсивный* характер. Модальность, таким образом, есть представление действительности с точки зрения субъекта речи – «Я» говорящего, но с точки зрения, сформированной дискурсом. В результате, мы имеем дело с легко узнаваемым модальным планом текстов институционального дискурса политики, рекламы, науки и т. д., например:

(1) *И мы намерены, «собрав в кулак» весь опыт первых кооператоров, весь опыт поражений предпринимателей в борьбе с чиновниками, написать и провести в жизнь закон «О свободе предпринимательства». Записать в нем, что проверки **должны** быть комплексными. И не чаще, чем один раз в год.* [12]

(2) Если же подходить к сочетанию «грамматическая категория» как к специальному термину, то к определению рассматриваемого понятия **должны** быть предъявлены более строгие требования, предполагающие, что за данным понятием должен стоять определенный класс однородных грамматических объектов. [13]

(3) Вы уже слышали о таком понятии, как «умный дом»? Если нет, мы расскажем, что это такое и с чего **стоит** начать обустройство квартиры по новому принципу. Тем более что иногда это бывает действительно полезно и совсем не сложно. [14]

Несмотря на то что, как отмечает Р. Лангакер, дискурс есть такой объект исследования, который отражает мир, созданный субъектом [5], авторская субъективность составляет лишь «узел сетки» или момент всеобщей «дискурсивной практики», говорящий же есть «переменная и сложная функция дискурса» [6], его необходимое условие реализации. Субъект «подчинен» идеологии и «не знает» о зависимости своей речемыслительной деятельности от дискурса, он неизбежно становится полем реализации дискурса. Так, М. Пеше выстраивает детерминационную схему: «идеология – дискурс – субъект» [7, с. 288]. Дискурс формирует неизбежные ограничения коммуникативного поведения, «институты структурируют коммуникативное пространство» [8, с. 169]. Модальные элементы и семантики обусловлены социокультурно. При передаче модальности реализуется интерпретация мира не отдельным обособленным индивидом, а субъектом того или иного дискурса, опыт которого сформирован этим дискурсом. Точку зрения субъекта поэтому можно рассматривать как «модальную компетенцию, подвергающуюся различным трансформациям» [6, с. 26].

Такие характеристики дискурса как: соотнесение с определенной областью социального опыта, которую он наделяет смыслами; социальная локализация, в которой возникают эти смыслы; лингвистическая (или какая-либо другая) система сигнификации, при помощи которой эти смыслы продуцируются и циркулируются – в их взаимосвязи составляют *матрицу* дискурса [9, с. 266], именно она конструирует реальность согласно собственным образцам и формирует модальный план каждого конкретного дискурса. Это так называемая «идеологическая» точка зрения, которая обозначает способ существования текстов в дискурсе как явления скорее автономного по отношению к говорящему. В результате специфика и степень значимости модальных значений обнаруживает «сильную зависимость от дискурсивной “системы координат”» [10, с. 239], поскольку дискурс задаёт некий схематизм поведения, определяет ментальные установки и предполагает расстановку в нём акцентов. С лингвистической точки зрения «дискурс рассматривается как «система лексико-грамматических вариантов выбора, из которых тексты / авторы выбирают, что необходимо включить или исключить и как оформить» (курсив наш) [11, с. 108].

Таким образом, лингвистическая модальность имеет дело с семантикой модального отношения как способа представления, который не является вопросом правды или реальности, но вопросом о том, каким образом это представление интегрируется в идеологическую систему говорящего и фор-

мулируется дискурсом. Выражение модальности создается при активном общении субъекта с социальной средой. Следовательно, любая модальная семантика всегда характеризуется идеологической, дискурсивной окрашенностью. Дискурсивная форма, таким образом, полагает различные эвристики отбора тех или иных языковых элементов для оформления модальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руднев, В. П. Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы / В. П. Руднев. – М. : Территория будущего, 2007. – (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). – 528 с.
2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
3. *Dijk, T. A. van* The study of discourse / T. A. van Dijk // Discourse as structure and process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. – Sage, 1997. – Т. 1. – Pp. 1–35.
4. Мещанинов, И. И. Понятийные категории и грамматические понятия / И. И. Мещанинов // Вестник ЛГУ. – 1946. – №1. – С. 7–24.
5. *Langacker, G. W.* Foundations of Cognitive Grammar / G. W. Langacker. – Stanford : Stanford University Press, 1987. – 540 p.
6. Фуко, М. Что такое автор? [Электронный ресурс] / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М. : Касталь, 1996. – С.7 – 47. – Режим доступа: <https://fil.wikireading.ru/84170>. – Дата доступа : 10.08.2018.
7. Пеше, М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия / М. Пеше, перевод с фр. Л. А. Илюшечкиной // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. общ. ред. П. Серио. – Изд-во: М.: Прогресс, 1999. – С. 225–291.
8. Спиридовский О. В. Устойчивость и динамичность в политическом дискурсе / О. В. Спиридовский // Политическая лингвистика, 2012. – 4 (42). – С.168–174.
9. Греймас, А. Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души / А. Ж. Греймас, Ж. Фонтаний. – М. : ЛКИ, 2007. – 336 с.
10. Задворная, Е. Г. Дискурсия [Электронный ресурс] /Е. Г. Задворная // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 с. – Режим доступа : <http://textarchive.ru/c-1069760-pall.html>. – Дата доступа : 14.08.2018.
11. *Benwell, B.* Discourse and Identity / B. Benwell, E. Stokoe 1st ed. Edinburgh: Edinburgh University Press. – 328 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

12. Программа движения «Развитие предпринимательства». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.aif.ru/money/mymoney/umnyu_dom_dlya_legkoj_zhizni_kak_i_gde_vybrat_nachinku_dlya_takogo_zhilya – Дата доступа : 09.09.2018.

13. *Бондарко, А.В.* Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании/ Бондарко А. В., Шубик С. А. (отв. ред.). – С.-Пб.: Наука, 2000. – 346 с.

14. Реклама «Умный дом». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://drprf.ru/programma-dvizheniya/> – Дата доступа : 09.09.2018.

Ю. Л. Шкляр (г. Минск, Беларусь)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОМПОНЕНТОВ АДЪЕКТИВНОЙ СИНТАГМЫ

Анализ семантического согласования между прилагательным и существительным в их минимальных лексических синтагмах неизбежно ставит вопрос о характере смысловой субординации между ними. Как известно, из числа характеризующих словесных знаков имя прилагательное «является в высшей степени синсемантической лексической единицей» [1, с. 212]. Происходит это вследствие того, что понятие признака, выражаемого прилагательным, «как по логике вещей, так и по логике мышления имплицитно некую субстанцию, предмет, которым этот признак должен быть приписан» [2, с. 53]. Тем самым синтагматическая связь с существительным оказывается для прилагательного «языковой неизбежностью», ибо наличие имени существительного является необходимым для реализации его значений. Структурная детерминированность прилагательного существительным, однако, не раскрывает характера взаимоотношения семантики данных лексических единиц внутри адъективно-субстантивных словосочетаний.

В современном языкознании нет однозначных решений по данной проблеме, и этим объясняется тот факт, что в силу своей сложности и неопределенности вопрос о характере смысловой субординации между членами атрибутивных сочетаний не перестает быть предметом дискуссий среди исследователей. Так, одна группа лингвистов отмечает влияние существительного на семантику сочетающегося с ним прилагательного и считает, что от существительных исходит семантическое указание к прилагательному [3; 4]. Существует также и другая точка зрения, согласно которой имя прилагательное в лексической синтагме с существительным не всегда занимает подчиненное место, что проявляет относительную автономность своей семантики [5, с. 113; 6], а в некоторых случаях может даже выступать носителем семантического центра словосочетаний. Таким образом, отсутствие в языкознании единого мнения относительно характера взаимоотношения семантики сочетающихся между собой прилагательного и существительного приводит к необходимости дальнейшего детального изучения данного вопроса.

При исследовании характера смысловой субординации между многозначными прилагательными и существительными внутри атрибутивных комплексов мы подвергали анализу не только семантически корректные фразеосочетания, но также и такие, когда сочетаемость слов с точки зрения семантических отношений представлялась невозможной. В результате ком-

бинаторно-семасиологического анализа было установлено, что, помимо, обусловленности значения прилагательного семантикой существительного, смысловая структура прилагательного может оказывать обратное воздействие на семантику своего субстантивного партнера и тем самым влиять на отбор комбинирующихся с ним существительных при этом семантические компоненты, входящие в значение прилагательных в системе языка, оказываются теми селективными семами, которые управляют выбором соответствующих, а не любых существительных. Причем все признаковые семы независимо от их структурного статуса могут выполнять селективную функцию: они диктуют разного рода ограничения на сочетаемость прилагательного с существительными и служат критериями правильного употребления того или иного прилагательного. Ср.: категориальная сема 'одушевленность' в структуре гипонимически образованной производной семы прилагательного *groß* со значением 'возраст человека' налагает запрет на ее сочетаемость с неодушевленными существительными, ср.: *meine große Schwester*, но *mein großer Baum*. Индивидуальная дифференцирующая сема 'полость' блокирует все сочетания прилагательного *tief* с существительными конкретной семантики, не содержащими в своей структуре данного элемента значения, например: *eine tiefe Tasse*, но *eine tiefe Gabel*. Видовая дифференцирующая сема 'время' в составе симилиативного значения прилагательного *hoch* детерминирует его актуализацию только со словами, обозначающими темпоральные понятия, ср.: *hohe Jahre*, *hoher Sommer*. Функцию избирательности выполняют также и коннотативные семы, ср.: *tiefe Nacht*, но *tiefer Morgen*. Правда, в отличие от денотативных сем, которые образуют в процессе соединения прилагательного с существительным определенные модели семантического согласования, коннотативная сочетаемость внутри адъективно-субстантивных словосочетаний не поддается жесткой нормативной фиксации. Наконец, на уровне фразеологически связанных значений прилагательных регулятором семантической сочетаемости выступают также собственно селективные семы, обуславливающие совмещаемость прилагательных лишь с теми существительными, которые обнаруживают в пределах своих семантических структур градуируемые признаковые семы, выступающие синтагматической опорой для адъективных слов, ср.: *große Angst*, но *großer Charakter*.

Таким образом, способность конституитивных элементов прилагательного регламентировать его сочетаемость с существительными говорит о том, что прилагательное не выполняет роль пассивного придатка существительного, а характеризуется определенной степенью самостоятельности своего семантического статуса в системе языка. Имя прилагательное, несомненно, обладает синсемантическими свойствами, что находит свое выражение в обязательном присутствии имени существительного как необходимого условия для реализации его значений. Но вместе с тем оно сохраняет в определенной степени и автосемантические черты: семантические компоненты, конституирующие значение прилагательного, мотивируют или блокируют выбор имен существительных, с которыми данное прилагательное может сочетаться. В этом и состоит относительная автономность лексического значения прилагательного в функционировании языковой системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уфимцева, А. А. Лексическое значение. Принцип семасиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – С. 212.
2. Уфимцева, А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) / А. А. Уфимцева // Языковая номинация. Виды наименований. – М. : Наука, 1977. – С. 53.
3. Бабич, Г. Н. Синтагматические связи прилагательных / Г. Н. Бабич. – Свердловск : Свердловский педагогический институт, 1977. – 51 с.
4. Васючкова, О. И. Семантико-функциональный аспект терминологического употребления прилагательных в современном английском языке : Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / О. И. Васючкова. – Минск, 1984. – 194 с.
5. Горник, С. В. Сочетаемость однокоренных прилагательных в английском *cold* и немецком *kalt* / С. В. Горник // Исследования по английской и сравнительной типологии : уч. записки. – Т. 471. – М. : МГПИ им. В.И. Ленина, 1971. – С. 112–126.
6. Маргалитадзе, Т. Д. Структурно-семантическая характеристика многозначных прилагательных как номинативных единиц в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / Т. Д. Маргалитадзе. – Тбилиси, 1982. – 244 с.

Л. Г. Щербакова (г. Минск, Беларусь)

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

В контексте изучения и преподавания иностранных языков понятия *двуязычие* и *многоязычие* встречаются в языковом, методическом и политическом контекстах и предполагают владение двумя языками. Данные понятия определяются многими авторами как синонимичные. Однако, в ряде лингвистических трудов отмечается, что понятие *многоязычие* шире по своей семантике и предполагает владение двумя и более языками. У. Вайнрайх утверждал, что настоящее многоязычие начинается только при изучении третьего современного языка, т. е. при изучении второго иностранного [1, с. 89–90].

В зависимости от степени владения изучаемым вторым иностранным языком различают минимальную и максимальную формы многоязычия. При минимальной форме многоязычия индивиды обладают фрагментарными языковыми знаниями (зачастую в виде определенных клише, устойчивых выражений, форм приветствия и т. д.). При максимальной форме многоязычия индивиды владеют одним или несколькими иностранными языками как родным языком.

При определении степени владения каждым изучаемым иностранным языком К.-Р. Бауш различает равномерную или симметричную, доминантную или асимметричную и семилингвальную формы многоязычия [2, с. 82–83]. При равномерной или симметричной форме многоязычия индивиды владеют

двумя языками в равной степени относительно всех коммуникативных аспектов. При доминантном или асимметричном многоязычии владение одним языком доминирует над уровнем владения другим языком. Семилингвальная форма многоязычия характеризует индивидов, имеющих определенный дефицит языковых средств в качественном и количественном отношениях. Индивид обладает минимальным запасом знаний, необходимых для осуществления коммуникации в повседневной жизни на двух иностранных языках.

Говоря о формах дву- и многоязычия, необходимо отметить, что при изучении второго иностранного языка на начальном этапе имеет место минимальная форма многоязычия, а также семилингвальная форма. При владении вторым иностранным языком на более высоком уровне может проявляться доминантная или асимметричная форма двуязычия. В процессе длительного изучения двух иностранных языков при «погружении» в языковые системы можно говорить и о максимальной форме многоязычия, а также о симметричном либо равномерном многоязычии.

Взаимодействие языковых систем двух контактирующих языков при многоязычии имеет своим следствием нарушение отдельных языковых норм изучаемого языка на лексическом, грамматическом и фонетическом уровнях, что может привести к затруднению взаимопонимания, нарушению процесса речевой коммуникации. Исследование проблемы языковых контактов предполагает также изучение процесса интерференции, сущность которого лингвистически определяется взаимным приспособлением языковых систем обоих контактирующих языков.

В зависимости от степени родства языков определяется количество интерферентных ошибок в речи многоязычных индивидов. По мнению многих авторов, при изучении близкородственных языков влияние первого иностранного языка слабее, чем при изучении языков, принадлежащих к разным языковым группам. Однако, существует точка зрения, что минимальные различия языковых систем могут вызывать больше трудностей, чем максимальные различия. При этом в обоих случаях не отрицается, что степень родства изучаемых языков является источником интерферентных ошибок. Базой для возникновения *интерференции* являются признаки, дифференцирующие языковые системы взаимодействующих языков.

В центре внимания исследователей находятся также вопросы классификации типов интерференции. Интерференция может быть систематизирована по характеру переноса навыков одного языка на другой (прямая и косвенная), в зависимости от источника возникновения (внутриязыковая и межъязыковая), по характеру проявления (явная и скрытая), по условиям контактирования языков (естественная и искусственная), по лингвистической природе в зависимости от уровня языка (грамматическая, лексическая и фонетическая).

Изучая научную литературу, нам удалось установить, что проявление межъязыковой интерференции в результате взаимодействия родного и иностранного языка исследовано в достаточной степени на материале различных национальных языков. Влиянием родного (белорусского) языка на изучае-

мый иностранный язык занимались на фонетическом уровне в Минском государственном лингвистическом университете Метлюк А. А., Карневская Е. Б., Поплавская Т. В. (английский язык), Селях А. С., Евчик Н. С. (французский язык), Петрушенко Е. Т., Щербакова Л. Г., Сытько А. В. (немецкий язык).

Предметом нашего исследования является межязыковая фонетическая интерференция при изучении двух иностранных языков (немецкого и английского), один из которых изучается как первый иностранный язык в рамках специального вузовского образования, а другой – как второй иностранный язык на факультетах немецкого и английского языков МГЛУ. Производство и восприятие речи на неродном языке «оказываются несогласованными по коду с системой данного языка. Речь, порождаемая на неродном языке даже при достаточно высоком уровне владения им, обычно не бывает фонетически строго выдержанной в соответствии с требованиями системы и нормы данного языка» [3, с. 15].

Несмотря на то, что немецкий и английский языки представляют одну группу языков и в обоих языках много общего, студентам достаточно сложно проводить аналогии и осознанно сопоставлять фонетические системы в связи с недостаточной иноязычной компетенцией. Фонетические системы иностранных языков могут успешно усваиваться при условии их обязательного сопоставления, выявления тождественных, сходных и различительных признаков как на сегментном, так и на просодическом уровнях языков.

На сегментном уровне в системе гласных и согласных фонем немецкого и английского языков отмечается определенная тождественность следующих признаков:

- различие гласных по длительности и качеству;
- ослабленное произношение гласных в безударной позиции;
- наличие дифтонгов;
- придыхание глухих согласных, ассимиляция звуков в потоке речи;
- отсутствие палатализации согласных перед гласными переднего ряда;
- место образования альвеолярных согласных;
- наличие звуков, отсутствующих в родном языке и т. д.

К различительным признакам относятся:

- позиционная долгота гласных в английском языке;
- зависимость длительности гласных от типа слога и ударения в немецком языке;
- количество дифтонгов;
- звукобуквенное соответствие гласных и дифтонгов;
- различный фонемный состав гласных и согласных;
- различие фонологических признаков отдельных звуков, имеющих в обоих языках;
- оглушение звонких согласных в конце слога в немецком языке, его отсутствие в английском языке;
- различные правила позиционной сочетаемости фонем и морфем и т. д.

Изучение универсальных и специфических черт фонетических систем иностранных языков необходимо для установления отрицательного влияния первого иностранного языка, определения потенциальных областей интерференции. Выявление различий в фонетических системах изучаемых иностранных языков способствует их лучшему усвоению, ставит своей целью предупреждение и устранение интерферентных ошибок в речи носителей языков и требует систематической работы над произношением на всех этапах обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вайнрайх, У.* Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. Выпуск 6. Языковые контакты. – М., 1972. – С. 89–93.
2. *Bausch, K.-R.* Zwei- und Mehrsprachigkeit: Überblick / K.-R. Bausch // Handbuch Fremdsprachenunterricht / S. Beyer // Fremdsprachen lehren und lernen. – Tübingen und Basel, 2003. – 585 S.
3. *Любимова, Л. А.* Фонетический аспект общения на неродном языке / Л. А. Любимова. – М., 1994. – С. 12–15.

Чэнь Тин (г. Минск, Беларусь)

ТИПЫ ВАРИАТИВНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Фразеологические единицы чрезвычайно разнообразны, и не только по тематической отнесенности. В советском языкознании ещё в 30–70-е годы прошлого столетия фразеологические единицы в русском и английском языках были тщательно классифицированы с различных сторон (с точки зрения мотивированности и семантической прозрачности, структуры, коммуникативной функции в речи и др.)

В китайском же языкознании интерес ко фразеологии возник только в 50-е г. прошлого века, и принципы классификации китайских ФЕ в нём носят иной характер. Так, учитывая своеобразие китайских фразеологических единиц, при их классификации одновременно учитываются несколько принципов: номинативная/коммуникативная, стилистическая и прагматическая функции, область употребления, происхождение и структура.

Согласно, например, Ма Гуофану, одному из первых и наиболее известных китайских фразеологов, можно говорить о 3 основных группах ФЕ в китайском языке [1, p. 78]:

- **чэньюй** (成语) [chéng yǔ] (дословно: ‘готовое выражение’) – это экономичные, стилистически отточенные и глубокие по смыслу фразеологические единицы, весьма характерные для китайской фразеологии; функцио-

нально они могут быть эквивалентны слову; обычно содержат грамматические и лексические черты древнекитайского языка вэньянь; семантически монолитные с переносным значением; состоят, как правило, из 4 слов, находящихся в грамматической, семантической и фонетической парности, и 4 иероглифов: 一石二鸟 (буквально: ‘один камень две птицы’, т. е., убить две птицы одним камнем); в определенной степени сравнимы с идиомами в европейской терминологии;

- **гуаньюньюй** (惯用语) [guàn yòng yǔ] (дословно: ‘привычное выражение’) – это воспроизводимые в устной и письменной художественной и публицистической речи переосмысленные словосочетания, имеющие обычно трехсложный (трехморфемный) состав и достаточно высокую степень мотивированности; функционально они, как правило, эквивалентны именам существительным; их источником являются обычно часто повторяемые словосочетания, а также выражения, берущие начало в древнем Китае; они экспрессивны, содержат метафору (垫脚石 – букв.: ‘камень, на который встают ногами, чтобы облегчить подъём’, т. е., ‘человек или объект, используемый как трамплин для чьей-то карьеры’); их можно сравнить с фразеологическими сочетаниями в советской терминологии (их в называют часто ‘трехсложное фразеологическое сочетание’);

- **сехоуяо** (歇后语) [xiē hòu yǔ] (дословно: ‘недоговорки-иносказания’) – это широко используемые в устной речи и весьма характерные для китайской фразеологии аллегорические двучленные фразеологические единицы; первая часть – это загадка, после которой следует пауза, а вторая – отгадка; выполняют номинативную или коммуникативную функции, например: 鸡蛋碰石头 – 坐输, букв.: ‘использовать яйцо, чтобы разбить камень – очевидно проигранная игра’, о неразумном решении, ведущем к провалу; сехоуяо, или недоговорки-иносказания, могут употребляться как в полной форме, так и в усеченной, когда используется только первая часть, создающая недосказанность.

Помимо названных 3 типов фразеологических единиц с преимущественно номинативной функцией, в китайском языке отмечаются также 3 типа фразеологических единиц, имеющих исключительно форму предложения:

- **яньюй** (谚语 [yàn yǔ]) – пословицы: 宁为玉碎, 不为瓦全 [nìng wéi yù suì, bù wéi wǎ quán] ‘лучше быть разбитым нефритом, чем целой черепицей’;

- **сююй** (俗语 [sú yǔ]) – поговорки: 抛砖引玉 [pāo zhuān yǐn yù] ‘Бросить кирпич, чтобы привлечь яшму’ – говорится в ситуации, когда кто-то очень поверхностно высказывается по какой-либо проблеме с единственной целью – вовлечь в дискуссию людей, чье мнение может быть действительно ценным;

- **юньюй** (引语 [yǐn yǔ]) – цитаты.

Восходящий к древне-китайскому языку четырехсложный **чэньюй** (成语) ‘готовое выражение, идиома’ и **юньюй** (引语) ‘цитата’ используются преимущественно в письменной речи, а обычно трехсложное фразеологическое

сочетание **гуаньюньюй** (惯用语) ‘привычное выражение’, а также **сехоуоуи** (歇后语) ‘недоговорка-иносказание’, **яньюй** (谚语) ‘поговорка’ и **суюй** (俗语 [sú yǔ]) ‘поговорки’, не имеющие обычно, в отличие от пословиц, поучительного смысла, менее формальны и часто используются в устной речи.

Различия в принципах классификации и используемой терминологии значительно затрудняют сопоставительное исследование ФЕ в данных языках. Однако всем фразеологическим единицам в двух языках, поскольку они являются готовыми и воспроизводимыми лексическими единицами, должна быть свойственна определенная стабильность содержания и структуры. Вместе с тем стабильность ФЕ не исключает их определенной **вариативности**.

Можно выделить 3 основные причины вариативности фразеологических единиц в любом языке:

- *Когнитивные*: ФЕ обычно основаны на метафорах, а метафоры – легко изменяемые психологические образы [2, p. 107].
- *Субъективные*: ФЕ – это лишь инструмент, языковой знак, который говорящий может изменить в зависимости от потребности и контекста.
- *Объективные*: ФЕ не являются полностью непрозрачными – они воспринимаются как многословные структуры, открыты для синтаксического и концептуального анализа, а потому могут быть подвержены изменениям.

Согласно Дж. Газдару [3, p. 239]), ФЕ могут допускать следующие **типы вариативности**:

- 1) лексическая;
- 2) грамматическая;
- 3) конструктивная (синтаксическая) и
- 4) прагматическая.

Примерами лексической вариативности в группе исследуемых английских фразеологизмов с компонентом ‘stone’ могут быть любые изменения слов разных частей речи: существительных: (as) *hard as iron/rock*; глаголов: *kill/hit two birds with one stone*; союзов или предлогов: *as hard as/like stone*.

Лексическая вариативность в исследуемой группе китайских фразеологизмов с аналогичным компонентом в силу морфологических особенностей языка наблюдается, чаще всего, среди существительных или глаголов **镂/琢于(之)金石** ‘*carve/cut in/on stone*’.

Таким образом, в обоих языках лексическая вариативность возможна везде, где контекст и члены фразеологизмов допускают синонимическую замену.

Грамматическая вариативность формы категории числа, определенности у существительного или времени и залога у глагола возможны в английских фразеологизмах и невозможны в силу ограниченности форм у категорий – в китайском. Так, категория числа в китайском выражается только лексически, а потому и вариативность фразеологизмов может быть только лексическая: **一石两鸟** ‘один камень – две птицы’ – **一石多鸟** ‘один камень – много птиц’.

Конструктивная (синтаксическая) вариативность имеет место в языке, когда меняется синтаксический формат фразеологизма, а лексический состав и значение остаются прежними. Обычно это наблюдается в случае сокращения (в английском: *a rolling stone gathers no moss/ a rolling stone* и в китайском: 坚若金石/坚石 ‘твердый как камень/ твердый камень’) или (реже) увеличения фразеологизма (ср.: в англ.: *a stone’s throw – just/only a stone’s throw*).

Таким образом, английские ФЕ обнаруживают четыре типа вариативности (лексический, грамматический, конструктивный, прагматический), в то время как в китайском языке – только три из них: из-за отсутствия у лексических единиц в китайском языке морфологических форм грамматический тип вариативности в исследуемых фразеологизмах не был идентифицирован.

ЛИТЕРАТУРА

1. 马国凡. 成语 // 呼和浩特: 内蒙古人民出版社 – 1985 – 页78.
2. Camenev, Z. Variation and Flexibility within Idiomatic Expressions / Z. Camenev // Annales Universitatis Apulensis, Series Philologica 9. – 2008 – № 1. – P. 107–114.
3. Gazdar, G. Generalized Phrase Structure Grammar // G. Gazdar. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1985. – 320 p.

СИСТЕМНЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ

В. Н. Дашкевич (г. Минск, Беларусь)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ОНОМАСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Язык народа – это его историческая память, воплощенная в слове, и *имена собственные* (ИС) как его составная часть являются важнейшим источником информации о культурном, историческом, социолингвистическом и географическом аспектах жизни носителей языка.

Лингвокультурологический аспект ИС наиболее полно отображается в составе *фразеологических единиц*, ввиду того, что фразеология также является отражением культуры народа, заключая в себе национальный колорит, традиции и ментальность, но имеет более развернутую, нежели имена собственные, форму.

Целью исследования является установление общих и отличительных характеристик фразеологизмов с именем собственным в английском, русском и корейском языках.

Материалом исследования стали 606 английских, 299 русских и 77 корейских фразеологических единиц с ономастическим компонентом, отобранных путем сплошного просмотра словарей (А. В. Кунин «Большой англо-русский фразеологический словарь»; S. Lubensky «Russian-English Dictionary of Idioms»; А. И. Молотков «Фразеологический словарь русского языка»; Е. С. Отин «Словарь коннотативных собственных имен»; Лим Су «Корейские народные изречения»; К. Park, М. Elliott «Dictionary of Korean Idioms» (한국어 관용어 사전)).

Анализ происхождения исследуемых ФЕ с ИС, а также характера самих ИС во фразеологизмах дает основания для следующих наблюдений:

1. Этимологическая характеристика ФЕ с ономастическим компонентом в английском, русском и корейском языках:

- ФЕ с именем собственным свойственны всем трем исследуемым языкам, и они составляют важный пласт их фразеологического фонда. При этом нельзя не заметить достаточно ограниченное количество фразеологизмов в корейском языке в целом.

- ФЕ с именем собственным в трех исследуемых языках различаются с точки зрения происхождения: хотя во всех трёх языках преобладают исконные ФЕ (417 (69 %) в английском языке, 247 (83 %) в русском языке и 63 (82 %) в корейском языке), английские фразеологизмы включают в себя наибольшее количество заимствованных ФЕ с ИС (31 %), в сравнении с корейским (18 %) и русским (17 %) языками.

- Типы источников анализируемых фразеологизмов одинаковы во всех трех языках (фольклор, литературные произведения, заимствования из других языков и культур). Однако конкретные виды этих источников, а также

обозначаемые данными фразеологизмами ситуации, оказываются разными, поскольку они теснейшим образом связаны с историей и национальной культурой.

• В исконных ФЕ с ИС всех трёх исследуемых языков примерно в равных соотношениях преобладают ФЕ, отражающие ежедневную практику, обычаи, традиции и реалии народов: 319 ФЕ (77 %) в английском языке, 189 ФЕ (76 %) в русском языке и 40 ФЕ (63%) в корейском языке, что, по-видимому, связано с самой сущностью этого вида номинативных единиц.

2. Тип имен собственных в составе ФЕ с ономастическим компонентом в английском, русском и корейском языках:

Анализ ономастического пространства в исследуемых фразеологизмах был выполнен на основе классификации имен собственных, предложенной профессором А. В. Суперанской, в основе которой лежат лингвистические и экстралингвистические характеристики онимов. Так, классификация имён собственных с учетом тематики именуемых ими объектов проводится ею следующим образом:

1) имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые (антропонимы, зоонимы, мифонимы);

2) именованья неодушевленных предметов (топонимы, космонимы и астронимы, фитонимы, хрематонимы, названия средств передвижения, торговые и фирменные названия);

3) ИС комплексных объектов (названия предприятий, учреждений, обществ, объединений; название органов периодической печати, хрононимы; названия праздников, юбилеев, торжеств; названия мероприятий, кампаний, войн; названия произведений литературы и искусства; документонимы; названия стихийных бедствий; фалеронимы).

Результаты проведённого анализа позволяют заключить следующее:

В английском языке:

Имена собственные почти в половине всех исследуемых фразеологизмов являются антропонимами (296 ФЕ с ИС – 49%): *Jack of all trades and master of none* ‘за всё братья и ничего толком не уметь’ (Джек – протонародное английское имя); *a Dear John* – амер. ‘дорогой Джон, ты мне больше не нужен’ – письмо от жены с просьбой о разводе или от возлюбленной о разрыве отношений.

Далее по представленности во фразеологизмах на значительном отдалении от антропонимов, следуют прозвища географических объектов (91 ФЕ с ИС – 15%): *the Mistress of the Sea* ‘владычица морей’ (прозвище Великобритании); *the City of Angels* – амер. ‘город ангелов’ (г. Лос-Анджелес).

Чуть меньшее количество английских фразеологизмов содержат прозвища людей: *Honest (old) Abe* ‘честный (старый) Эйб’ (прозвище президента Авраама Линкольна); *Aunt Jane* – амер. жарг. ‘тётушка Джейн’ (прозвище негритянок-богомолок), etc.

В русском языке:

Установлено, что в составе русскоязычных ФЕ, превышая в 2 раза показатели английского языка, преобладают антропонимы (251 ФЕ с ИС – 84%): *Маша с Уралмаша; деловая Маша* – ирон. ‘женщина, девушка’ (обычно недалекая, наивная, простоватая); *Додики патлатые* – ‘молодые парни с небрежной прической; стилиаги; хиппи’ (додик – Давид).

Следующими по численности в русскоязычной фразеологии следуют имена собственные – топонимы (35 ФЕ с ИС – 12%): *Пахнет Сибирью* – ‘угрожает тюрьмой, каторгой, высылкой на поселение’; *казанская сирота* – ‘о человеке, прикидывающемся несчастным, чтобы разжалобить кого-л’ (это выражение уходит корнями во времена Ивана Грозного, когда князья казанского ханства принимали христианство, чтобы добиться почестей от русского царя. Причем, мурзы в письмах к царю именовали себя «сиротами»).

В корейском языке:

В результате анализа ФЕ с ИС корейского языка было установлено, что, в отличие от русского и английского языков, преобладающим семантическим типом ИС во ФЕ корейского языка, является топоним (35 ФЕ с ИС – 45 %): *지저분하기는 오강수 다리 밑 같다* (chidzobunhaginyn **ogansu tari** mit katta) ‘грязно, как под мостом Огансу’ (Огансу – канал для сточных вод в Сеуле).

На втором месте находятся антропонимы (33 ФЕ с ИС – 43 %): *뽕기돌이냐? 담배도 잘 먹는다* (**ryondorinya?** tambedo chal’ monnynda) ‘разве Ёнгидол, что так много куришь?’ (Ёнгидол – имя человека, прославившего своим непомерным пристрастием к курению табака).

Таким образом, типы онимов во фразеологизмах сопоставляемых языков различны: во ФЕ русского и английского языков доминируют антропонимы, хотя и в разной степени, в то время как во ФЕ корейского языка доминируют топонимы. Это объясняется как спецификой национальной культуры носителей языков (для жителей Кореи считается оскорбительным обращение по имени; употребляются звания либо слова, указывающие на социальный статус и возраст коммуникантов), так и различиями в использовании ИС в социальных моделях (коллективизм корейской культуры против индивидуализма англоязычных и смешанного типа русской культуры).

О. Л. Зозуля (г. Брест, Беларусь)

СЛОЖНОПРОИЗВОДНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материале современного немецкого языка)

Лексические особенности технического текста определяются типом текста и степенью насыщенности терминами, которые (будучи обозначениями понятийных элементов системы определенной области знания и, соответственно, мыслительными единицами специалистов данной обла-

сти знания) и определяют содержание профессионального общения. Значение слова-нетермина соотнесено с непрофессиональными потребностями человеческого общения и поэтому усваивается вне рамок профессионального отношения к действительности, в то время как значение слова-термина соотнесено с определенной профессиональной деятельностью и поэтому требует освоения в данной сфере. Как подчеркивает Б. Н. Головин, «освоение терминологии, в особенности научной, требует специального обучения; освоение повседневно употребляемой лексики такого обучения не требует» [1, с. 9].

По мнению одних исследователей, обучение профессиональному иностранному языку не следует проводить на основе научно-популярных текстов, так как в них термины зачастую перефразируются для большей понятности. В тоже время следует отдавать предпочтение таким профессионально-ориентированным текстам, которые содержат некоторый минимум фундаментальных терминов, необходимых студенту-первокурснику и которые он способен усвоить [2, S. 44–49]. А. К. Крупченко также отмечает, что на начальном этапе обучения в вузе в профессионально-ориентированном тексте должна содержаться фундаментальная по значению, но элементарная по глубине информация [3, с. 104]. При этом Р. Бульманн и А. Фирнс указывают на то, что есть свойства лексической стороны технических языков, которые для обучаемых могут быть проблематичными, сложными или не вызывающими особые трудности [2, S. 16].

Так, например, наиболее частотные в технических текстах словообразовательные модели немецкого языка и значения, которые стоят за этими моделями, механизмы словообразования и т. д. могут стать эффективной стратегией семантизации (в том числе и самостоятельной, без обращения к переводному словарю) незнакомого слова в техническом тексте и, соответственно, облегчить обучение/усвоение профессионально-ориентированной лексики. Объектом данного исследования стали сложнопроизводные имена существительные, в которых основное слово представлено производной лексемой с суффиксом *-er*. Модель «основа глагола, именующего действие, + суффикс *-er*» является одной из самых частотных среди профессионально-ориентированной лексики и, как известно, имеет значение ‘субъект/объект, производящий *действие*, названное основой’. В процессе профессиональной деятельности, особенно в производственной сфере, специалистом/инструментом/устройством совершается множество определенных действий/операций, которые соответственно фиксируются глаголами. Часто это действия, именуемые переходными глаголами, т. е. это действия, которые направлены на другой объект: *regeln* ‘устанавливать/регулировать желаемый ход/уровень/мощность чего-л.’, *lüften* ‘проветривать, вентилировать что-л.’, *messen* ‘измерять что-л.’, *kühlen* ‘охлаждать что-л.’, *erhitzen* ‘разогревать; прогревать что-л.’ и т. д. Именно данные глаголы и становятся основами для образования производных слов: *der Regler* ‘регулятор’, *der Lüfter* ‘вентилятор’, *der Messer* ‘измерительный прибор; счётчик’, *der Kühler* ‘охладитель’, *der Erhitzer* ‘нагреватель’ и т. д. Данные лексемы в свою очередь становятся основными словами в сложнопроизводных лексемах, которые выступают

уже именами субкатегорий, например, *der Lufterhitzer* ‘воздухонагреватель’, *der Luftmesser* ‘расходомер (объёма) воздуха (напр. в системе впрыскивания бензина)’, *der Motorlüfter* ‘вентилятор двигателя’ и т. д. В приведённых выше примерах в качестве определяющего слова выступает имя объекта, на которое направлено действие (воздух, двигатель).

Лексема *der Schneckenförderer* ‘шнековый [червячный] транспортер’ является также сложнопроизводной. Здесь определяющее слово представлено многозначным словом *die Schnecke*, которое имеет более 10 лексико-семантических вариантов. В первом (основном) значении данное слово служит наименованием животного (улитка), и представляется, что скорее в данном значении оно будет знакомо студенту-первокурснику, как и любому человеку, не специализирующемуся в области различного рода техники. При этом данное слово *die Schnecke* является также именем технического термина *die Schnecke 7a* (шнек¹) ‘(Technik) in einen zylindrischen, kegelförmigen o.ä. Schaft eingeschnittenes Gewinde’ [5]. Представляется, что неспециалисту концептуализация и, следовательно, субкатегоризация данного объекта в категории «транспортер, конвейер» только через форму знака *der Schneckenförderer* будет достаточно проблематичной, где определяющее слово является наименованием не объекта, на который направлено действие *fördern* ‘транспортировать, перемещать’, а способа транспортировки, основанного на сходстве с внешним видом животного. Здесь не менее значимой является семантика данного слова, представленная в словарной дефиниции толкового словаря *Förderanlage für pulveriges Schüttgut, die aus einem Rohr mit einer darin sich drehenden Wendel besteht* [5]. Как подчеркивает З. А. Харитончик, «лексикографические описания с характерной для них энциклопедичностью и богатством сведений о многочисленных значениях языковых единиц ... становятся непревзойденным источником информации о вербализованных концептах и категориях» [6, с. 153].

При этом следует отметить, что сегодня отдельные лексико-семантические варианты слов в онлайн версии немецкого толкового словаря Duden [5] сопровождаются картинками, изображающими тот или иной объект (например, слово *die Schnecke*). Как известно, первейшим и необходимым звеном, основой мышления признается чувственное отражение, его итогом, результатом – понятие как определенная мыслительная (концептуальная) форма, обобщающая абстракция. Современный толковый словарь немецкого языка Duden в его онлайн варианте предоставляет его пользователю не только дефиницию слова как номинацию понятия, как концепта, связанного знаком (М. В. Никитин), но и «картинку» объекта, а именно зрительный канал признается главным источником получения информации и надежным способом верификации получаемых сведений. Таким образом, языковые и лексикографические данные могут стать для будущих специалистов своего рода когнитивным, познавательным механизмом профессионального мира.

¹ Шнек – *Speц*. Вал с винтообразными выступами, которые при вращении перемещают материал вверх по желобу (основной элемент транспортёра для сыпучих материалов и пульпы) [4]

ЛИТЕРАТУРА

1. Головин, Б. Н. Термин и слово / Б. Н. Головин // Термин и слово. – Горький 1980. – С. 3–22.
2. Buhlmann, R. Handbuch des Fachsprachenunterrichts : unter besonderer Berücksichtigung naturwissenschaftlich-technischer Fachsprachen / R. Buhlmann, A. Fearn. – 6., überarb. und erw. Aufl. – Tübingen : Narr, 2000. – 468 S.
3. Крупченко, А. К. Основы профессиональной лингводидактики : монография / А. К. Крупченко, А. Н. Кузнецов. – М. : АПКиППРО, 2015. – 232 с.
4. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/65296/%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%BA>. – Дата доступа : 29.08.2018.
5. Duden. Das Große Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://duden.de>. – Дата доступа: 15.08.2018.
6. Харитончик, З. А. О релевантности семантических компонентов в лексическом значении слова / З. А. Харитончик // Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование : избр. труды / З. А. Харитончик. – Минск, 2004. – С. 149–157.

С. А. Ждановіч (г. Мінск, Беларусь)

ЛЕКСІЧНЫЯ І ГРАМАТЫЧНЫЯ СРОДКІ ВЫРАЖЭННЯ БЕЛАРУСКАГА ПРЭДЫКАТЫВА *МОЖНА* Ў ПЕРАКЛАДАХ НА АНГЛІЙСКУЮ МОВУ

Мадальнасць (ад лац. *modus* ‘мера, спосаб’) – адна з цэнтральных катэгорый мыслення і мовы, істотная канструктыўная прыкмета ўсякага выказвання [1, с. 9]. У «Беларускай энцыклапедыі» мадальнасць падаецца як «функцыянальна-семантычная катэгорыя мовы, якая паказвае на спосаб перадачы адносін гаворачай асобы да выказвання і самога выказвання да рэчаіснасці» [2, с. 489]. У беларускай мове прэдыкатыў *можна* адносіцца да моўнай мадальнасці магчымасці, з’яўляючыся ядзерным сродкам поля знешняй магчымасці. У сказах ён спалучаецца з інфінітывам і ўтварае безасабовы сказ. Значэнне сінтаксічнага часу ў такіх канструкцыях выражаецца часавымі формамі звязкі. Значэнне сінтаксічнага ладу таксама рэпрэзентуецца дзеясловам-звязкай. На лексічным узроўні англійскімі адпаведнікамі беларускага прэдыкатыва *можна* могуць з’яўляцца не толькі мадальныя дзеясловы, але і:

1) прыметнік **possible**: *Лявон! Ты ж свой, тутэйшы, як жа можна так? – You’re one of our own people; how is this possible!* (В. Быкаў) *Ну, а калі дзень недалёка, то можна і пачакаць. – It seemed to Makoucyk that, after all, it was possible to wait until morning came* (І. Мележ). У двух сказах выражаецца значэнне магчымасці, але структурна ў другім сказе прыметнік з’яўляецца часткай састаўнога іменнага выказніка. Таксама ў перакладзе выкарыстаны прашлы час, што звязана з ужываннем ускоснай мовы;

2) прыслоўе **maybe** для перадачы мадальнасці са значэннем меркавання: *Гэта... Можна апасля, пан Карла? Ведаеце, лепш, каб вы далі гэта самае... Прыкурыць. – Ah, well, maybe later, Mr Karl. I'd rather you know what... Smoke* (В. Быкаў);

3) дзеяслоў **mind** з даданым сказам умовы (*mind+if-clause*) для рэалізацыі сітуацыі просьбы: *Можна да вас, хазяін? – Mind if we look in, owner?* (В. Быкаў);

4) устойлівы выраз **help yourself**, які перакладаецца як 'частуйцеся' для выражэння дазволу. Тут перакладчыкам быў выкарастаны прыём сэнсавага развіцця:

Вас, вас? – неяк жвава, мабыць, зацікаўлена, загаманіў да яго памагаты кухара і адклаў нож. Пятрок зразумеў і з гатоўнасцю выцяг капшук. Ага, можна. Свая гэта, дамашняя, калі пан хоча... – Petrok readily took the pouch from his pocket. Aha, help yourself. My own, homegrown. If the gent would like... (В. Быкаў).

Сярод граматычных спосабаў перадачы беларускага прэдыкатыва трэба адзначыць наступныя:

1. Канструкцыя «**it + be + adjective + to infinitive**» для перадачы значэння магчымасці: *Запара гаварыў малодшаму сержанту тонам, якому не можна было не верыць. – Zapara spoke to the junior sergeant in such tones that it was hard to disbelieve him* (І. Мележ).

2. Інфінітыў з часціцай *to* у функцыі азначэння ў саставе ўстойлівага словазлучэння з назоўнікам ці займеннікам (*there + be + noun/pronoun + to infinitive*) для выражэння магчымасці: *Ну што яшчэ можна было зрабіць перад гэтымі злыднямі? – But what was there to do with this villain?* (В. Быкаў)

3. Пасіўны інфінітыў у ролі азначэння да назоўніка, які з'яўляецца часткай састаўнога іменнага выказніка для выражэння значэння меркавання (у беларускім сказе яно падкрэсліваецца злучнікам *хіба*, у англійскім варыянце – прыслоўем *hardly*): *То была ўдача, якую можна было хіба што сасніць. – This was happiness which elevated them to the seventh heaven, success hardly to be dreamed of* (В. Быкаў).

Такім чынам, трэба адзначыць, што беларускі прэдыкатыў *можна* перадаецца на англійскую мову рознымі лексічнымі і граматычнымі сродкамі, якія нясуць у сабе не толькі асноўнае значэнне магчымасці, але і значэнне меркавання, што сведчыць аб тым, што беларускі прэдыкатыў *можна* мае шырокі дыяпазон функцыянавання. Таксама пры аналізе сказаў з мастацкай літаратуры трэба ўлічваць перакладчыцкія трансфармацыі, напрыклад, замену простага мовы ўскоснай або выкарыстанне прыёма сэнсавага развіцця.

ЛІТАРАТУРА

1. Паўлоўская, Н. Ю. Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове / Н. Ю. Паўлоўская; Мін. дзярж. лінгвіст. ун-т. – Мінск. : МДЛУ, 2001. – 205 с.
2. Беларуская энцыклапедыя : У 18 т.; рэдкал. : Г. П. Пашкоў [і інш.] – Мн. : БелЭн, 1999. – Т. 9 : Кулібін – Малаіта. – 560 с.

Т. Ф. Иванова (г. Минск, Беларусь)

ЭКСПРЕССИВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ КАК МАРКЕРЫ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ ТЕКСТОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Научная деятельность профессора Т. С. Глушак была сосредоточена на функционально-ориентированных исследованиях, где дискурс и, следовательно, текст рассматриваются как коммуникативное событие, как некая социальная деятельность в условиях реального мира. Следуя этой традиции, лингвостилистические явления изучаются ее «воспитанниками» в тесной связи с общественной практикой и с непосредственными целями говорящего/пишущего.

Такого рода изучение не является адекватным, если оставить без внимания важное для текстообразования и текстовосприятия понятие *авторской модальности*. Модальность, будучи одной из важнейших текстовых категорий, скрепляет все единицы текста в единое целое и пронизывает как отдельные отрезки текста, так и весь текст в целом. Тем не менее, применительно к тексту понятие *модальность* до настоящего времени не получило в лингвистической литературе единого общепризнанного толкования. Расширенное толкование модальности включает субъективную и объективную оценку содержания текста: в одних типах текстов, например, в научных текстах, доминирует объективная оценочность; в других, как, например, в политических текстах, превалирует авторская, индивидуальная оценочность. В последнем случае на передний план выдвигается сам акт коммуникации, речевая ситуация, т. е. взаимоотношение автора политического текста и потенциального читателя/слушателя, в результате чего прагматика модальности значительно расширяется.

Рассматривая понятие модальности по отношению к текстам политического дискурса, под *авторской модальностью* следует понимать выраженное в тексте отношение автора к сообщаемой информации, его точка зрения, позиция, ценностные ориентиры, которые сформулированы и доведены до сведения адресата. В этом смысле с авторской модальностью «перекликается» понятие *образа автора* как производителя речи, субъекта повествования, речевое произведение которого отмечено наличием определенной программы воздействия на адресата, т. е. прагматической составляющей.

С этой точки зрения текст публичной политической речи рассматривается как ментально-речевое действие посредством вербального воздействия на сознание адресата, которое обеспечивается наличием определенного набора характерных лингвостилистических конструкций. Но конкретные способы лингвистического представления и стилистической обработки информации предпочтительны для каждого конкретного автора. В этом случае в процессе восприятия политической речи происходит не только усвоение

информации, но и восприятие системы оценок конкретного автора, восприятие образа автора как понимание его концепции, а затем и усвоение или отторжение его политических взглядов и системы ценностей.

Исследование текстов речей немецких политиков Й. Гаука, А. Меркель и Ф.-В. Штайнмайера по случаю 500-летия Реформации, а также текстов предвыборных речей А. Меркель и М. Шульца однозначно указывает на более частотное использование в рамках широкого спектра лингвостилистических средств экспрессивных синтаксических конструкций.

Очевидно, что наибольшее употребление имеют обладающие сильным воздействующим потенциалом и способностью участвовать в семантическом и структурном выдвигании нужной для оратора информации такие стилистические приемы, как:

1) нарушение рамочной структуры предложения, инверсивный порядок слов, перечисление, анафорический повтор в рамках параллельных конструкций, а также сочетание приемов в одном высказывании:

Mir ist wichtig, dass die hart arbeitenden Menschen, die sich an die Regeln halten, die sich um ihre Kinder und oft auch um ihre Eltern kümmern, die manchmal trotz zweier Einkommen nur geradeso über die Runden kommen, dass wir diese Menschen in den Mittelpunkt unserer Politik stellen. (М. Шульц);

Diese Sorgen spüre ich in unserem Land (Ф.-В. Штайнмайер);

Weder Luther, noch Calvin, noch Zwingli noch ein anderer der Reformatoren in deutschen und europäischen Ländern konnte ahnen, welche grundstürzenden gesellschaftlichen und politischen Folgen ihr Kampf für eine Reform des Glaubens und der Kirche haben sollte (Й. Гаук);

2) парантеза: *Die Welt – das hat der ein oder andere schon mal von mir gehört – scheint aus den Fugen* (Ф.-В. Штайнмайер);

3) зарамочные вынесения членов предложения: *Wir suchen pragmatische Lösungen, im Dienste der Menschen* (М. Шульц);

4) изолированные предложения: *Wir brauchen den Mut, zu sagen, was ist. Auch was nicht ist* (Ф.-В. Штайнмайер);

Ist es nicht erstaunlich, ist es nicht eigentlich wunderbar, dass dieses Deutschland, „unser schwieriges Vaterland«, wie Gustav Heinemann es mal nannte, ist es nicht wunderbar, dass dies Land für viele in der Welt ein Anker der Hoffnung geworden ist? (Ф.-В. Штайнмайер).

В последнем примере анафорический повтор в формальном плане усиливает логическую спаянность частей высказывания, обеспечивает в плане восприятия естественность речевого потока, выступает своеобразным средством изображения определенного душевного состояния оратора, последовательно и уверенно отстаивающего свою позицию. Данный факт является показателем того, что текст есть заранее подготовленная и четко организованная речь, в которой на выбор синтаксических конструкций оказывают влияние личные предпочтения оратора в плане реализации его речевой тактики как программы воздействия на адресата. В результате актуализируется восприятие образа автора как понимание его системы оценок, его авторской модальности.

Анализ текстов предвыборных речей А. Меркель и М. Шульца также показывает, что, несмотря на общую тематику текстов, актуализация речевых тактик ораторов в плане частотности использования экспрессивных синтаксических конструкций значительно отличается (практически в два раза).

А. Меркель в своей речи останавливается на том, насколько существенно изменилось положение дел в Германии при главенстве ХДС, доказывая тем самым эффективность выбранной её партией политики и подчеркивая, что достигнутые результаты – это не только её заслуга, но и заслуга всех членов партии и министров. Делимитативная функция проявляется при этом слабо, но выполняется групповыделительная функция (содержательное и языковое обеспечение идентичности). Кроме того, в своей речи А. Меркель делает акцент не на отделении своей партии от других, а на единстве Союза. Использование наиболее частотных экспрессивных синтаксических конструкций способствует реализации речевой тактики А. Меркель в плане выполнения функции убеждения и аргументации.

В сравнении с речевой тактикой А. Меркель, в речи М. Шульца наблюдаются элементы более агрессивной и более эмоциональной тактики, что актуализируется в лингвистическом плане наличием значительного количества восклицательных предложений, наряду с повторами и перечислением. Отсюда можно сделать вывод о том, что тактика речи М. Шульца ориентирована в большей степени на выполнение, в первую очередь, персуазивной функции, а также информативной функции.

Проведенное исследование подтверждает тот факт, что в тексте политической речи прагматическое содержание очевидно преобладает над собственно тематическим (или коммуникативно-информационным) содержанием. Использование понятия *авторской модальности* в применении к исследованию политической коммуникации позволяет рассматривать коммуникацию в процессе восприятия текста политической речи не как однонаправленную передачу информации, призванную оказать то или иное воздействие, а как действия автора, рассчитанные на взаимодействие и обратную связь с адресатом.

Тезис психолога-исследователя М. Н. Новиковой-Грунд, согласно которому «любой публичный деятель (в той мере, в какой он публичен) есть не что иное, как текст, точнее, комплекс текстов» [1, с. 82], подтверждает лингвистическое представление об активности автора политического текста и позволяет констатировать в каждом речевом произведении политика прагматическую компоненту. Главное, чтобы личностная (фракционно-личностная или партийно-личностная) прагматическая установка автора на решение тех или иных политических проблем была адекватно интерпретирована.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новикова-Грунд, М. В. «Свои» и «чужие»: маркеры референтной группы в политическом дискурсе / М. В. Новикова-Грунд. – «Полис. Политические исследования», 2000. – № 4. – С. 82–93.

С. В. Кондракова (г. Минск, Беларусь)

КОНТАКТНАЯ И ДИСТАНТНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ВАЛЕНТНОСТИ СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ ПРИЧАСТИЙ

Включение субстантивированных причастий с присущими им системно-парадигматическими свойствами в синтагматическую сферу осуществляется по их частеречному статусу, но при этом и в значительной степени на основе валентности лежащих в их основе глаголов.

Известно, что реализация валентности глагола создает структуру предложения. Когда говорится о валентности имени, то имеется в виду, что диапазоном для ее проявления является синтаксическое словосочетание в виде соответствующей субстантивной группы. Актанты-реализаторы именной валентности, входя в предложение через стержневое существительное группы и находясь в позиции при нем, не имеют релевантности для общей структуры предложения, в то время как сами отглагольные имена являются в этой структуре актантами предикатного глагола, выступая в любой позиции, т. е. в функции любого члена предложения.

Специфическое проявление валентности девербативов и состоит в том, что, с одной стороны, в соответствии с частеречной принадлежностью к существительному, им присущи валентностные сопроводители в синтаксической функции определения; с другой стороны, в соответствии с исконной глагольностью самого словообразовательного типа, внутри общей атрибутивной позиции отражаются различные объектные и обстоятельственные отношения. Именно этими отношениями формируются указания на место, время, условие, причину и другие обстоятельства, имплицитные в атрибутивной функции.

Если при глаголе реляционная валентность связана с субъектной и объектной позициями, т. е. включает собственно субъектное и объектное отношения, то при существительном она включает лишь отношение «определяемое – определение». Доказательством являются нижеприводимые примеры:

- *Vorsitzender des Staatlichen Komitees für Filmwesen* – в атрибутивной группе при субстантивированном причастии-деятеле реализуется не только объект, но и его внутренний актант, как демонстрирует трансформация: *Jemand (Vorsitzender) leitet das Staatliche Komitee; das Komitee arbeitet zugunsten des Filmwesens;*

- *seine Mitfahrenden an diesem frühen Morgen* – атрибутивная группа при субстантивированном причастии содержит актант обстоятельства времени, что подтверждается трансформацией: *Er fuhr; bestimmte Personen fahren mit; sie fahren alle an diesem frühen Morgen;*

Субстантивированное причастие как представитель категории отглагольных существительных обладает «универсальными синтаксическими потенциями», будучи способно, во-первых, заполнять практически все «пустые

места» (Leerstellen), которые открывает финитный глагол в предложении; во-вторых, реализовать свою валентность в качестве определения в контактной позиции с определяемым девербативом.

О дистантной реализации валентности субстантивированных причастий возможно говорить только в связи с контекстом более широким, чем контекст высказывания. В тексте связи определяются текстообразующей категорией *когезии*, а она обеспечивает не просто формальное сцепление, но и логическую последовательность, темпоральную или пространственную взаимозависимость фактов, действий и пр. Когезия создает тем самым и пресуппозицию, поскольку относит нечто по связи к тому, что было раньше.

В контекстуальном поведении субстантивированных причастий очень важно, чтобы в рамках когезии имело место однозначное соотнесение имени с его актантом. Это может происходить при непосредственной предупомянутости актантов, т. е. за счет пресуппозиции, например:

*Damals war ich es gewesen, der jemand anderen verletzt und versetzt und alleine gelassen hatte, eine andere, dritte Person. Und damals war es gewesen, dass ich überrascht sah, wie das **Verlorene** im Abschied noch einmal zu einem zurückkehrt* [1, с. 17].

Субстантивированное причастие *das Verlorene* оказывается здесь номинализированным результатом действия, о котором сообщается в предыдущей информации (*ich habe jemand anderen verletzt, versetzt, alleine gelassen*).

Подобный случай употребления наблюдается и в следующем фрагменте:

*In Pisa habe am Vormittag ein Postbeamter im dritten Stock der Hauptpostamtes sein Gehalt abgeholt und sei anschließend mit dem Fahrstuhl ins Erdgeschoss gefahren. Durch einen technischen Defekt blieb der Lift im Parterre nicht stehen, fuhr in den Keller weiter, wo, nach einem Wolkenbruch, das Wasser drei Meter hoch stand. «Hilfe! Holt mich hoch!» hatte der **Eingeschlossene**» gerufen* [2, с. 69].

Субстантивированное причастие *der Eingeschlossene* воплощает семантику результата действия, описанного до этого (*Durch einen technischen Defekt blieb der Lift im Parterre nicht stehen*).

В обоих примерах фактически представлена дистантная реализация валентности, причем расстояние между носителем валентности и его актантами невелико. Но в принципе оно может быть гораздо большим, и в специальных исследованиях указывается на то, что объект действия может предупоминаться в более широком контексте, он может быть даже забыт, но «восстанавливается условиями контекста, “оживая” в памяти адресата» [3, с. 108]. Например:

Um uns herum explodierte alles, ich blutete, aber ich wusste nicht, wo ich getroffen worden war. Ich lag da im Dreck und wartete auf die nächste Kugel.

Затем через 18 строк сообщается:

*Er ging weiter, immer weiter, irgendwann erreichte er seine Einheit, sie schickten ihn zusammen mit anderen **Verletzten** und Toten zurück nach Amerika* [4, с. 92].

Субстантивированное причастие создает линию корреляции с действием, имевшим место ранее и имплицитно соотносимым с глагольным сказуемым *wurde getroffen*, но уже через значительный текстовый интервал.

Все вышеизложенное подводит к некоторым обобщениям: во-первых, субстантивированные причастия, обладая свойством валентности, допускают ее реализацию не только контактно, но и дистантно-контекстуально; во-вторых, дистантная реализация валентности оказывается уже явлением текста, поскольку она «программируется» самим текстообразованием, причем актанты могут выступать на малом или на значительном расстоянии от носителя валентности (через несколько строк или даже несколько страниц текста).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kelling, G. Jahreswechsel / G. Kelling. – Frankfurt a. Main : Suhrkamp Verl., 2004. – 167 S.*
2. *Jungk, P. S. Die Unruhe der Stella Federspiel / P. S. Jungk. – 2. Aufl. – München : Paul List Verl., 1996. – 242 S.*
3. *Черкас, М. А. Функционально-семантический статус отглагольных имён деятеля в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М. А. Черкас. – Минск, 1985. – 215 л.*
4. *Der Spiegel. – 2005. – 11.07. – № 28.*

Т. К. Кохнович (г. Минск, Беларусь)

МОЛЧАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ КОММУНИКАЦИИ

Молчание выступает предметом изучения самых разных наук: теологии, культурологии, философии, литературоведения, лингвистики. Исследования, посвященные различным аспектам молчания, стали появляться в лингвистике в начале 90-х г. XX в. в связи с развитием коммуникативного подхода к языку, в частности, к невербальным средствам коммуникации.

При исследовании молчания следует различать смежные с молчанием понятия: тишина, пауза, хезитация, неговорение, умолчание. Состояние молчания, возникающее в процессе общения следует отличать также от молчания, сигнализирующего об окончании речевого контекста. С точки зрения семиотики в лингвистике отмечаются случаи ритуального молчания, случаи стереотипного молчания: обиженно молчать, смущенно молчать.

Анализ научной литературы позволяет отметить три подхода в изучении молчания: философский, религиозный и лингвистический. Наиболее полно молчание получает свой смысл в рамках речевой коммуникации. С. В. Крестинский отмечал, что молчание является формой внутренней речи: отказываясь от звуковой речи, человек не перестает мыслить. Этот отказ может быть намеренным или ненамеренным, может быть вызван различными факторами психологического и социального характера, условиями и нормами соответствующего окружения [1, с. 74–79]. Таким образом, молчание является знаком стоящего за ним содержания, которое слито с молчанием.

В большинстве лингвистических работ молчание рассматривается как особый тип речевого акта (Арутюнова Н. Д., Крестинский С. В., Меликян С. В., Богданов В. В.). Н. Д. Арутюнова отмечает, что «подобно тому, как в словообразовании существует понятие нулевого суффикса или нулевого окончания, можно говорить о нулевом речевом акте, которым является молчание» [2, с. 106–107]. Специфика молчания как речевого акта заключается в отсутствии локутивного аспекта, что дает основание лингвистам говорить о несущественности с точки зрения семантической структуры эксплицитного выражения типа «я сообщаю». С помощью молчания человек сообщает собеседнику некоторое намерение, воздействуя таким образом на адресата, на его вербальное и невербальное поведение. Это и определяет иллокутивную силу и перлокутивное действие данного речевого акта. Сначала молчание воспринимается органами слуха, а затем воздействует на мозг, и собеседник задумывается о значении этого молчания. С точки зрения выражаемых интенций, может быть большое количество речевых актов, обусловленных молчанием. Представляется, что акт молчания и речевой акт как таковой обладают сходной коммуникативной структурой, но контекстуальная зависимость молчания не позволяет считать их полностью равноценными.

Изучение молчания в речевом общении обуславливает разграничение коммуникативного значимого и коммуникативно незначимого молчания (Богданов В. В., Крестинский С. В., Почепцов Г. Г., Груздева Е. В.). Для лингвистов интерес представляет *коммуникативно значимое молчание*, то есть молчание, получающее функциональную нагрузку в рамках ситуативного контекста. Такое молчание носит целенаправленный характер и передает информацию, которая успешно воспринимается и расшифровывается адресатом. Таким образом, обязательными условиями значимости молчания могут являться: намеренное использование молчания со стороны отправителя, осведомленность получателя о намеренном характере молчания и обладание собеседниками общим знанием относительно значения молчания. Коммуникативно значимое молчание может представлять собой «молчание слушания» и «молчание вместо говорения», при котором собеседник, который должен говорить, молчит (В. В. Богданов). Именно коммуникативное молчание имеет адресата, мотив, а иногда и цель. Оно может соотноситься с определенным содержанием и может быть включено в систему стимулов и реакций. Следует отметить, однако, что молчание может не восприниматься одним из собеседников по причине отсутствия взаимного смысла молчания. В связи с этим один из собеседников не сможет правильно истолковать молчание другого.

Особенностью некомуникативно значимого *молчания* является то, что оно не имеет функциональной нагрузки и исключает ситуацию общения. Причиной этого могут быть душевные переживания, болезненные состояния и т. д.

Неоднозначное толкование в лингвистике имеет вопрос об отнесении молчания к невербальным средствам коммуникации (Крестинский С. В., Курзон Д., Копылова Т. В., Шабанова Я. В.). В работах указанных лингвистов

отмечается, что молчание может быть включено в структуру речевого общения как один из невербальных компонентов, который способен выполнять коммуникативную функцию. Имеются также утверждения, что молчание нельзя отнести к внешним факторам, так как молчание не обладает автономностью от языка, его значимость проявляется только в контексте, то есть оно наиболее контекстуально зависимо. Представляются справедливыми утверждения о необходимости различения невербальной коммуникации в широком смысле слова от невербальной, сопровождающей речь. Термин *невербальная коммуникация* может быть взаимозаменяем с *совербальным* в зависимости от того, сопровождают ли жесты или мимические выражения речь или нет. Невербальная коммуникация обладает способностью сопровождать вербальную коммуникацию, то есть протекать одновременно с ней. Это дает основание полагать, что молчание и речь находятся в оппозиции друг к другу не как вербальный компонент к невербальному, а лишь с точки зрения использования речевого аппарата.

Таким образом, молчание занимает промежуточное положение между вербальными и невербальными средствами. С одной стороны, молчание невербально, оно является таковым по определению, поскольку допускает воздействие на адресата при помощи несловесных средств. В рамках коммуникации, однако, молчание обладает большей выразительной силой, чем, например, жест или мимика. Равноценным вербальному молчанию становится в силу выполнения своих функций в тексте.

В лингвистической литературе нет также однозначного мнения относительно выражения функций молчания (Богданов В. В., Йоко И., Чепанова Е. И., Копылова Т. В. и др.). Имеющиеся данные очень разноплановые, они с трудом могут быть обобщены. Это объясняется, на наш взгляд, сложностью и многоаспектностью данного явления, а также разнообразием ситуаций, компонентом которых является молчание. Так, даже при однозначном ответе, который может обозначаться речевым актом молчания, оно эксплицитно выражает либо эмоциональное состояние молчащего, либо его отношение к словам/действиям собеседника.

Разнообразие классификаций молчания обусловило их разделение с точки зрения функций, сфер употребления, а также с точки зрения коммуникативных ситуаций и причин молчания. Хотя общая систематизация функций до настоящего времени разработана не в полной мере, наиболее частыми функциями в работах лингвистов отмечается коммуникативная, экспрессивная, информативная и прагматическая.

Анализ научной литературы показывает, что при рассмотрении функций молчания, авторы совмещают цели и причины молчания, которые не всегда одинаковы. При этом имеет место смешение эмоционального состояния собеседника и его коммуникативной цели. Н. Д. Арутюнова характеризует функции молчания, исходя из его причин и отмечает при этом, что в отличие от говорения, ассоциируемого с целями (иллокутивными силами), о молчании не судят в терминах целей. Молчание имеет причину, которая равнозначна мотиву [2, с. 106].

Все вышеизложенное позволяет отметить, что молчание может функционировать как акт коммуникации, если носит целенаправленный характер, обладает интенциональностью и передает определенную информацию, которая успешно воспринимается и расшифровывается адресатом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крестинский, С. В.* Молчание в системе невербальных средств коммуникации / С. В. Крестинский // Тверской лингвистический меридиан. Теоретический сборник. – Вып. 1. – Тверь : Тверской государственный институт, 1998. – С. 74–79.
2. *Арутюнова, Н. Д.* Молчание : контексты употребления / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М. : Наука, 1994. – С. 106–117.

Н. В. Курбаленко (г. Минск, Беларусь)

АССИСТИВНАЯ КАУЗАЦИЯ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ассистивная каузация представляет особый научный интерес, т. к. практически не изучена в языках, не имеющих морфологического способа передачи данной разновидности каузативных отношений. В немецком языке рассматриваемое значение реализуется в синтаксических каузативных конструкциях (КК), организуемых целым рядом глаголов со значениями ‘помогать’, ‘содействовать’, ‘способствовать’ и пр., т. е. выражающими категориальное значение ассистивности: *begünstigen, beitragen, fördern, helfen, verhelfen, vermitteln, unterstützen* и др.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении особенностей употребления ассистивных каузативных конструкций в художественном и научном стилях немецкого языка. Как показывает проведенное исследование, в художественном стиле используются преимущественно КК с глаголом *helfen* или его производными (*nachhelfen, sich behelfen* и т. д.), в то время как в научном стиле наряду с глаголом *helfen* и его производными активно употребляются и другие глаголы анализируемой группы, отличающиеся друг от друга своими морфолого-синтаксическими и лексико-семантическими свойствами.

Так, самый употребительный в исследуемой группе глагол *helfen* организует четырехкомпонентную КК, состоящую из субъекта, объекта в дательном падеже и результата каузации, выраженного инфинитивом или предложно-именной группой: 1) *Ich half ihr, die Zeitungspakete von draußen hereinzuholen und auszupacken* [1]; *Diese Arbeit half den Menschen die richtige Balance zwischen Egoismus und Großzügigkeit finden* [2]; 2) *Sie darf ihm sogar das Frühstück*

bringen und ihm beim Ankleiden helfen [1]; Jeder effektiven Zusammenarbeit, jeder Innovation, jeder Qualitätsverbesserung und jedem exzellenten Service liegt die Bereitschaft zugrunde, anderen beim Erreichen ihrer Ziele zu helfen [2].

При этом субъект при глаголе *helfen* может быть одушевленным и неодушевленным: *Marie konnte sehr lieb sein und nett zu alten und hilfsbedürftigen Leuten; sie half ihnen auch bei jeder Gelegenheit beim Telefonieren [1]; Sie können sich nicht vorstellen, wie der eiserne Wille, einfach etwas zu glauben, hilft [1].*

Как показывает наша выборка, глагол *helfen* активно употребляется и в составе трехкомпонентных КК: *Sie hat ihm schon öfter geholfen [1]; Aus diesem Grund ist es hilfreich, die Konsequenzen des passiven Verhaltens aufzuzeigen, indem man die Tatsache verdeutlicht, dass jeder einmal zum Opfer werden könnte und die Wahrscheinlichkeit dafür steigt, wenn keiner dem anderen hilft [3].*

Нередки также случаи использования *helfen* только с субъектом каузации: *Manchmal hilft die Abendzeitung: sie macht mich so leer wie das Fernsehen [1]; Es zeigt sich, dass nur allein der Aufruf zu Zivilcourage kein Garant dafür ist, dass Menschen auch wirklich in entsprechenden Notsituationen eingreifen und helfen [3].*

В отличие от КК с глаголом *helfen*, в КК с *verhelfen* результат каузации является обязательным компонентом КК, выраженным либо при помощи инфинитива, либо посредством более распространенной предложно-именной группы: *Ihr Vater hatte mir diesen alten Freund langst hergeholt, wenn du ihm nicht zur Flucht verholfen hattest, aber nun wird das eben seine Tochter erledigen [1]; Irgendwie gelang es diesen Mitarbeitern, eine Menge qualitativ hochwertiger Arbeit zu leisten und dabei gleichzeitig auch noch ihren Kollegen zum Erfolg zu verhelfen [2].*

Отметим, что после КК с *helfen* наиболее употребительными в научном стиле являются КК с глаголами *fördern* и *unterstützen*. В отличие от рассмотренных выше глаголов, *fördern* и *unterstützen* организуют только трехкомпонентные КК, включающие в свой состав каузативный глагол, субъект и объект в винительном падеже. При употреблении КК с анализируемыми глаголами в центре внимания находятся субъект и объект каузации, при этом акцент может быть сделан как на человеке, которому необходимо оказать поддержку и всяческую помощь, так и на абстрактных сущностях или понятиях, качествах, чертах и т.п., развитию, усилению, укреплению которых нужно как-то поспособствовать. Ср.: 1) *So gilt es, Kinder in ihren Erfahrungen zu unterstützen...* [4]; *Wie können Eltern ihre Kinder fördern?* [4]; 2) *Diese Aktivitäten fördern die Entwicklung der Autonomie von Kindern und ihre zwischenmenschlichen und interkulturellen Fertigkeiten [5]; Eltern können dabei erfahren, dass eine kooperative, ermutigende, soziale und situationsorientierte Erziehungshaltung die Entwicklung ihres Kindes nachhaltig unterstützt...* [4].

При этом сфера или область, в которой объекту каузации оказывается содействие либо помощь, может быть уточнена: *Sie haben auch ein offenes Ohr für die Probleme der LehrerInnen und unterstützen diese bei der Elternarbeit...* [4].

Глагол *begünstigen* также организует трехкомпонентную КК с объектом в винительном падеже: *Der Unterricht in der eigenen Muttersprache begünstigt nicht nur den Schulerfolg, sondern stellt auch ein kulturelles Recht dar* [5].

В отличие от выше рассмотренных глаголов, *beitragen* образует трехкомпонентные КК, в состав которых наряду с каузативным глаголом входят субъект и результат каузации: *Bildung sollte zur Persönlichkeitsentwicklung beitragen...* [5]. Как и в случае с *verhelfen*, для КК с *beitragen* характерна большая вариативность средств выражения результата каузации: *Auch diese Erfahrungen tragen dazu bei, die Resilienzerfahrungen des Kindes zu erweitern und ihm zu vermitteln, dass es schwierige „Übergangs«-Situationen bewältigen kann* [4]; *Doch manche Kinder müssen arbeiten, um zum Überleben ihrer Familie beizutragen...* [5].

Как показывает наш анализ, в качестве субъекта и объекта каузации при анализируемых глаголах возможны и одушевленные (пример 1), и неодушевленные имена существительные (пример 2), при этом как одушевленный, так и неодушевленный субъект может каузировать одушевленный либо неодушевленный объект (примеры 3 и 4): 1. *Sie setzen sich intensiv mit den SchülerInnen auseinander, unterstützen sie bei sprachlichen Schwierigkeiten und verhelfen ihnen damit zu besseren schulischen Leistungen* [4]; 2. *Die Erfolgserlebnisse und die zusätzliche Aufmerksamkeit stärken das Selbstwertgefühl der SchülerInnen und fördern somit auch ihre Position im Klassenverband* [4]; 3. *Um diese Aufgaben zu erfüllen ist die Einbettung eines Konzeptes notwendig, welches die Mentoren unterstützt...* [4]; 4. *Der Europarat fördert den Sport auch als Mittel zur Entwicklung von Fair Play und Toleranz untereinander...* [5].

Отметим также, что в КК с рассматриваемыми глаголами часто находит свое языковое выражение такой компонент каузативной ситуации, как способ/средство каузации, который может быть оформлен как предложно-именной группой с предлогами *mit*, *mittels* и др., так и придаточным предложением с союзом *indem*: *Dieses praktische Können kann ebenfalls in Trainings und Rollenspielen sowie mittels Filmen und Videos in unterschiedlichen schulischen und dienstlichen Bereichen gefördert werden* [3]; *Manchmal half ich ihm dabei, indem ich die Fehler mit einem roten Tintenkuli anstrich...* [1].

Таким образом, рассматриваемые глаголы реализуют значение ассистивности в четырех- либо трехкомпонентных каузативных конструкциях, состав и морфологическое оформление компонентов которых зависит от глагола, организующего ту или иную КК. При этом глаголы, способные образовать четырехкомпонентные конструкции, употребляются преимущественно в трехкомпонентных КК. Анализируемые глаголы отличаются нюансами и оттенками передаваемого значения ассистивности, а также особенностями использования. Так, в научных статьях они демонстрируют наибольшее разнообразие, что позволяет сделать вывод о том, что основная сфера употребления данных глаголов – научный стиль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Böll, H. Ansichten eines Clowns [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://www.cje.ids.czest.pl/biblioteka>. – Дата доступа : 29.08.2018.
2. Die richtige Dosis Altruismus [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://harvardbusinessmanager.de/heft/d-97163059.html>. – Дата доступа : 29.08.2018.
3. Maßnahmen zur Förderung von Zivilcourage [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://www.wissen.de/foerderung-der-zivilcourage> – Дата доступа : 29.08.2018.
4. Interkulturelles Mentoring für Schulen [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://www.univie.ac.at/alumni.ksa/index.php/projektberichte/interkulturel-les-mentoring-fur-schulen.html>. – Дата доступа : 29.08.2018.
5. Bildung und Freizeit [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://www.compasito-zmrb.ch/themen/bildung-und-freizeit>. – Дата доступа : 29.08.2018.

Л. Н. Неборская (г. Минск, Беларусь)

ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫЕ ЕДИНСТВА В «ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ГАРМОНИИ» ТАТИАНА: ОПЫТ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

На современном этапе развития лингвистической науки ключевым понятием в рамках коммуникативно- и когнитивно-ориентированной парадигмы является антропоцентричный характер языка. Именно поэтому одним из признанных и перспективных направлений считается прагмалингвистика, изучающая коммуникацию в рамках одного временного среза. Однако язык и речь есть явления развивающиеся, поэтому знания о них необходимо дополнять исследованиями диахронического характера.

Исследования прагматики речи в диахроническом аспекте начались с публикации статьи Б. Шлибен-Ланге «В поддержку исторического анализа речевых актов», опубликованной в 1976 г. в рамках 10 Лингвистического коллоквиума в г. Тюбингене. В этой работе постулируется идея о том, что «не существует универсальных языковых действий, а только исторически определенные конвенционализированные языковые действия» [1, с. 114].

Устную речевую коммуникацию возможно изучать на материале такой ее исконной формы, как диалог, который есть «по своей простоте и четкости – классическая форма речевого общения» [2, с. 250]. Поскольку коммуникация отдаленных от нас эпох представлена только в виде письменных памятников, поэтому речь может идти только о художественном диалоге. Реконструкция ранних диалоговых форм возможно еще и потому, что чем древнее текст, тем меньше в нем модификаций и стилизаций в разговорной речи по сравнению с современными литературными источниками [3].

Материалом прагмалингвистического анализа стали 9 фрагментов текста Евангельской гармонии Татиана. Евангельская гармония или Диатессарон – это свод евангельских сказаний о жизни Иисуса Христа, составленный в последней трети II века сирийским монахом Татианом. Диатессарон получил значительное распространение по всему христианскому миру и с V века стал стандартным текстом Сирийской церкви. Исследуемый текст является вариантом Диатессарона, созданным на территории Германии. Это переводное произведение, написанное неизвестным автором (или авторами) около 830 г. на восточно-франкском диалекте [4, с. 20–25].

Среди отобранных текстовых фрагментов, содержащих вопросно-ответное единство, можно выделить диалогическую речь, относящуюся к т. н. бытовому сюжету библейского повествования и диалогическую речь, содержащую притчи и, таким образом, имеющую статус проповедей.

Вопросно-ответное единство характеризуется такими признаками, как мотивированность, адресность, двусторонность, эмоциональная окрашенность, эллиптичность, асимметричность, ситуативная обусловленность, особая связность реплик между собой, наличие обязательного побуждения к ответной реакции, и, следовательно, обладает значительным речеактовым потенциалом. Вопросно-ответное единство входит в состав диалогического единства или т. н. речевой секвенции. *Речевая секвенция* представляет собой акт чередования как минимум двух речевых ходов – речевое действие говорящего с момента вступления в коммуникацию до смены коммуникативных ролей. *Речевой ход*, в свою очередь, представляет собой один речевой акт или их совокупность. *Речевой акт* является минимальной единицей анализа исторической динамики речевой коммуникации. При анализе также учитывались следующие компоненты речевого акта: интерперсональный (адресантно-адресатный), интенциональный (роль коммуникантов и их интенции), контекстный и ситуативный.

Описание вопросно-ответной секвенции следует начать с модели ее ввода, т. е. с модели прямой речи, которая представляет собой типизированную структурно-семантическую модель предложения, формирующуюся в результате семантико-синтаксического взаимодействия его составляющих, линейный порядок расположения которых соответствует их типичному местоположению в большинстве текстовых реализаций.

Ядром этой модели является глагол говорения *quedan* ‘говорить, сказать’, представленный в форме простого прошедшего времени, а также наречие *tho* ‘тогда’ и союз *inti* ‘и’, которые выполняют анафорическую функцию. Подобное типизированное повторение основной формулы позволяет говорить нам об использовании всего комплекса ввода прямой речи как своего рода текстовой скрепы, которая как бы «движет» текст под влиянием коммуникативного замысла автора. Как правило, модель ввода вопросно-ответного единства содержит указание на адресата и на адресанта речи: *quad tho zi imo thie engil* ‘сказал тогда ему ангел’. В исследуемых фрагментах в единичных случаях встречаются модели без указания на адресанта и адресата речи *inti*

quad ‘и сказал’, без указания на адресата *quad Maria* ‘сказала Мария’, *inti her quad* ‘и он сказал’ или без указания на адресанта *Inti quad in* ‘и сказал ему’.

Речевой акт рогатив (вопрос), вводится также глаголом говорения *quedan* ‘сказать’. В нашем материале в двух фрагментах используется глагол *fragen* ‘спрашивать’, вводящий вопросительную реплику. В остальных же случаях встречается типичное сочетание двух глаголов говорения в одной модели: *Thô fragetun sie inan inti quadun* ‘Тогда спросили они его и сказали’, *Thô fragetun in thio menigi inti quadun* ‘Тогда спросили его эти люди и сказали’.

Модель ответной реплики в речевых секвенциях содержит глагол *antlingon* ‘отвечать’ или глагол *antwurten* ‘отвечать’ в форме причастия настоящего времени в сочетании с глаголом *quedan* ‘говорить, сказать’: *tho antlingonti thie engil quad imo* ‘тогда ангел ответил и сказал ему’, *her tho antuurtenti quad imo* ‘он тогда ответил и сказал ему’, *Her antlingota thô inti quad in* ‘Он ответил тогда и сказал ему’. В остальных же случаях ответная реплика не маркирована специальным глаголом.

Таким образом, мы видим, что в модели ввода вопросно-ответной секвенции указывается на два действия. Это могут быть два речевых действия (модель сочетания двух глаголов говорения) или два действия, одно из которых выражено глаголом говорения (соответственно – речевое действие), а второе – действие, сопровождающее данную речевую ситуацию. Например, *arriof mihhilerostemnu inti quad* ‘кричала громким глосом и сказала’. В данном случае мы наблюдаем сочетание речевого глагола с глаголом, передающим эмоциональное состояние адресата, что подчеркивает удивление и неожиданность от появления Марии перед Елизаветой.

Обращает на себя внимание морфологический способ оформления сложной модели ввода вопросно-ответной секвенции. Здесь можно выделить три возможности, ранжированные далее с т. з. частотности: 1) глагол говорения в претерите + союз *inti* + глагол говорения в претерите; 2) глагол говорения в претерите + наречие *sus* ‘так’ + глагол говорения в форме причастия настоящего времени; 3) глагол говорения в форме причастия настоящего времени + глагол говорения в претерите (например, *tho antlingonti thie engil quad imo* ‘тогда ответили ангелы и сказали ему’).

Далее мы представим последовательность реплик в составе речевой секвенции с указанием на коммуникативный тип речевых актов:

... *quad thes heilantes muoter zi imo:sie ni habent uuin. tho quad iru ther heilant: uiaz ist thin thes inti mih, uuib? noh nu ni quam min zit.* ‘сказала ему мать спасителя: у них нет вина. тогда сказал ей спаситель: что тебе или мне до этого, женщина? не пришло еще мое время’/косвенный речевой акт *директив* (сообщение о некоей ситуации с целью ее исправления – просьба) – *рогатив* (прямой открытый вопрос) – косвенный отказ выполнить просьбу – *комиссив* (косвенное обещание выполнить просьбу, когда наступит время).

Описание моделей диалогических единств библейского текста позволяет представить классификацию вопросительных речевых актов, реализующихся при помощи прямых открытых (с вопросительным словом) вопросительных конструкций, в составе вопросно-ответной секвенции с учетом ответной реакции на вопрос: отказ выполнять просьбу, выражение эмоционального состояния говорящего (удивление), запрос информации, запрос совета, сомнение, упрек.

Таким образом, вопросно-ответные секвенции, входящие в состав т. н. бытовых сюжетов, имеют целью побудить слушающего сообщить говорящему нечто, требующее выяснения, т. е. побудить его к обмену мнениями по той или иной проблеме. Вопросно-ответные секвенции, включенные в составе речевых секвенций притч, в речевую секвенцию проповедь, направлены на достижение прагматической установки поучения с целью заставить уверовать в бога.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Schlieben-Lange, B.* Für eine historische Analyse von Sprechakten / B. Schlieben-Lange // Sprachtheorie und Pragmatik / hrsg. von H. Weber, H. Wezdt. (Akten des 10. Linguistischen Kolloquiums). Tübingen, 1976. – Bd. 1. – S. 113–119.
2. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. М., 1979. – 424 с.
3. *Vax, M.* Historische Pragmatik: Eine Herausforderung für die Zukunft? // Diachrone Semantik und Pragmatik / hrsg. von D. Busse. Tübingen, 1991. – S. 197–215.
4. *Чемоданов, Н. С.* Хрестоматия по истории немецкого языка / Н. С. Чемоданов. – М., 1978. – 287 с.

Л. М. Ньюбина (г. Смоленск, Россия)

О КАТЕГОРИЯХ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В 70-е годы в Германии получил большое распространение жанр автобиографии, относящийся к мемуарной литературе с ее подвидами (письма, дневники, автобиография, исторические, военные мемуары и т.п.), онтологической основой которых является память. Если говорить «о жанровой сущности, жанровом содержании, устойчивых принципах построения, тематики произведения, восприятия и рефлексии автором внешнего мира» [1; 2], то жанр автобиографии свидетельствует о наличии некоторых устойчивых характеристик. Исследования показывают, что к устойчивым доминантам в этом жанре относятся: амбивалентность, эгоцентризм, гетерогенность, фрагментарность и др. [3].

Амбивалентность автобиографических текстов (АТ) состоит в том, что они документальны, с одной стороны, и образны – с другой. Документальность основана на фактологическом описании конкретной жизни определенного человека. Лингвистическая структура текста зависит от автора произведения, особенностей его стиля. Другой структурной чертой АТ становится эгоцентризм, проявляющийся в «автобиографическом пакте» между автором, повествователем и протагонистом/героем, представленными местоимением «Я». *Эгоцентризм* этого вида текста определяется языковой формой (рассказ в прозе); темой повествования (индивидуальная история конкретной личности); позицией автора (идентичность между автором, повествователем и героем; ретроспективой как основой повествования [4].

Основой АТ является п а м я т ь как сложная «интерактивная» система, имеющая внутреннюю и внешнюю организацию. В систему памяти входят различные ее виды: сенсорная, рабочая, долговременная, кратковременная, эпизодическая, эмоциональная, автобиографическая, семантическая интериоризованная и экстериоризованная и др. (Бадли М., Айзенк М., Андерсон М.). Интериоризованная память считается внутренней, ее ключевыми задачами является репрезентация знаний «внутри» человека, что составляло суть человеческого мышления и всех ментальных процессов, существовавших в голове человека [5, с. 356]. Экстериоризованная память относится к внешней, социальной памяти. Если первый вид памяти связан со способностью собирать и хранить знания о мире, то внешний вид памяти лежит в основе коммуникации человека с внешним миром. Интериоризованная память идентична в понимании В. В. Нурковой «автобиографической» как «особой лично обусловленной реальности», «хроники жизни», которая классифицируется как «память-рассказ» [6, с. 23, 39].

В этом исследовании мы затронем категорию *хронотопа* «как существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [2, с. 121]. Решая формальные задачи языкового воплощения концептов времени и пространства, автор не может избежать эстетического наполнения хронотопа определенными элементами собственной поэтики, с одной стороны, и дат, топонимов, конкретных имен – с другой. Они являются для читателя определенными маркерами автобиографического пространства и времени.

По утверждению В. В. Гака, *пространство* – это одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком [7, с. 126]. Пространство является антропоцентрическим феноменом, так как мир не имеет измерений без присутствия человека [8, с. 49]. В языковой картине мира пространство неоднородно: в нем выделяются фрагменты свои и чужие, ближние и дальние, известные и неизвестные, освоенные и неосвоенные, доступные и недоступные, «разрешенные» и «запрещенные», важные и безразличные [9, с. 48]. Современное понятие пространства, включающее объекты, людей в нем, пути перемещения, конец/начало и др. постепенно становилось все более емким и «развивало новые и новые значения» [10, с. 90].

Анализируя эгоцентрический концепт пространства, И. Ю. Безукладова выделяет в нем Эго-пространство, частное и социальное пространства. *Эго-пространство* принадлежит лично «Я», оно является закрытым пространством. *Частное* и *социальное пространства* включают в себя родственные, дружеские и социальные отношения «Я» с миром. Приведем примеры:

Meine früheste Erinnerung ist in Rot getaucht. Gegenüber von uns, in selber Höhe, öffnet sich eine Türe und ein lächelnder Mann tritt heraus, der freundlich auf mich zugeht. Er tritt ganz nahe an mich heran, bleibt stehen und sagt zu mir „Zeig die Zunge!“ Ich strecke die Zunge heraus, er greift in seine Tasche, zieht ein Taschenmesser hervor und führt die Klinge ganz nahe an meine Zunge heran Im letzten Augenblick zieht er das Messer zurück, sagt: „Heute noch nicht, morgen“ [Elias Canetti. Die gerettete Zunge].

Этот пример являет нам концепт личного пространства, нарушение которого означает для героя символическую потерю языка как средства общения и взаимопонимания.

Ich musste, was schön sein, nicht aus den Büchern lernen. Nicht auf der Schule und nicht auf der Universität. Ich durfte die Schönheit einatmen wie Försterkinder die Waldluft. Die katholische Kirche, Georg Bährs Frauenkirche, der Zwinger, das Pillnitz Schloss, das Japanische Palais, der Judenhof und das Dinglingerhaus, die Rampische Strasse mit ihren Barockfassaden, der Renaissanceerker in der Schlossstrasse. Das Coselpalais im großen Garten mit den kleinen Kavalierehäusern und gar von der Löschwitzhöhe aus, der Blick auf die Silhouette der Stadt mit ihren edlen ehrwürdigen, doch es hat ja keinen Sinn, die Schönheit wie das Einmaleins herunterzubeten [E. Kästner. Als ich ein kleiner Junge war].

В интерпретации Е. Г. Хомяковой «окружающее пространство воспринимается человеком как образ, обработанный его сознанием» [11, с. 106–107]. Этот образ, по мнению Н. Н. Болдырева, является результатом когнитивной активности в форме интерпретации, которая проявляется в структурированности, опоре на имеющуюся концептуальную систему индивида, т. е. его субъективность [12, с. 18]. Индивидуальность последнего фрагмента состоит в аксиологическом аспекте описания Дрездена – родного города Э. Кестнера. Топонимы, названия улиц, архитектурных реалий служат референциальными координатами «спрессованного» автобиографического пространства. «Изображение пространства отражает вспоминаемую жизнь индивида в “просторах площадей, улиц, городов и деревень, социальных групп, поколений, эпох”» [1, с. 109]. Субъективная интерпретация входит в описание эпитетами (*edlen, schön, ehrwürdigen, Schönheit*). «Становясь структурными элементами произведения, языковые единицы как бы удваиваются: они принадлежат и системе языка и системе текста, выполняя одновременно и “естественную” языковую функцию, и функцию “изображенного мира текста”» [13, с. 23].

Время неотделимо от пространства, «путешествие в прошлое» порождает столкновения «Я-сегодня» и «Я-тогда». При «путешествии в прошлое», «происходит расслоение локаций» «Я», АТ – это «повествование о различных и вместе с тем сосуществующих пластах времени», в которых совмещаются два ментальных состояния прежнего и современного, другого «Я», весьма искусственного приобретенным опытом. Авторское «Я» непрерывно движется, живет, вибрирует, развивается, расслаивается на «Я» персонажа, «Я» рассказчика о персонаже, «Я» автора, пишущего о рассказчике ... [14, с. 218, 264, 272]. Воспоминание служит связующим звеном между тем, что было и что стало, оно определяет психологичность АТ, что часто тематизируется авторами, например:

Wir überleben nicht als die, die wir gewesen sind, sondern als die, die wir geworden sind; nachdem wir waren. Nachdem es vorbei ist. Es ist noch, wenn auch vorbei. Ist jetzt Vorbeisein mehr Vergangenheit oder mehr Gegenwart [M. Walser. Der springende Brunnen].

Dem gereiften Zeitreisenden aus Paris, der zwar Künstler, aber noch nicht berühmt ist, kommt sein jungliches Gegenüber wie abgetaucht vor. Selbst wenn er ihn anriefe, immer wieder, fände er kein Gehör (G. Grass. Beim Häuten der Zwiebel).

Как справедливо замечает Ф. Лежен: «Автор как повествующий и рефлексивирующий субъект повествования балансирует между текстом и “нетекстом”, принадлежа одновременно и реальному миру, и пространству текста» [4, с. 24], но два когнитивных концепта – пространство и время – постоянно и непременно сопровождают воспоминание “Я”».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит. – 1975. – 500 с.
2. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит. – 1986. – С. 121–290.
3. Нюбина, Л. М. Поэтика и прагматика мнемонического повествования : На материале немецкой литературы воспоминаний XX века: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Л. М. Нюбина. – СПб. 2000. – 518 с.
4. Lejeune, Ph. Der autobiographische Pakt / Ph. Lejeune. – Baden-Baden, Suhrkamp, 1994. – 430 S.
5. Бадли М. Память / М. Бадли [и др.] / Пер. с англ., под ред. Т. Н. Резниковой. СПб.: Питер, 2011. – 560 с.
6. Нуркова, В. В. Свершённое продолжается. Психология автобиографической памяти личности / В. В. Нуркова. – М. : Изд-во УРАО, 2000. – 320 с.
7. Гак, В. Г. Пространство вне пространства / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 127–135.
8. Яковлева, Е. С. Фрагмент русской языковой картины (модели времени, пространства, восприятия) / Е. С. Яковлева. – М., 1994. – 344 С.

9. *Кустова, Г. И.* Тип концептуализации пространства и семантическая система глагола / Г. И. Кустова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры. 2000. – С. 47–55.
10. *Кубрякова, Е. С.* О понятии места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Е. С. Кубрякова / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры. 2000. – С. 84–92.
11. *Хомякова, Е. Г.* Эгоцентризм речемыслительной деятельности / Е. Г. Хомякова. – Изд. 2-е. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 220 С.
12. *Болдырев, Н. Н.* Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – Тамбов, 2013. – № 15. – С. 12–22.
13. *Гончарова Е. А.* Я – ТЕКСТ – МИР : Учебное пособие по интерпретации текстов на немецком языке. / Е. А. Гончарова, Л. М. Ньюбина – СПб.: Политехника-сервис, 2016. – 211 с.
14. *Степанов, Ю. С.* В трехмерном пространстве языка : Семантические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов / отв. ред. В. П. Нерознак. М.: Книжный дом «Либроком», 2000. – 336 с.

В. С. Олесько (г. Минск, Беларусь)

ПРАГМАСЕМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИХ ЗАГОВОРОВ И МОЛИТВ

В центре современной антропоцентрической парадигмы стоит человек и его речевая деятельность. На протяжении многих столетий лингвистами изучалась и описывалась специфика протекания речетворческого процесса, а также отношение к знаку того, кто его использует, что в дальнейшем получило название *прагматика*. Однако стоит отметить, что на сегодняшний день особый интерес вызывает изучение текстов, «созданных в исторически удаленные от нас эпохи» [1, с. 21]. Особенностью исследования данных текстов является реконструкция исторической, социокультурной, этнокультурной картины мира носителей древнего языка и разносторонний и многоуровневый анализ древних текстов с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода.

Понимание общения как деятельности невозможно представить без функционального и коммуникативно-прагматического аспектов в языкознании. *Коммуникативно-прагматический метод* изучает пути взаимодействия говорящего и слушающего и способы реализации данного взаимодействия с помощью языка. Основные объекты, на изучение которых направлен данный метод: 1) субъект речи, 2) адресат речи, 3) отношения между участниками коммуникации, 4) намерение говорящего, 5) связь с ситуацией общения. Единицей общения в коммуникативно-прагматическом аспекте

является *речевой акт* – «высказывание, порождаемое и произносимое человеком с определенной целью и вынуждаемое определенным мотивом для совершения практического или ментального, как правило, адресованного действия с помощью такого инструмента, как язык / речь» [2, с. 256].

Заговор – это магические формулы, при помощи которых человек пытается воздействовать на окружающий мир, изменять его, используя слово в качестве целительной силы. Молитва – это религиозный текст, который, также как и заговоры, читается в определенной ситуации для получения конкретного результата путем обращения к Господу как высшей силе.

Материалом нашего исследования послужили памятники письменности периода IX–XI стст.: 13 древневерхненемецких заговоров в объеме 93 строк и 5 древневерхненемецких молитв в объеме 80 строк.

Прагматическую установку исполнителя на достижение искомого состояния в текстах заговоров и молитв реализуют средства грамматического уровня.

В заговоре/молитве можно выделить две группы грамматических структур, несущих определенную прагматическую нагрузку:

1. Обращения (*апеллятивы*), выполняющие апеллятивную функцию и обозначающие адресата коммуникативного акта.

Немаловажен тот факт, что апеллятивы представляют так называемую функционально-семантическую категорию, которая включает в себя всевозможные варианты реализации основной интенции древневерхненемецких заговоров и молитв – побуждение адресата к действию путем использования различных конструкций с семантикой прямого и косвенного побуждения, и непосредственно сами апеллятивы, которые вместе с императивом/оптативом/директивными конструкциями образуют ядро данной категории.

2. *Директивы* – действие в императиве или оптативе, осуществление которого эквивалентно решению задачи коммуникативной ситуации. Данные формы содержат в себе как волеизъявления адресанта, так и побуждение адресата. При этом директивы часто сочетаются с апеллятивами как дейктическими маркерами адресата.

В заговорах комбинация «обращение + глагол в императиве или оптативе» образует его ядро, в молитвах же преимущественно – «обращение + перформативная структура». Обе комбинации подразумевают под собой совершение реального действия, изменяющего имеющуюся ситуацию.

3. *Дейктические единицы* указывают на компоненты речевого акта – на участников речевого акта, на предмет речи, на временную и пространственную локализацию сообщаемого факта, а также содержат указание на всё то, что может быть обозначено как непосредственно относящееся к акту речи. Это маркеры, которые могут быть выражены посредством лексических, морфологических, синтаксических средств и которые говорящий использует для обеспечения пространственно-временной прагматики дискурса.

Различают три основных вида *дейксиса*: персональный (личный), пространственный и временной.

Заговоры и молитвы являются иллюстративным примером категории персонального дейксиса, т. к. в данных типах текста наиболее ярко выражено употребление местоимения 1-го и 2-го лица ед. ч., которые непосредственно указывают на участников коммуникативного акта. Оппозиция «я-ты», которую представляет данный тип дейксиса, подчеркивает двусторонний характер заговора и молитвы.

Немаловажную роль играет фигура слушающего в осуществлении коммуникативного акта. Именно местоимение *ты* помогает установить равенство адресанта и адресата в процессе коммуникации. Причем обращение на *ты* предполагает равенство не только с другими людьми, но и с предметами, которые окружают говорящего, природой, так как с ней он образует единое целое, животными, потому что они требуют покровительства человека и даже с Богом и святыми, потому что человек нуждается в их покровительстве, помощи и заступничестве. Таким образом, данный тип обращения говорящего помогает избегать социальных, физических, духовных, нравственных различий в момент диалога, что делает результат более эффективным.

В ходе исследования было выявлено, что оппозиция «я-ты» носит обобщенный или имплицитный характер, так как нет прямого, эксплицитного выражения данной формулы в изученных нами текстах. Мы можем встретить только определенные комбинации, которые указывают на участников коммуникативного акта открыто или намекают на его присутствие в диалоге при помощи определенных грамматических или лексических средств.

В заговорах и молитвах встречаются дейктические маркеры коммуникативного акта – обстоятельства времени и места, которые помогают описать ситуацию по отношению к говорящему и тому, кому адресовано прочтение заклинания или молитвы. Обстоятельства места встречаются не только в форме наречий места и времени, но и в форме существительных в косвенном падеже с предлогом

Прагматика данных типов текста представлена тремя основными составляющими: аппеллятивами, директивными структурами и дейктическими единицами. Многообразие средств реализации прагматического потенциала в очередной раз подчеркивает особую важность изучения древних аппеллятивных текстов в разрезе коммуникативно-прагматического подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерки по исторической прагматике германских языков : сб. науч. ст. / Санкт-Петербургский гос. ун-т ; редкол. : Г. А. Баева (отв. ред.) [и др.]. СПб. : Изд-во С.-Петербур. Ун-та. 2012. – 272 с.
2. *Формановская, Н. И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – М. : Изд-во «ИКАР», 2007. – 480 с.

А. Р. Пайкина (г. Могилёв, Беларусь)

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕКСТАХ

Причастие рассматривается в грамматике немецкого языка как одна из форм глагола, которая демонстрирует как глагольные признаки, так и признаки имени прилагательного. Причастие сохраняет такие свойства глагола, как время и залог, и одновременно такие признаки прилагательного, как склонение (число, лицо, падеж). Оно имеет возможность выступать в роли предикатива (в краткой форме) и в роли определения к существительному (в склоняемой форме). С этим связано многообразие форм употребления причастий.

Причастие 1, как известно, характеризуется тем, что всегда передает активный, действительный залог и одновременность действия, выраженного причастием, с действием, выраженным сказуемым. Таким образом, оно выражает заимствованные у глагола свойства времени и залога. Причастие 2 также употребляется в полной и краткой формах и может быть определением к существительному (в полной форме) и обстоятельством (в краткой форме). Обычно законченное действие относится к активному залогу, если оно образовано от непереходного глагола (*die angekommene Delegation* ‘прибывшая делегация’) и к пассивному залогу, если оно образовано от переходного глагола (*das gekaufte Lebensmittel* ‘купленный продукт’).

Причастные конструкции рассматриваются многими лингвистами как «сравнительно позднее явление в строе немецкого языка, возникшее под влиянием иноязычных, в первую очередь латинских образцов» [1, с. 103]. Об этом же читаем у таких немецких авторов, как Х. Мозер [2, с. 75] и А. Бах [3, с. 193–194].

Следует обратить внимание на то, что сама природа причастий – в частности, в немецком языке – такова, что они, обладая сочетательными потенциями глагола, должны иметь возможность реализовать эти потенции, не вступая в противоречие с общими закономерностями немецкого языка. Этим обусловлено употребление причастных конструкций (обособленных причастных оборотов, распространенных причастных определений) в письменной речи, а для разговорно-обиходного языка причастные конструкции были и остаются чем-то чужеродным.

Следует отметить, что в современной научной литературе существует тенденция к увеличению количества употреблений распространенных причастных определений. По материалам Л. Петравичуса [4, с. 17] доля препозитивных определений в общем составе группы существительного в научных журналах составляет 42,91 % для медицинских текстов и 40,04 % для физических текстов. Л. Петравичус отмечает, что развитие группы существительного в исследованных им областях научной литературы за последние 150 лет характеризуется уменьшением доли препозитивных определений: в физических текстах на 10 %, а в медицинских около 7 %. Тем не менее, в современной

научной литературе размер препозитивной части группы остаётся весьма значительным, а «вся часть группы в целом представляет собой не только грамматически очень важное, но и семантически весьма весомое синтаксическое образование, отнюдь не склоняющееся к упадку». Таким образом, большинство грамматистов сходятся во мнении, что распространенное определение свойственно письменной речи и, прежде всего, оно употребляется в научной литературе.

В нашем исследовании была поставлена задача определить, какое количество причастных конструкций встречается в научных текстах по различным специальностям. Анализу подвергались тексты по пищевой технологии, химии, экономике, автоматизации пищевых и химических производств. Количественный анализ производился по принципу нахождения коэффициента насыщенности текста причастными конструкциями, получаемого путем деления числа встречающихся в тексте конструкций на размер текста, выраженный в тысячах печатных знаков.

Во всех видах текстов приблизительно одинаковое количество причастных конструкций 0,1 встречается в форме фразеологизмов типа *kurz zusammengefasst, abgesehen davon, gesagt und getan* и т. п.

Далее употребление причастных конструкций в различных профессионально-ориентированных текстах распределилось следующим образом (за точку отсчета брались 1000 печатных знаков): в текстах по пищевой технологии в среднем на 1000 знаков встретились 4 обособленных причастных оборота и 6 распространенных определений; в текстах по химии встретились по 2 причастных оборота, но значительно большее количество распространенных определений – 10; тексты экономического профиля наиболее насыщены распространенными определениями (12 конструкций на 1000 печатных знаков) и обособленными причастными оборотами (4 конструкции на 1000 печатных знаков).

Таким образом, в научной и научно-популярной литературе, в зависимости от разных факторов, в частности, от тематики или профессиональной ориентации возможны колебания в употреблении причастных конструкций. Причем наблюдается тенденция к большей стабильности употребления распространенных определений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони, В. Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке / В. Г. Адмони. – М. : Высшая школа, 1973. – 175 с.
2. Moser, H. Deutsche Sprachgeschichte der älteren Zeit / H. Moser. // Deutsche Philologie im Aufriss. – Bd. 1. – Berlin: E. Schmidt, 1957. – 2000 S.
3. Бах, А. История немецкого языка / А. Бах. – М.: Иностранная литература, 1956. – 344 с.
4. Петравичус, Л.Б. Развитие групп существительного в немецких научных текстах XIX–XX века / Л. Петравичус : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1971. – 26 с.

В. В. Прихач (г. Минск, Беларусь)

СОЧЕТАЕМОСТЬ АНГЛИЙСКОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО *TIME* И ЕГО КОРЕЙСКОГО КОРРЕЛЯТА

Категория времени является неотъемлемым элементом нашего бытия и предметом изучения многих наук, в том числе и лингвистики. Важным представляется изучение лексических средств выражения данной категории в разных языках, в частности, в английском и корейском, не являющихся генетически близкими, с целью установления общих и различительных характеристик.

Несмотря на наличие в обоих языках большого количества лексем и фразем, выражающих категорию *время*, на данном этапе исследования мы остановились только на ее ключевой единице в данных языках: существительном *time* в английском и его корреляте *시간* (*shigan*) в корейском с целью установления особенностей их сочетания с другими словами в речи, а также обнаружения более глубоких концептуальных связей категории времени с другими категориями ментального пространства.

Исследование проводилось на материале Corpus of Contemporary American (COCA) English и данных Национального корпуса корейского языка при институте Седжонг.

В соответствии с данными Национального корпуса английского языка COCA, английское слово *time* формирует следующие наиболее частотные модели сочетаний:

1) **V+time**, где исследуемое существительное *time* выступает в роли прямого дополнения. В данных сочетаниях слово *time* выступает как некий объект, имеющий ценность. В таких сочетаниях время представляется как вещь, которая нужна человеку (*need time*), и, подобно деньгам, человек его может тратить, тратить напрасно, терять либо хранить (*spend, waste, lose, save*). Кроме того, время представляет собой предмет, который можно взять, оставить либо найти (*find, take or leave*).

Дж. Лакофф и М. Джонсон в своих работах анализировали концептуальную метафору *время – деньги*, где менее знакомая категория времени описывается в терминах более знакомой категории денег: как и деньги, время тратится, заканчивается или выделяется на определенные нужды; оно может быть необходимо и его можно потерять или найти. Данное положение подтверждается результатами анализа данных корпуса, где все 13 глаголов в данной синтаксической модели используются в английском языке как с существительным *деньги*, так и с существительным *время*.

2) **time+V**, где существительное *time* выступает в роли подлежащего. Существительное *time* в данных сочетаниях вступает с глаголом в предикативную связь, причем время здесь персонифицировано. Время, подобно человеку или живому существу, может находиться в движении, может приходить, уходить и проходить мимо, бежать (*come/go/pass/tell/run*), спешить и не ожидать нас (*time waits for no man*). Кроме того, время способно

говорить нам о чем-то и что-то показывать, а это значит, что мы можем его увидеть и услышать, то есть у времени существует некий звуковой и визуальный образы.

3) **Adj + time** (атрибутивная связь). Именно в этом виде связи существительное *time* используется наиболее часто: не теряя своего главного значения, данное существительное может иметь ярко выраженную прагматическую или общую оценку (*good/bad*), приобретать как положительные, так и отрицательные коннотации (*hard/difficult*). В некоторых сочетаниях время позиционируется как нечто ценное (*valuable/necessary*); это вещь, которую легко потерять, которая имеет границы (*limited*) и которая может нечто содержать или не содержать (*free*). Также, в сочетаниях с прилагательными идет указание на степень заполнения нужными событиями в данный период времени (*total/whole/full/entire/ spare*). Исходя из этого, время представляется как некое пространство, в котором разворачиваются события.

Таким образом, анализ сочетаний, в которые вступает существительное *time* показал, что время выступает как ценная и необходимая вещь, т. е. реализуется концептуальная метафора *время–деньги*. Помимо этого, в английском языке время персонифицировано и выступает как нечто, способное к совершению действий. Кроме того, время может выступать как пространство, среда, в которой разворачиваются события.

На основе данных Национального корпуса **корейского языка**, а также лексикографических данных, нами были выделены следующие типы сочетаемости с существительным *시간* ‘время’:

1) *시간* ‘время’+V (предикативная связь):

시간이 가다 ‘время идет’, *시간이 흐르다* ‘время бежит’, *시간이 나다* ‘время истекает’. Как и в английском языке, в данных сочетаниях время персонифицировано; употребление глаголов *흐르다* ‘течь, бежать’ и *나다* ‘вытекать из, исходить, возникнуть’ позволяют сделать вывод, что течение времени ассоциируется с течением реки (ср. рус.: время течет).

시간이 걸리다 ‘занимать’ (о времени) – в данном сочетании время выступает как нечто, имеющее определенное место в пространстве.

2) *시간* ‘время’+V (В. п., управление):

시간을 끌다 ‘время тянуть’; *시간을 보내다* ‘проводить время’: сочетание существительного *시간* ‘время’ с данными глаголами позволяет сделать вывод, что время – это нечто, над чем можно совершать действия.

시간을 낭비하다 ‘растрачивать время’. *시간을 아끼다* ‘беречь время’, *시간을 절약하다* ‘экономить время’, *시간을 가지다* ‘иметь, обладать временем’: в данных сочетаниях время имеет ценность; это нечто, что нужно беречь и экономить (как и в английском языке, реализуется концептуальная метафора *время–деньги*).

시간을 내다 ‘находить время’, *시간을 주다* ‘давать время’: время выступает как предмет, с которым можно совершать действия: время можно найти, его можно дать кому-то.

3) 시간‘время’+V (Д. п., управление).

Существительное 시간 ‘время’ в дательном-местном падеже отображает то, что время является также и пространством, средой, в которой совершаются действия.

시간에 늦다 ‘опоздать ко времени’ – в сочетании с данным глаголом время представляет собой точку в пространстве, в сочетаниях 시간에 쫓기다 ‘быть стесненным во времени’, 시간에 얽매이다 ‘быть ограниченным временем’ время представлено как некие пути, границы.

시간에 몰리다 ‘собирать время’ – в данном сочетании время есть некое вещество, которое может накапливаться, т. е. храниться где-то.

1) 시간‘время’+Adj (сочетания с прилагательными немногочисленны): 시간이 모자라다 ‘недоставать’ (о времени).

Синтаксический анализ данного слова, проведенный на основе Корпуса корейского языка института Седжонг, показывает его способность выступать объектом в предложении. Однако слово 시간 ‘время’ выступает в словосочетаниях с глаголами и в качестве субъекта.

На основе анализа словосочетаний со словом 시간 ‘время’, мы выявляем, что время представляется в речи и, возможно, в сознании народа как объект действия, т. е. оно является чем-то живым, способным к выполнению действий; время как субъект есть материя, которую можно беречь, тратить. Кроме того, время в сознании носителей корейского языка является ограничением, путями, что реализуется в концептуальной метафоре *время–граница*.

Таким образом, и в английском, и в корейском языках время представлено в тесной связи с пространством. Время в данных языках персонифицировано и имеет высокую ценность, что демонстрируется широким рядом сочетаемых существительных, прилагательных и глаголов.

Вместе с тем, в английском языке широко представлена аксиологическая оценка времени, тогда как в корейском языке это практически не выражается. Кроме того, существительное *time* обнаруживает более широкий спектр сочетаемости с глаголами.

О. Е. Рымкевич (г. Минск, Беларусь)

МОДАЛЬНЫЕ КОГЕЗИИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

Модальность, являясь коммуникативно-прагматической категорией, проявляет свой потенциал в публицистическом тексте, участвуя как в смыслоформировании, так и в создании его прагматического аспекта. В реальных условиях контекстной реализации это проявление оказывается, как правило, семантически и функционально насыщенным и вариативным, что, соответственно, придает многомерность и глубину всему информационному пространству.

В целом, модальность включает в себя широкий спектр значений в диапазоне отношения высказывания к действительности с точки зрения реальности/нереальности пропозиционального содержания (объективная модальность) и отношения отправителя информации к высказыванию с точки зрения степени его достоверности (субъективная модальность в узком ее понимании).

Те или иные оттенки модальных отношений выражаются в текстах специальными языковыми средствами – лексическими и грамматическими, такими как модальные слова, модальные глаголы, модальные частицы, формы конъюнктива II, конъюнктива I для передачи косвенной речи с дистанцированной оценочной позицией автора к высказыванию и др. В текстовом воплощении модальные средства различным образом взаимодействуют друг с другом, формируя *модальные когезии*, которые пронизывают текстовый континуум, участвуя как в его смыслоформировании, так и в создании прагматического аспекта в первую очередь, способствуя воплощению определенных интенций автора. Модальные когезии, будучи сориентированными на одну или несколько коммуникативно-смысловых доминант, обеспечивают текстовую интеграцию и, тем самым, достижение текстовой когерентности.

Текстообразующая природа модальности проявляется в том, что она, согласно интенциям отправителя информации, участвует в реализации механизма референции. Последнее означает, что модальные языковые средства способны «управлять» вниманием адресата в пределах информационного содержания, направляя в нужное русло процесс расшифровки адресатом смыслового объема важных для понимания объективных связей и отношений с последующей их интерпретацией. Таким образом, прагматика модального смыслового компонента в большой степени связана с воплощением авторских интенций оказания убеждающего воздействия на адресата.

Например, модальные слова обладают свойством модифицировать то или иное высказывание либо весь текстовый фрагмент, окрашивая его определенными оттенками субъективной оценки.

Тем самым они участвуют в формировании некоего «вторичного пласта отношений», обеспечивающего структурную организацию текста и его связность. Активизируя в текстовом воплощении модальную схему референтной ситуации, они своей семантикой сомнения, неуверенности, уверенного предположения, вероятности и проч. определенным образом выстраивают смысловую и прагматическую линию развития данной ситуации. Например:

Sicher, Europa zu „erleben« scheint zunächst eine schier entmutigende Aufgabe. Schließlich ist es gerade die Vielfalt, die Europa einzigartig macht (Internationale Politik, 6 / 2009).

В данном случае модальное слово *sicher* с семантикой высокой степени уверенности отправителя информации в достоверности представленной ситуации, появляясь в начальной позиции текстового фрагмента, становится логически-связующим звеном с предшествующим контекстом, подытоживая его, но одновременно оно иррадирует свою семантику на посттекст, благодаря чему достигается эффект интеграции текстового пространства.

Замечено, что в текстах газетной публицистики модальные слова *sicher*, *natürlich*, *tatsächlich* и некоторые другие с семантикой уверенности в препозитивном употреблении в ряде случаев предполагают уступительно-противительное логическое развертывание информационного содержания. Вследствие этого адресат получает возможность в известной степени предвосхитить дальнейшее смысловое построение, а прагматическое ожидание возрастает с увеличением дистанции между модальным словом и противительными элементами *doch* или *aber*. Так, модальность в приведенном выше примере дистантно коррелирует в тексте с противительной семантикой союзного слова *doch*:

Doch der Adrenalinspiegel, der beim Überqueren einer italienischen Straße in die Höhe schießt, wird schnell von einer Tasse wunderbar cremigen Cappuccinos gesenkt, den du langsam in der Sonne trinkst, ... (там же).

Модальные же слова, выражающие различные оттенки неуверенности или сомнения (*möglicherweise*, *vielleicht*, *vermutlich*,) являются для получателя информации прагматическими маркерами некоторой ситуативной неопределенности и побуждают его к собственным размышлениям и, как следствие, самостоятельной интерпретации событий.

Нередко модальные когезии выстраиваются как результат рекуррентной реализации значений модальных средств выражения. В границах подобной реализации наблюдается вариативная модальная сигнификация, обеспечивающая, с одной стороны, интенсификацию смысла, с другой стороны, комплексное прагмакоммуникативное воздействие на адресата по линии его убеждения. Например:

*2010 schreibt Snowden in einem Onlineforum: „Die Gesellschaft hat offenbar blinden Gehorsam gegenüber Spionen entwickelt.« <...> **Tatsächlich** hätte Snowden von seinem Wissen persönlich profitieren können. <...> **Wahrscheinlich** profitieren die deutschen Dienste von Programmen wie Prism und Tempora, wissentlich oder unwissentlich. <...> **Sicher** ist hingegen, dass die Datensammelei viele Terrorattacken nicht verhindert hat: ... <...> **Es gehört zur Wahrheit** dieses Falles, dass die Öffentlichkeit vieles nicht weiß* (Die Zeit 27/27. Juni 2013).

В данном случае прагматика убеждения, характерная для газетной публицистики, достигается по ходу выстраивания текста с помощью вариативного повтора модальных слов с семантикой высокой степени достоверности (*offenbar*, *tatsächlich*, *wahrscheinlich*, *sicher*) и предикативной конструкции *Es gehört zur Wahrheit*. Когезия может создаваться также модальными средствами, выражающими различную степень уверенности адресанта в достоверности информации, что позволяет ему вариативно воплощать свои интенции, притом, что сама когезия усложняется. Например:

*<...> **Vermutlich** hat sie (die Spionage – P.O.) sich in den Zeiten „elektronischer Kampfmittel« sogar ausgebreitet. <...> Die Täter waren **offenbar** nicht die immer verdächtigen „Residenten« an Botschaften oder anderen diplomatischen Vertretungen, <...> Die in langen Ermittlungen gesammelten Erkenntnisse **scheinen** so dicht und gut **belegt zu sein**, dass **keine Zweifel bestehen*** (F.A.Z. 148/2010).

Модальное слово *vermutlich* включает в себе семантику осторожного предположения. Эта модальность сменяется модальностью очевидности (модальное слово *offenbar*), которая далее в контексте коррелирует с последующими модальными смыслами (*scheinen ... belegt zu sein* и *keine Zweifel bestehen*). В данном примере контрастно выстроенная модальная когезия передает в целом весьма осторожную позицию автора к описываемой ситуации.

Таким образом, в публицистических текстах средства выражения модальности, как правило, комплексно проявляют свои семантические свойства, участвуя в создании когезий, формирующих смысловой и прагматический аспекты текста и вариативно воплощающих интенции отправителя информации.

Т. А. Силаева (г. Минск, Беларусь)

ЭВФЕМИСТИЧЕСКАЯ ИНОСКАЗАТЕЛЬНОСТЬ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РЕЧИ

Художественный текст является результатом образного познания и отображения реальной действительности художником. В нём находят своё воплощение не только взгляды автора, но и сведения о природе, о бытовой, культурной, исторической, социально-политической сферах жизни в описываемой стране. Изображая действительность, писатель отражает своё видение мира, а также свое отношение к нему. С этой целью он использует «разнообразие эмоционально представленных оценок и характеристик, сочетает правду и художественный вымысел. Благодаря такому индивидуально-образному изображению мира писателем художественное литературное произведение обладает силой как рационального, так и эмоционального воздействия на читателя» [1, с. 22]. А благодаря необычности, образности, часто оригинальному употреблению слова или конструкции текст приобретает выразительность, «акцентированную на прагматическом и эстетическом качестве речевых произведений, а именно: обеспечении полноценного и эстетически привлекательного восприятия путем особой организации речи и текста» [2, с. 64]. Таким образом, выразительная речь является как эффективным средством характеристики персонажей, так и средством воздействия на эмоциональную сферу читателя, а оригинальностью, изяществом использования языковых конструкций и оборотов такая речь способна удовлетворить эстетическое чувство реципиента в языковом плане.

Для создания выразительности, а значит, для придания красоты речи, автор обращается к обширному арсеналу языковых средств, где доминирующим является слово, выразительные возможности которого обусловлены, прежде всего, семантикой и возможностью его употребления в переносном значении. Однако любая лексическая единица может стать выразительной под влиянием ее окружения и положения в тексте.

Предметом нашего рассмотрения является использование эвфемистической иносказательности как одной из возможностей создания контекстно обусловленной выразительности в художественном произведении. Поскольку эвфемизмы представляют собой частный случай перифразы, то априори они способны не только камуфлировать наименование какой-либо неприятной ситуации, но и придать тексту эмоциональную окраску, указать на отношение персонажа либо автора к герою и его поступкам. Другими словами, мы сталкиваемся в подобных случаях с иносказательностью, обусловленной возможностью двоякой интерпретации отдельных лексических единиц в контексте, что способствует его экспрессивно-семантической целостности и выразительности.

Иносказательное трактуется в лингвистической литературе как условно опосредованный результат творческого восприятия окружающей действительности и рассматривается во взаимосвязи с познавательным уровнем, коммуникативно-прагматическими установками субъекта и ценностной значимостью для него тех или иных объектов. Оценочное отношение личности к объекту приводит к преднамеренному использованию говорящим иносказательных приёмов для построения того или иного содержания [3, с. 14]. Одним из таких приёмов является *эвфемия*, которая традиционно понимается как использование вежливых, эмоционально нейтральных слов и выражений, смягчающих прямой смысл нетактичного, а часто грубого, неприличного, с точки зрения говорящего, высказывания. Такая «вежливая перифраза» позволяет не только соблюсти общественные нормы, избежать «коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта» [4, с. 60], но и приукрасить истинное положение вещей. Подобная двуплановость, обусловленная свойствами лексем в системе и реализацией этих свойств в речи с учетом их контекстного окружения, и способствует, на наш взгляд, приданию тексту выразительности.

Эвфемистическая иносказательность на базе регулярной полисемии – это возможность различной интерпретации лексической единицы, имплицитно присутствующей в семантике любого многозначного слова. Так, в повести «Lehmans Erzählungen» [5] З. Ленц использует многозначные лексемы *Unternehmen* ‘предприятие, дело’, *Abenteuer* ‘приключение, авантюра’, с одной стороны, для сокрытия неблагоприятных действий своего героя, с другой – с целью их романтизации, поскольку эти слова он вкладывает в уста Лемана, короля черного рынка, не только искренне убежденного в правомерности своих поступков, но и испытывающим наслаждение от разного рода махинаций, которые он оценивает как ‘изысканные, превосходные’ – *köstliche schwarze Machenschaften*. Что же касается автора, то в своей речи он все действия Лемана классифицирует как противоправные и называет их без обиняков *Betrug* ‘обман, мошенничество’, *Schmuggel* ‘контрабанда’, *Diebstahl* ‘воровство’. Писатель преднамеренно создает условия для двоякой интерпретации всей ситуации, а контраст в оценке действий героя выступает как дополнительное средство в придании образности и выразительности тексту.

Эффективным приёмом в создании иносказательности является окказиональная трансформация структурно-семантической стабильности устойчивых словосочетаний, например: усечение компонентов – иногда с последующим восстановлением нового звена, – столкновение устойчивого словосочетания со свободным либо с отдельным словом и др., что приводит не только к эвфемистической многоплановости, но может послужить основой и для шутки, и для выразительной оценки описываемой ситуации, как это имеет место, например, в беседе между следователем и Леманом:

Ich weiß, ich weiß, auch die Polizei macht Fehler. Aber bei uns wirkt sich das anders aus. Wir werden vielleicht versetzt. Ein Dienst wie der andere. Aber wenn ihr versetzt werden... Und uns schickt man schlimmstenfalls in Pension. Aber wenn ihr in Pension gehen müsst, sieht das schon ungemütlicher aus.

Признавая ошибки в работе полицейских, следователь в качестве возможного наказания для них называет перевод на другое место работы *wir werden vielleicht versetzt*, что читателем воспринимается как усеченная фраза *wir werden vielleicht an eine andere Dienststelle versetzt*, а не как *in den Ruhestand versetzt werden*, поскольку следующее предложение *Und uns schickt man schlimmstenfalls in Pension* полностью снимает подобную семантическую неопределённость.

Что же касается дальнейшей судьбы задержанного, то она, по словам следователя, может сложиться куда более безрадостно: Леман может угодить в тюрьму – *wenn ihr versetzt werden...*. Значение усечённой части *ins Gefängnis* восстанавливается последующим предложением *Aber wenn ihr in Pension gehen müsst...*, где обыгрывается полисемантема ‘Pension’, а именно: семема ‘Fremdenheim zur Beherbergung und Verpflegung von Gästen’, содержащей семы ‘размещение’, ‘чужой’, ‘обеспечение (питанием и т.п.)’, ‘временный’. Тем самым достигается необходимое в данных условиях сокрытие стигматичного понятия, с одной стороны, а с другой – происходит усиление эвфемистической иносказательности. Именно контекст придаёт словам и выражениям в данной ситуации внутреннюю выразительность, помогает читателю вскрыть заложенное автором значение и адекватно интерпретировать всё высказывание.

Как видим, в художественных произведениях эвфемистическая иносказательность является скорее определенным стилистическим приемом, чем социально обусловленной необходимостью.

В заключение следует сказать, что использование автором эвфемистической иносказательности должно быть весьма осторожным. В противном случае не только отношение автора к объекту, но и смысл высказывания ускользнёт от адресата. Что же касается выразительности как коммуникативного качества речи, то она зависит как от отношения говорящего – автора либо персонажа – к содержанию, так и от убежденности говорящего в значимости сказанного, от умения и желания воздействовать на чувства адресата, что придает речи особую эмоционально-оценочную окраску.

ЛИТЕРАТУРА

1. Домашнев, А. И. Интерпретация художественного текста / А. И. Домашнев, И. П. Шишкина, Е. А. Гончарова. – Москва : Просвещение, 1989. – 204 с.
2. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д. : Феникс, 2010. – 562 с.
3. Бердова, Н. М. Категория «субъективного» и иносказательный смысл / Н. М. Бердова // Когнитивные аспекты лексики : сб. науч. трудов. – Тверь, 1991. – С. 14–19.
4. Москвин, В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В. П. Москвин // Вопросы языкознания. – 2001. – № 3. – С. 58–70.
5. Lenz, S. Lehmanns Erzählungen oder So schön war mein Markt / S. Lenz. – München : Deutscher Taschenbuch Verl., 1991. – 99 S.

М. Г. Симакова (г. Минск, Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Существует множество теорий о роли определения в структуре предложения. Одни ученые характеризуют определение как самостоятельный второстепенный член предложения, другие выступают за несамостоятельность определения в рамках второстепенных членов предложения.

Под *определением* (атрибутом) в широком смысле понимают несамостоятельный второстепенный член предложения, присоединяемый к господствующему члену атрибутивной связью и указывающий на его признак. Определение может относиться к разным частям речи и само может быть выражено разными частями речи, может менять свое положение в предложении, быть дополнено другими второстепенными членами предложения.

В узком смысле определение трактуют как зависимую синтаксическую позицию в составе субстантивного словосочетания, словоформу с признаковым значением, занимающую данную позицию. Посредством определения реализуются атрибутивные отношения между наименованием субстанции и названием признака.

И в логике, и в языке прослеживается «вспомогательная» функция атрибутов. Она проявляется в том, что атрибуты уточняют содержание определяемых слов путем их характеристики, конкретизации.

Определение может быть опущено без нарушения структуры предложения. Например:

Der Lektor betritt den großen Hörsaal.
Der Lektor betritt den Hörsaal.

Поэтому лингвисты часто называют определение несамостоятельным или неконститутивным членом предложения.

Атрибутивные комплексы в современном немецком языке условно можно разделить на две группы: препозитивные, в которых атрибут предшествует определяемому слову и постпозитивные, в которых атрибут следует за определяемым словом.

Широкое развитие постпозитивных членов группы существительного, предложного и генитивного определений не означает, что роль препозитивных членов группы становится незначительной. О том, что препозитивные компоненты продолжают занимать существенное место в структуре группы существительного, говорит и наше исследование. Наш материал демонстрирует преобладание препозитивных атрибутов над постпозитивными во всех исследуемых жанрах публицистического стиля.

По своему количественному составу присубстантивные определения можно разделить на двухкомпонентные, состоящие из определяемого слова и определения, и многокомпонентные, состоящие из определяемого слова и нескольких определений.

Двухкомпонентные комплексы среди рассматриваемых присубстантивных определений являются самыми распространенными. На их долю приходится 93 % от всего числа исследованных единиц (*der höchste Berg, der russische Pianist, leise Musik, lange Schatten*).

При наличии у существительных нескольких определений, они иерархически организуются таким образом, что ближайшее к существительному определение связано с ним более тесной смысловой связью, чем предыдущие, например, *mögliche islamistische Gefährder; eine wichtige literarische Fundstelle*.

В исследованиях, посвященных структуре немецкого атрибутивного комплекса, не указаны формальные запреты, ограничивающие количество атрибутов в структуре присубстантивного определения, и многокомпонентные атрибутивные цепочки могут быть сколь угодно длинными, например, *ihre schmalen schwarzen Holzboote*.

На следующем этапе анализа мы рассмотрим частеречную представленность определяющего слова в атрибутивном словосочетании, как в препозиции, так и в постпозиции.

Во всех жанрах в препозиции преобладает, хотя и с некоторыми количественными расхождениями, модель AdjS. Прилагательные могут быть как в положительной степени (*der große Fehler*), что является наиболее частым случаем, так и в сравнительной (*höhere Stimmen*) или в превосходной степени (*dem gewaltigsten, dem gefährlichsten Berg*).

В постпозиции в жанре «сообщение» преобладает модель SpS – 67% (*Gesetze gegen Terroristen; die Gefahr von Anschlägen*). В интервью продуктивна только модель SpS – 100 % (*eine Rede über eine Welt ohne*

Rassismus, auf der Grundlage von Gleichheit, die Angst vor dem Tod). В рецензии преобладает модель SS2 – 50 % (*der Berg der Welt; im Zuge ihrer Geschäftsideen*).

В комментарии такие модели как SS2 (*Forderungen des Milliardärs, Teil der Bevölkerung, Gleichstellung der Brüder und der Schwestern*) и SpS (*Kandidat für das Weiße Haus, Gründe zur Verbitterung, das Spiel mit den Medien*) присутствуют практически в равном процентном соотношении – 45 % и 40 % соответственно.

В очерке преобладает модель SS2 – 63,6 % (*Leben eines Antistars; der Beste der Welt; die Wirkung der Musik*.) В эссе преобладает модель SpS – 67 % (*die Herren mit den Hüten, Spaziergänge bei Dunkelheit, die Melodien durch Balkontür*), модель SS2 – 33 % (*Abend Weihnachtslieder, die Glocken einer Kirche, Gassen Zeichen der Vorweihnachtszeit*).

В ходе наблюдения над фактическим материалом и его анализа нами отмечаются также и некоторые случаи функционирования присубстантивных определений, не поддающиеся приведенным общим классификациям.

1. Атрибутивные комплексы, в которых имеются как препозитивные, так и постпозитивные атрибуты, «обрамляющие» определяемое слово. Смешанные препозитивные определения сочетают характеристики двух предыдущих групп – в них ведущее слово определяется как минимум одним препозитивным атрибутом, выраженным прилагательным, причастием II или числительным и одной постпозитивной конструкцией, выраженной существительным в родительном падеже или существительным в косвенном падеже с предлогом. Например: *konkrete Hinweise auf mögliche Attentate; längerfristige Maßnahmen gegen den Terror; kommerzielle Expeditionen auf den Everest; das zurückgezogene Leben eines Antistars; der verstärkte Datenaustausch der Sicherheitsbehörden; der erste Anbieter kommerzieller Expeditionen*.

Данные определения выражают в сжатой форме содержание части предложения (придаточного) или даже целого предложения. Такие выражения емки и содержательны, так как при достаточно компактной форме включают большой объем компримированной информации.

2. Двоякая возможность интерпретации определений, где постпозитивный атрибут является и определяемым словом для препозитивного атрибута одновременно, определение второй и третьей степени, часть вышестоящего определения, например: *Hinweise auf mögliche Anschlagversuche* (*mögliche* – определение второй степени к *Anschlagversuche*, определению первой степени). *Hinweise auf begangene oder geplante Straftaten; der erste Anbieter kommerzieller Expeditionen*.

3. Двоякая возможность интерпретации определений, где постпозитивный атрибут является и определяемым словом для другого постпозитивного атрибута одновременно, например: *Versuch einer Reise nach Syrien*.

Н. С. Сычевская (г. Минск, Беларусь)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНСТРУКЦИЙ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ

Для любого публичного выступления особое значение имеет именно синтаксическая оформленность, поскольку она способствует реализации прагматической направленности звучащей речи. На уровне синтаксиса раскрываются взаимоотношения между формальной и содержательной сторонами высказывания, благодаря чему синтаксис обладает значительным выразительным потенциалом. Поскольку основной функцией синтаксиса является выражение связей, отношений взаимозависимости, противопоставленности, условности и т. д., то с помощью синтаксических средств адресант раскрывает свою логику убеждения адресата. Наряду с объективно существующими, они могут выражать и приписываемые типы связей, т. е. те, которые являются результатом интерпретации адресатом. Это проявляется в способе оформления и степени сложности предложений.

В процессе исследования было установлено, что для текстов выступлений политиков Великобритании и США характерна сложность синтаксической организации текста, выражающаяся в широком употреблении сложных предложений разного типа: сложносочиненных (17,3 % от общего числа предложений), сложноподчиненных и сложных предложений смешанного типа (многокомпонентных предложений) (53,2 %).

Проведенный анализ свидетельствует о значительном количестве многокомпонентных сложных предложений (20,6 %), которые расширяют возможности передачи различных эмоциональных оттенков в одном высказывании. Многокомпонентные сложные предложения чаще всего используются адресантом для убеждения адресата в правильности высказанной мысли, дополнения данных объекту характеристик и т. д.

К собственно прагматическим синтаксическим единицам с экспрессивной ориентацией мы причисляем вводные конструкции, эмфатические конструкции, эллиптические предложения, риторические вопросы, императивы и восклицательные предложения. Вместе с тем ряд других элементов синтаксиса могут приобретать прагматическое значение в зависимости от контекста. В процессе исследования было выявлено 2123 экспрессивных средства, коэффициент употребительности составил 42,5. Наиболее употребительными средствами являются эмфатические конструкции (452) и параллельные структуры (416).

Э м ф а т и ч е с к и е к о н с т р у к ц и и , реализующие стилистический прием инверсии, служат для выделения отдельных элементов высказывания с целью обратить на них особое внимание адресата. К эмфатическим конструкциям, используемым в текстах англоязычного политического выступления, относятся предложения с эмфатическим подлежащим *It*, глаголом *do*, расщепленные предложения с *what*, выдвижение и инверсия.

В целом, для текстов политических публичных речей наиболее характерны конструкции с выдвиганием, т. е. с второстепенными членами, расположенными в начале предложения. Их прагматический потенциал обеспечен непредсказуемостью и нарушением канонического порядка слов в предложении, предопределенного общей тенденцией языка публичной речи к стандартизации. Преднамеренность нарушения традиционного порядка слов служит и средством реализации авторской интенции, и средством привлечения внимания адресата. Важно отметить, что обычно инверсии и выдвиганию подвергаются компоненты предложения, сопряженные с информацией об интерпретации говорящим описываемых явлений, т. е. с прагматической информацией. Инверсия может служить для заявления темы речи, а также для перехода от одной темы к другой. Этой же цели привлечения внимания, но на этот раз к глаголу, выражающему интенции оратора, служит и эмфатическая конструкция с глаголом *do*.

Привлечение внимания адресата к объекту сообщения или к самому сообщению осуществляется также за счет структурного типа предложения. Для этого используются сложноподчиненные предложения с придаточным подлежащим (т. н. расщепленные предложения), главная функция которых – выделение компонента высказывания за счет вынесения выделяемого компонента во фронтальную позицию. С той же целью используются сложные предложения с придаточным предикативным, но теперь выделяемая часть благодаря структуре предложения находится в финальной позиции. Наиболее ярко функция выделения, или акцентуации, проявляется в предложениях, содержащих в главном предложении эмфатические *it*, *that* и т. д., что делает предложение экспрессивным и позволяет акцентировать наиболее важную часть предложения.

П а р а л л е л и з м обладает свойством ритмизации речи и эмфазы, что важно, прежде всего, для восприятия на слух. С другой стороны, прагматический потенциал данного приема включает его способность устанавливать семантическое тождество частей, обладающих структурным тождеством, что позволяет расширить семантическое наполнение соответствующих элементов, придать новый акцент и обеспечить запоминаемость повторяемых элементов. Синтаксический параллелизм используется как стилистическое средство расчленения, усиления мысли, подчеркивания наиболее существенного, значимого, того, на чем концентрируется внимание читателя. Таким образом достигается динамизм изложения, его эмоциональность и выразительность. Параллельные структуры довольно часто содержат в себе повтор, который актуализирует ключевые слова, создает особый ритмический рисунок текста, иногда придающий ораторской речи характер декламации, усиливая тем самым ее воздействие на слушателей. Параллельные синтаксические структуры, усиленные повторами, приобретают в политических речах большую интонационную и смысловую наполненность, необходимую для аккумуляции эмоциональной напряженности отрывка речи.

Из коммуникативных типов предложений, используемых в качестве экспрессивных средств в англоязычном политическом выступлении, часто выступают вопросительные (247) и императивные (262) предложения.

Вопросительные предложения различных типов относятся к наиболее широко используемым приемам. Тем не менее, на каждый текст были выявлены значительные колебания в количестве (от 0 до 20), что, по нашему мнению, зависит от характера аудитории, ситуации (менее официально/более официально), стиля оратора.

Анализ показал, что в текстах политического выступления присутствуют вопросы двух разновидностей: вопросы, на которые оратор сам дает ответы, и риторические вопросы. Вопросительные высказывания, на которые оратор сам дает ответ, могут служить стимулом, вызывающим ответную реакцию, нацеленным на то, чтобы побудить адресата к самостоятельному поиску ответа, заинтересовать его, одновременно подсказывая ему единственно правильный ответ. Как показывают данные, ораторы отдают предпочтение общим и специальным вопросам. Специальные вопросы достаточно редко являются риторическими вопросами (лишь в 30 % употреблений). Это может быть связано с тем, что в специальных вопросах отсутствует некая часть информации (объект вопроса), и оратор стремится восполнить ее, чтобы подчеркнуть свою точку зрения. Общие вопросы являются в большинстве случаев риторическими, реализуя, в большей степени воздействующую функцию, нежели информативную.

Специфика побудительных предложений заключается в том, что они прямо призывают адресата совершить то или иное действие или изменить точку зрения. Наиболее часто встречающейся конструкцией является структура *let us*, в которой адресант подчеркивает свое непосредственное участие в действиях, к которым призывает.

Таким образом, комплексный анализ англоязычных политических выступлений, проведенный с учетом параметров речевого жанра, позволил выявить закономерности их синтаксической организации, а также особенности функционирования в них прагматически маркированных языковых средств.

Н. В. Фурашова (г. Минск, Беларусь)

МНОГОЗНАЧНОСТЬ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ [O₁ (AUF O₂) AUF_V]

(на материале немецких глаголов физического действия)

В наших ранних публикациях мы неоднократно указывали на то, что значение глаголов в большой степени определяется той конструкцией, в которой они употреблены. Этим продиктована необходимость вовлечения морфологического и синтаксического уровней в описание лексического значения глаголов, что подтверждает положение современной парадигмы

лингвистических исследований об отсутствии четких границ между языковыми категориями, в том числе и между разными, традиционно выделяемыми языковыми уровнями – морфологией, грамматикой, лексикой. Язык рассматривается сегодня как континуум символических структур, произвольно разделяемый исследователями на дискретные уровни и единицы в целях изучения природы языка. Целью данной публикации является продемонстрировать, как многозначность конкретного глагола определяется многозначностью конструкции на примере конструкции [O₁ **auf** O₂ V] / [O₁ **auf**_V] / [O₁ **auf** O₂ **auf**_V]. Данные конструкции имеют следующие значения:

1. [O₁ **auf** O₂ V] / [O₁ **auf** O₂ **auf**_V]: поместить/нанести O₁ на поверхность O₂: *Butter, Marmelade, Honig aufs Brot streichen/aufstreichen* ‘намазать масло, мармелад, мед на хлеб’; *Blumen, Muster auf Stoff aufsticken* ‘вышить цветы, мотив на ткани’. Здесь также зафиксирован ряд примеров, в которых глагол явно приобретает значение конструкции, т. е. то значение, которое не заложено в его исходном концепте. Так, *bügeln* означает ‘гладить утюгом, утюжить’, в сочетании *Wachs auf die Schier bügeln* ‘нанести на лыжи воск горячим «утюжком»’ он приобретает значение конструкции.

2. [O₁ **auf** O₂ V] / [O₁ **auf**_V]: переместить O₁ вверх: *das Kind auf den Arm nehmen* ‘взять ребенка на руки’; *die Ärmel, seine Hosenbeine aufstreifen* ‘закатать рукава, брюки (вверх)’; *den Bodensatz, die Hefe, den Grund eines Getränkes aufrühren* ‘помешивая, поднять гущу, дрожжи, осадок напитка’.

3. [O₁ **auf**_V]: полностью использовать что-л., например: *aufreiben* «*etw. völlig zerreiben*» ‘растереть что-л. полностью’; *etw. Aufbrennen* «(den Vorrat an Brennmaterial) **vollständig verbrennen**» ‘сжечь все запасы топлива’. Интерес представляет мотивация этого значения, в терминах данного исследования – его конструирование говорящими на немецком языке. Согласно словарю [1], значение движения вверх у рассматриваемого знака тесно связано с образом восхождения на гору, тот, кто достиг вершины, завершил восхождение. Так возникает ассоциация *auf dem Gipfel* ‘на вершине’ → *Ende, Vollendung* ‘конец, завершение’, что становится одним из значений конструкции [O₁ **auf**_V].

4. Значения ‘поднимать(ся)’ и ‘открывать(ся)’ являются синкретичными, а также с ними связан смысл ‘быть доступным’: *Nüsse, Kirschkerne aufklopfen* «*etw. durch Klopfen öffnen*» ‘открывать орехи, вишневые косточки, ударяя’; *eine Wunde aufkratzen* «*durch Kratzen öffnen*» ‘расчесать рану’; *die Verpackung, die Geschwür aufschneiden* ‘**вскрыть** упаковку, нарыв, разрезав’; *den Braten, die Torte, das Brot aufschneiden* ‘нарезать мясо, торт, хлеб для того, чтобы положить **на стол, перед сидящими** за столом’; *die Tür, das Fenster, die Schublade/einen Brief, die Packung Zigaretten, die Tafel Schokolade aufreißen* ‘**открыть** рывком дверь, окно, выдвижной ящик/вскрыть письмо, пачку сигарет, шоколад’.

В завершение приведем примеры глаголов *brennen* ‘жечь, гореть’ и *binden* ‘связывать, соединять’, которые приобретают все четыре значения описанных выше конструкций:

• [O₁ **aufbrennen**] / [O₁ **brennt auf**]: *einem Tier ein Mal, Zeichen/neues Material aufbrennen* ‘выжечь животному на шкуре клеймо/нанести (на что-л.) при высокой температуре слой нового материала’; 2) *Feuer brennt hell auf* ‘огонь разгорается’ (т. е. языки пламени поднимаются вверх); 3) *den Vorrat aufbrennen* ‘полностью израсходовать, сжигая’; 4) *den Safe, einen Verschluss aufbrennen* ‘вскрыть сейф автогенном’.

• [O₁ **auf** O₂ **binden**] / [O₁ **aufbinden**]: 1) **etw. auf etw. binden**: *Gepäck (auf die Kutsche), den Koffer auf dem Wagen, das Kochgeschirr auf den Rucksack aufbinden* ‘закрепить багаж на повозке, чемодан на крыше автомобиля, привязать котелок к рюкзаку’; 2) **etw. hochbinden**: *Hopfen, Reben aufbinden* ‘подвязать хмель, виноградную лозу’; 3) **etw. fertig binden**: *Garben aufbinden* ‘закончить вязать снопы’, *eine Auflage von 4000 Bänden aufbinden* ‘полностью переплести тираж в 4000 томов’; 4) **etw. Gebundenes, Verschnürtes lösen, öffnen**: *den Sack aufbinden* ‘развязать, открыть мешок’, *Garben zum Trocknen aufbinden* ‘развязать снопы для просушивания’.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) четкой границы между разными, постулируемыми лингвистами языковыми уровнями нет;

2) изучать семантику глаголов изолированно, вне учета значения конструкций, в которых они употребляются, не представляется возможным;

3) значение глагола предопределяется в большей степени именно словообразовательной или синтаксической конструкцией, в которой он употреблен;

4) конструкции (словообразовательные или синтаксические) так же многозначны, как лексические единицы языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Grimm, J. Deutsches Wörterbuch : in 32 Teilbänden [Электронный ресурс] / J. Grimm, W. Grimm. – Leipzig : S. Hirzel, 1854–1960. – Режим доступа : <http://germazope.uni-trier.de/Projects/WBB/woerterbuecher/dwb>. – Дата доступа : 02.02.2008.*

И. В. Чеботарская (г. Полоцк, Беларусь)

СПОСОБЫ СВЯЗИ ЗАГОЛОВКА С ПОСТТЕКСТОМ В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ФЕЛЬЕТОНЕ

Согласно теории Т. ван Дейка, тематическая структура медийного текста построена по следующей схеме: самый важный топик (то, что автор стремится донести до читателя) отражен в заголовке, вершина макроструктуры статьи отражена во вводном абзаце, абзацы выражают низкий уровень макроструктуры. Заголовок политического фельетона выражает субъективное видение автором ситуации. Он сосредотачивает наше внимание на отдельном аспекте ситуации или на трактовке события, и, что также важно, – он устанавливает контакт с читателем. В отличие от других публицистических

жанров, автор фельетона более свободен в выборе тактик для убеждения читателя, поскольку тексты данного жанра объединяют в себе публицистические и литературные элементы.

Ознакомление только с одним заголовком, без обращения к подзаголовку и посттексту, может создать неточности в интерпретации сообщения, которые исчезают в ходе прочтения фельетона. Например, существительное с оценочной семантикой в заголовке фельетона из социально-либеральной газеты «Die Zeit» (12.07.2018) *Von rechter Traute* «О смелости правых» позволяет только предугадать мнение автора, однако без обращения к подзаголовку/вводному абзацу и тексту фельетона невозможно понять, идет ли речь о проявлении смелости против «правых» или смелости со стороны партии «правых». По замечанию Э. И. Турчинской, обращение к тексту особенно необходимо, если заголовки основаны на нестандартных употреблении слов и выражений. Составной частью заголовочного комплекса является подзаголовок. Он удерживает внимание читателя и направляет его на прочтение основной части текста. Части заголовочного комплекса могут содержать общие элементы.

Для усиления своего заряда заголовочный комплекс может повторяться в тексте политического фельетона дословно, с некоторыми изменениями либо частями, участвуя в создании целостности текста. Связь текста с заголовочным комплексом можно определить как формальную, ассоциативную и смешанную, в последних случаях следует анализировать содержание статьи. К примеру, связь с заголовком на лексико-синтаксическом уровне может проявиться в общей семантической, синтаксической, словообразовательной характеристике глаголов в посттексте. Специфика фельетона наиболее четко прослеживается в ассоциативном и смешанном типах связи заголовка с текстом.

Поскольку медийный текст как коммуникативное образование воспроизводится и воспринимается реципиентом линейно, то объяснимо, почему в манипулятивных целях единицы заголовочного комплекса повторяются в тексте самого фельетона, либо информация может повторяться синонимичными единицами с различной степенью оценочности, формируя таким образом кольцо. Пример формально выраженного кольца: заголовок фельетона *Das Land, wie es ist* ‘страна, как она есть’ (Die Zeit, 30.11.2017) дублируется в последнем абзаце, но уже в полном предложении с предикатом бытия: *Das Land ist, wie es ist*. С помощью данного способа логического развертывания оценки автор подводит итог своим личным наблюдениям за процессами в немецком обществе, подкрепляет свое субъективное видение раздора. В немецких политических фельетонах в состав данного кольца часто не входят последние абзацы.

Активным приемом закрепления информации из заголовка в немецком политическом фельетоне является повтор однокоренных слов (не только как способ оформления формальной кольцевой структуры фельетона, но и как прием для повторения заголовочного комплекса в посттексте). Здесь вступает в игру значение разных частей речи, различные способы категоризации

окружающего мира, позволяющие удерживать внимание читателя на определенных понятиях и событиях. Кольцевая структура построения текста встречается редко, поскольку авторы свободны в выборе стиля письма (и далеко не всегда выбранная стратегия подачи сообщения допускает подобное построение материала).

Связь заголовка с текстом может выстраиваться по принципу языковой игры. Рассмотрим пример логической цепочки в политическом фельетоне *Druck von rechts* 'Давление справа' (Die Zeit, 14.02.2018). Анализ *Druck von rechts – Ruck nach rechts* 'давление справа – движение направо' позволяет увидеть, что здесь представлена ситуация вынужденного движения: причина – действие. Данный прием кратко, но в тоже время доступно объясняет резкую смену политического курса одной из крупнейших швейцарских газет.

Для воздействия на читателя автор фельетона выбирает стратегии, которые гарантируют успех у читателя, сулящие гарантию того, что эта информация не будет «отторгнута» адресатом. Тактики убеждения опираются на общий фонд знаний отправителя и получателя информации. Важным вспомогательным средством для взаимопонимания автора и читателя служит синтаксическое строение заголовков: они должны создавать впечатление ясности в сознании читателей.

Заголовок формирует эмоциональный и аксиологический фон, на котором должна восприниматься информация в посттексте, актуальная в конкретный исторический период времени. Степень связи заголовка с посттекстом зависит от авторского намерения, выбираемого автором способа донесения до читателя определенных фактов, которые настоятельно предлагаются адресанту для углубленной когнитивной переработки.

М. А. Черкас (г. Минск, Беларусь)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ СВОЙСТВА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТОВОЙ СТРУКТУРЕ

Процессуально-динамический подход к языку был декларирован ещё В. фон Гумбольдтом. Вместе с углубленным изучением речемыслительных процессов на центральное положение начала смещается направленность на подлинное распредмечивание текстового продукта речи и, тем самым, на отображение процессов преобразования, которому элементы языка в их системно-парадигматическом виде подвергаются в ходе формирования текста, подчинённого тем или иным информативно-коммуникативным задачам.

Динамизм общественного бытия, обусловленный развитием социальной практики, постоянно создаёт и поддерживает «недостаточность» существующих средств выражения для все расширяющегося и обновляющегося понятийного содержания. Это вписывается в глобальную проблему противоречия между динамикой мышления и возможностями её языковой экспликации: соответствие мышления и языкового выражения не носит характера абсо-

лутного равенства, языковые средства оптимально «подтягиваются» до диапазона мыслительного содержания с целью его отображения в конкретных условиях коммуникации. Номинационному механизму как бы предназначено служить посредником между содержанием мысли и языковым выражением, и поэтому его действие проявляется как соотношение с понятиями соответствующих языковых знаков. Последние могут отбираться из фонда языка в готовом виде, пропускаться через процесс семантических преобразований или же вновь создаваться.

Под *номинацией* принято понимать закрепление за определенным референтом специального знака. В более лаконичной форме суть номинации определяется как связывание языковых единиц с экстралингвистическими объектами. Без такого связывания язык не может выполнять своей важнейшей коммуникативной функции: коммуникация совершается именно благодаря тому, что любая языковая единица, наделенная содержанием и соотносимая с каким-либо экстралингвистическим объектом, выполняет номинативную функцию, т. е. утверждается неотделимость номинативной функции языка от его коммуникативной функции. В силу неотделимости от общезыковой коммуникативной функции номинативная функция языка также имеет всеобщий характер. И вполне логично, что вопрос о языковых средствах обеспечения номинации оказался в центре коммуникативно-ориентированной лингвистической проблематики. В понятия об объективных сторонах предметов, подлежащих номинации, постоянно включаются понятия квалификационно-оценочных сфер, которые в значительной степени предопределяются субъективным фактором и способны выступать даже в качестве самостоятельных объектов номинации.

Всеобщие закономерности «живого» бытия языка невозможно задать дедуктивно, т. е. просто предписать языку, они подлежат выявлению посредством скрупулезного анализа языковых факторов, их значений, функций, их места и роли в тех образованиях, через которые осуществляется коммуникация, – текстах. Это означает, что единственно реальным путем к установлению закономерностей может и должно быть конкретное исследование соответствующих частных явлений в текстовых объемах с целью выяснения, как структурно-семантическая модель этих явлений интегративно включается в механизмы создания текстов, охватывающих весь язык и обеспечивающих ему необходимый «простор» для полной реализации той общественной функции, ради которой он создан, – осуществление коммуникации. С понятием коммуникации ассоциируется не языковая система в статике, а её использование для отображения речемыслительного процесса о происходящем в реальной действительности, т. е. процесса динамического, соответственно требующего и динамики языкового воплощения. Функционально-коммуникативное направление руководствуется именно идеей изучения языка в динамике или в действии системно-строевых единиц языка с точки зрения их «вхождения» в единицы коммуникации – высказывания и тексты. При этом в центр внимания помещаются: наблюдение за взаимодействием формы и семантики единиц со структурно-семанти-

ческой организацией текстов (текстовых фрагментов-микротекстов), выявление факторов, влияющих на то или иное «поведение» наблюдаемых единиц, установление стилистических контекстов их употребления, способствующих реализации многообразных коммуникативно-прагматических эффектов в аспекте восприятия текста адресатом.

Возможности функционального плана не существуют как некие абстракции в отрыве от тех языковых данностей, в которых или через которые они реализуются. Такими данностями являются языковые единицы, формы, конструкции, структуры, которые образуют строй языка, его систему. Их анализ в функционировании позволяет получить сведения о языке в целом как о средстве осуществления коммуникации.

Любое функционально-ориентированное описание языка предполагает раскрытие и объяснение того, как ведут себя языковые средства различных уровней, взаимообуславливая, восполняя и субституируя друг друга, сочетаясь друг с другом, когда их совместное употребление подчиняется задаче создания единого эффекта воздействия текстовой информации, предопределяемого коммуникативной интенцией. Именно текст рассматривается как образование, способное обеспечить полное отражение смысла и коммуникативной интенции в рамках, передачи той или иной информации. В нем обязательно присутствует тема, получающая развитие во внутри-текстовом движении информации, с непременной рекурренцией семантических черт по всей линии развития, которая формируется как темарематическая прогрессия. В оформлении текстового «потока» вовлекаются все средства и единицы языка, все уровни его структурной иерархии, «перешагивая» во взаимодействии друг с другом уровневые границы и конституируя общую структуру текста, то есть переключая язык из его системной статики в текстовую динамику.

В свете вышесказанного словообразовательные структуры рассматриваются в качестве средств связи, создающих когерентность микро- и макротекстов. Указывается на актуальность изучения «изосемантических корреляций» между словами и предложениями. В частности между производным словом как мотивированной номинативной единицей – универбом и мотивирующей его развернутой синтаксической конструкцией. Бесспорно интересный вопрос в русле разработки связи словообразования, синтаксиса, семантики и стилистики представляет транспозиция. Известно, что наиболее многогранный спектр транспозиционных преобразований порождается номинализацией, в основе которой лежит очень действенный функциональный механизм, а ее реальные результаты присутствуют во всех случаях словообразования. Самой типичной моделью номинализации считается преобразование глагола и глагольно-предикативной конструкции в существительное. Эта модель, однако, существенно модифицируется тогда, когда в качестве продукта номинализации выступает существительное категории *nomina agentis*: оно вбирает в себя и действие (процесс) и субъект, оставляя для внешней сочетаемости почти регулярную объектную связь и (менее регулярные) другие связи предиката в предложении.

Очень важный объект изучения составляет при этом стилистический потенциал языковой единицы в широком диапазоне функционирования, который она реализует различным образом в зависимости от характера содержания и, соответственно, особенностей тематического развёртывания текста, а также имплицитного в содержании эффекта воздействия на реципиента информации. Стилистика текста, учитывая значимость языковых единиц, пытается определить и описать стилистические эффекты, возникающие в речи благодаря структурной организации текста, иначе говоря, пытается установить потенциал композиционно-выразительных возможностей языковых единиц через анализ разнообразно структурированных контекстов коммуникативного использования языка. Главный предмет внимания составляет при этом потенциал вариативности того или иного типа единиц, реализуемого в языковом функционировании.

А. В. Шкудун (г. Минск, Беларусь)

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЧИНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ

Все, что существует в реальности, находится во взаимозависимости по отношению друг к другу. Любое действие, любое решение кроет в себе какую-либо причину. В философском познании фундаментальная роль принадлежит принципу детерминизма, согласно которому реальные природные, общественные и психические явления возникают, развиваются и исчезают закономерно, в результате действия определенных причин. Причинность является основной бытийной универсальной категорией в общей картине мира. Мы часто задаем себе вопрос, почему произошло так, а не иначе. В природе и обществе существует бесчисленное многообразие форм взаимодействия, взаимосвязи и взаимообусловленности явлений, а значит и многообразие причинно-следственных зависимостей. Причина и следствие связаны между собой жесткой внутренней необходимостью. Само собой разумеется, что это находит отражение в речи с помощью языковых средств.

Поскольку различные функциональные стили обладают своей спецификой и особенностями, то гипотезой настоящего исследования явилось предположение о том, что также и средства выражения причинности могут по-разному использоваться в разных функциональных стилях. Именно установление взаимосвязи использования средств выражения причины и сферы их употребления послужило задачей настоящего исследования.

Материалом исследования послужил корпус из 400 примеров, полученный методом сплошной выборки из современной немецкоязычной публицистики и художественной литературы.

Как показал проведенный анализ, для выражения причины в текстах обоих функциональных стилей чаще всего используются единицы грамматического уровня (публицистический – 88 %, художественный – 77,3 %).

Лексические средства выражения причины представлены в текстах публицистического и художественного стилей практически на одинаковом уровне (публицистический – 10 %, художественный – 14,5 %). Средства выражения причины на словообразовательном уровне представлены в наименьшей степени как в текстах публицистического стиля (2 %), так и художественного (8,2 %).

Среди грамматических средств выражения причины в текстах публицистического стиля, как показывает анализ, преобладают сложные предложения: сложноподчиненные предложения (34,5 % против 27,5 % в художественных текстах) и сложносочиненные (34 % против 10 % в художественной литературе):

An der Spitze der Republikaner droht ein Machtkampf, weil Parteichef Fillon in Sachen „Penelopedate« vor den Ermittlungsrichtern auftreten muss (публ.).

Der Ball kullerte fast gemächlich in den Strafraum, genau auf Lionel Messi zu. Für Real-Spieler und -Fans ein albtraumhafter Moment, denn sie alle wussten, was kommen würde (публ.).

Mit jedem Schritt wurde mir dieser Körperkontakt unangenehmer, zumal seine Hände heiß und verschwitzt waren (худ.).

Also sag das bloß nicht Charlotte, denn die würde es sofort petzen (худ.).

Наряду со сложными предложениями для передачи каузальности в немецком языке регулярно используются целые диалогические единства. В них содержание предложения, которое должно быть обосновано, может передаваться в форме вопроса с вопросительным словом (*warum, weshalb, wieso*), причина же указывается в ответе в форме придаточного предложения с союзом *weil*, употребляемого без главного предложения:

MÖBIUS (schenkt wieder ein): „Herr Inspektor, ich muß Sie bitten, mich zu verhaften.“

INSPEKTOR: „Aber wozu denn, mein lieber Möbius?“

MÖBIUS: „Weil ich doch die Schwester Monika.“

Данная модель усеченных конструкций типична для диалога, и поэтому представлена только в художественной литературе.

В отличие от сложных предложений совершенно иную тенденцию обнаруживают предложные конструкции: они доминируют в художественных текстах (40 %) и составляют лишь 19,5 % в публицистических. Самыми распространенными предлогами в художественных текстах являются *wegen* (22 примера), *dank* (16 примеров), *aus* (11 примеров), *angesichts* (9 примеров).

Анализируя распределение отдельных каузальных предлогов в публицистических текстах, можно обнаружить сходство с художественной литературой лишь в случае с предлогом *wegen*: здесь он также является самым употребительным (23 примера). Остальные каузальные предлоги, частотные в художественной прозе, представлены в публицистике лишь в единичных примерах либо не встречаются вообще. И, наоборот, отмечается более высокой частотностью предлог *zufolge*.

Wie ich das verstanden habe, muss Charlotte sich **dank** seiner Hilfe nicht hilflos in der Zeit herumschleudern lassen (худ.).

Ich nickte. „Der Chronograf steht da einfach so herum? In unserer Zeit ist er im Keller in einem Safe eingeschlossen, **aus** Angst vor Dieben“ (худ.).

Wegen seiner Äußerungen zum Holocaust ist der 77-Jährige umstritten (публ.).

„Der Herzog und die Herzogin (Prinz William und seine Frau Kate) freuen sich, dieses Bild **anlässlich** des zweiten Geburtstags von Prinzessin Charlotte zu teilen“, hieß es in einer Mitteilung des Palasts (публ.).

Частотность лексических средств выражения причины в публицистическом и художественном стилях практически равна. Как в публицистике, так и в художественной прозе преобладают такие лексические средства причинности как существительные (75 % и 71 % соответственно). Глаголы же составляют лишь незначительную часть от обнаруженных лексических средств.

*Mehrere Brände haben am Wochenende in Thüringen einen Sachschaden von weit über einer halben Million Euro **verursacht*** (публ.).

Grund, warum keine der beiden Parteien in der Lage war, sich in der ersten Wahlrunde durchzusetzen (публ.).

„Was exakt der **Grund** ist, warum wir das seit Jahren wie Pest und Hölle vermeiden, oder?“, sagte Paul (худ.).

Наиболее употребительными словообразовательными средствами выражения причины в художественных текстах, являются дериваты с полусуффиксом *-halber* (12 примеров). В публицистических же текстах данные единицы представлены в незначительном количестве (2 примера).

*Dann fällt der Frau, an deren Brillenbügel heute **vorsichtshalber** ihr Name steht, noch mehr ein: Sie plaudert mit einem Mal in einer Tour vom Basteln, von damals, von ihrem Leben* (публ.).

„Untersteh dich“, sagte Mum. Sie war ins Zimmer gekommen und nahm mir **sicherheitshalber** die Schere aus der Hand. »Wenn überhaupt, dann macht das ein Friseur. Morgen. Jetzt müssen wir zum Abendessen nach unten« (худ.).

Подводя итоги сопоставительного анализа, приходится констатировать как ряд сходств, так и различий в функционировании средств выражения причины в художественных и публицистических текстах.

Среди схожих черт следует отметить, что в обоих типах текстов преобладают грамматические средства выражения причинности, наиболее частотным подчинительным союзом является союз *weil*, доминирующий сочинительный союз – *denn*, среди каузальных предлогов преобладает предлог *wegen*. В обоих стилях лексические средства выражения причины употребляются достаточно редко и представлены приблизительно с одинаковой частотностью.

Обнаруженные же различия в употреблении средств выражения причинных отношений касаются, в первую очередь, удельного веса и разнообразия грамматических конструкций. Так, несмотря на номинативность публицистического стиля, в нем чаще употребляются сложные предложения,

благодаря чему удается наглядно показать взаимосвязь нескольких действий, событий, процессов, что сложно сделать с помощью других языковых средств. В художественных текстах отмечена большая вариативность средств выражения причины, в частности наиболее разнообразно представлены предложные конструкции, что обуславливается отчасти авторской интенцией, отчасти способностью предложных конструкций более тонко передавать нюансы и оттенки значения, чтобы достичь определенного воздействия на воображение и чувства читателя.

Частота использования средств выражения причины связана в первую очередь с их коммуникативной значимостью. Так, наибольшей частотностью обладают грамматические средства, с помощью которых говорящий помещает причину в позицию ремы в высказывании. Наряду с этим фактором значимой оказывается нейтральность тех или иных средств, их возможность широкого сочетания с другими языковыми средствами, что влечет за собой их большую употребительность.

Согласно мнению Й. Буша, союз *weil* является чистым каузальным союзом и несет в себе обоснование без второстепенных значений. Данный союз является наиболее вариативным среди прочих каузальных союзов и может употребляться как в предшествующих придаточных предложениях, так и придаточных предложениях, следующих за главным. В этом заключается главное отличие сочинительного союза *denn*, который также несет чистое каузальное значение. Однако часть сложносочиненного предложения с данным союзом может только следовать только за другой частью предложения. Чаще союз *weil* встречается именно в постпозиции, в первую очередь после *d-Wörter*. В качестве ответа на вопросы *Warum? Weshalb? Wieso?* также используется самостоятельное придаточное предложение с данным союзом. Следует упомянуть, что прежде всего *weil* употребляется именно в повседневной речи, поэтому он является наиболее часто встречающимся среди других каузальных союзов в диалогах. С его помощью удастся поместить обстоятельство причины в позицию ремы в предложении, придав тем самым данному обстоятельству особую значимость.

С помощью союза *zumal* различные факты выступают в качестве обоснования, которое добавляется к уже указанной причине, и выступает таким образом дополнительной причиной. Дополнительная причина всегда следует за основной и реализуется в придаточном предложении.

Немецкий союз *da* обращает внимание на то, что собеседник уже знает причину. А используя союз *weil*, говорящий указывает на причину, о которой собеседник еще не знал.

Основным способом связи между частями сложносочиненных предложений, выражающих причину, является союзная связь, которая реализуется в художественных и публицистических текстах при помощи союза *denn*. Данный союз также выступает чистым каузальным предлогом, однако имеет ряд особенностей. Так, обоснование при сочинительной связи с помощью союза *denn* возможно только в постпозиции, после одной из частей сложного предложения. Это связано с тем, что обе части предложения относительно самостоятельны (и не всегда напрямую связаны), и обоснование имеет характер последующего объяснения, которое иногда довольно сложно.

Таким образом, можно заметить, что выражение семантики причины тесно связано с коммуникативным членением предложения. При необходимости указания на причину она чаще всего помещается в постпозицию по отношению к главному предложению, что и обуславливает большую частотность союзов *weil, denn* и *zumal*. При этом обращает на себя внимание тот факт, что художественная проза демонстрирует большую вариативность средств выражения причины, в то время как в публицистических текстах чаще используются союзы *weil* и *denn*, выражающие причинность без дополнительных оттенков в значении.

Л. М. Якубенюк (г. Минск, Беларусь)

СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РИТОРИЧЕСКОГО ВОПРОСА

Исследование роли средств модальности в смысловой структуре риторического вопроса проводилось на примере убеждающей речи, а именно речи защитника в суде, как результате ораторского красноречия.

Риторический вопрос – это фигура речи, особая форма обращения к публике, вопрос, который лишен своей основной функции: запроса информации. На этот вопрос не ожидается ответа, т. к. предполагается, что он в данной ситуации очевиден. Этот вид вопроса отличается от обычного тем, что является таковым только по форме, по содержанию же он равен утверждению. Тем самым риторический вопрос относится к косвенным речевым актам.

Исследователями данного явления доказано, что отрицательность в риторическом вопросе подразумевает категоричное утверждение, например: *Habe ich dich nicht gewarnt? = Ich habe dich doch gewarnt*. Утвердительность риторического вопроса косвенно передает категоричное отрицание чего-то, например: *Willst du, dass ich mich beschwere? = Du willst doch nicht, dass ich mich beschwere!*

Немецкие исследователи риторического вопроса И. Майбауер и В. Берг называют ряд его функций. Так, с его помощью говорящий сообщает о своем участии, равнодушии к предмету разговора, а именно констатирует особое напряжение, вводит новую мысль, расслабляет монотонный поток речи, привлекает внимание слушающего, вовлекает его в происходящее в большей мере, чем если бы это было простое сообщение, выражает мысли с сильной эмоциональной наполненностью, более логично и более остро ведет рассуждение [1, с. 40; 2, с. 4]. Исследователи правомерно утверждают, что риторический вопрос задается с целью подвигнуть слушающего к принятию уже имеющегося мнения, а в убеждающей речи могут служить предупреждению аргументов противника, лишению их силы и обращению их в свою пользу.

Что касается второго объекта настоящего анализа – категории *модальности* – то она объединяет в себе две разновидности: объективную и субъективную. Первая из них вбирает в себя средства языка, выражающие отношение высказывания к действительности, вторая – языковые средства, передающие отношение говорящего к высказыванию с точки зрения его соответствия действительности. Объективная модальность представлена наклонениями глагола, модальными глаголами и их семантическими эквивалентами, передающими отношения реальности – нереальности – потенциальности, возможности – необходимости, субъективная модальность передается модальными словами, наречиями, глаголами, существительными, предложными и глагольными конструкциями, которые в целом дают оценку высказыванию в плане его достоверности или недостоверности, выражая сомнение, предположение, уверенность и т. д.

Очевидно, что средства модальности обладают огромным потенциалом в процессе убеждения, доказательства своей правоты и неправоты оппонента. И, соответственно, интересным представляется исследование их функционирования в рамках такой не менее прагматически заряженной единицы, как риторический вопрос.

Проанализировано 47 риторических вопросов, в которых зафиксированы средства модальности.

В 15 из них выявлены **модальные слова** как маркеры субъективной модальности, в частности *etwa* (2), *denn* (2), *tatsächlich* (6), *wirklich* (7), например: *Ging es ihr etwa nicht darum die Änderung der verfassungsmäßigen Ordnung zu erreichen?*; *Ist es denn unglaublich, was der Zeuge ausführt?*; *Gibt es wirklich einen Unterschied zwischen der Handlung meines Mandanten und anderer Dienstleister?*; *Hat der Staatsanwalt tatsächlich den von ihm erkannten Fehler bewusst verschwiegen?*

В структуре риторического вопроса модальные слова только формально выражают сомнение или предположение, на самом деле подразумевается уверенность в передаваемой пропозиции, сопровождаемая оттенком скепсиса и недоверия к позиции оппонента. При помощи риторического вопроса слушатель делается соучастником мнения о правдивости доносимой информации.

В риторических вопросах используются средства и объективной модальности, а именно **модальные глаголы и их семантические эквиваленты** для выражения

- разрешения/запрета (*dürfen*, 2), например: *Was darf man sich als Strafuntersuchungsbehörde eigentlich alles erlauben?* (упрек);
- желания (*wollen*, 5), например: *Oder wollen sie ein letztes Mal versuchen, die Angeklagten zu provozieren?* (упрек);
- возможности (*können*, 8, лексика с семантикой возможности, 2), например: *Kann man so an die Beurteilung des Handelns der Angeklagten heran gehen?* (невозможность, упрек); *Wie läßt sich dies mit den Angaben des Zeugen in Verbindung bringen?* (невозможность, упрек);

- долженствования (*sollen*, 31), например: *Worin soll sich bei diesen Vorgängen nun eine „Zusammenarbeit« zwischen den Angeklagten widerspiegeln?* (дистанцированность, скепсис, недоверие, упрек).

Наибольшей частотностью из модальных глаголов отмечен *sollen*, передающий отсутствие необходимости верить аргументам обвинения. Представляется, что форма вопросительности, в которую оратор облакает свое мнение, призвана подтолкнуть и слушающего к мысли о недоверии к позиции оппонирующей стороны и принятию позиции говорящего.

Форма сослагательного наклонения конъюнктив II также причисляется к средствам объективной модальности, и зафиксирована она в 12 из исследованных риторических вопросов (в том числе вместе с модальными глаголами). При помощи переноса перспективы высказывания в нереальный план и обличения данной мысли в форму вопроса достигается ряд эффектов:

- предположение, к принятию которого приглашается и аудитория, например: *Würden Sie sich nicht auch nach einer neuen Stelle umsehen, die Ihnen die Erhaltung des gewohnten Lebensstandards ermöglicht?*

- указание на возможность иного поворота событий, негативного для исхода дела, например: *Wäre es verantwortbar gewesen, wegen dieser Planungsunsicherheit einige Maßnahmen weniger durchzuführen?*

- сведение аргументации оппонента к абсурду, отрицание контраргументов, например: *Weshalb hätte sie eine solche Zahlung überhaupt anordnen sollen? Was hätte sie davon gehabt?*

Как видно из примеров, нереальность, представленная в виде вопроса, ярче доносит мысль о реальности и правильности утверждаемого положения дел.

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Риторический вопрос воспринимается как само собой разумеющееся утверждение с особо подчеркиваемой уверенностью. Риторический вопрос с участием средств модальности призывает слушающего к установлению связей с действительностью, к признанию недействительности одного и принятию реальности/правдивости другого.

Средства объективной модальности наравне со средствами модальности субъективной вплетаются в комплекс средств воздействия на адресата. Очевидно, что форма вопросительности придает всем конститuentам фразы оттенок экспрессивности и субъективности, благодаря чему передаваемые модальные смыслы имеют более сильный перлокутивный эффект.

ЛИТЕРАТУРА

1. Berg, W. *Uneigentliches Sprechen. Zur Pragmatik und Semantik von Metapher, Metonymie, Ironie und rhetorischer Frage* / W. Berg. – Tübingen : Gunter Narr-Verl. – 1982. – 167 S.
2. Meibauer, J. *Rhetorische Fragen* / J. Meibauer. – Berlin : Walter de Gruyter-Verl. – 1986. – 284 S.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

О. Н. Жизневская (г. Минск, Беларусь)

СТЕРЕОТИП МАТЕРИ В ПОСЛОВИЦАХ, ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ И НАРОДНЫХ СРАВНЕНИЯХ БЕЛОРУСОВ

В традиционной семье мать является центральной фигурой. Даже в дореволюционное время, когда проявления неуважительного отношения к женщине со стороны мужчины были нередки, роль женщины возрастала с обретением ею нового статуса – статуса матери. Изучение фрагмента белорусской языковой картины мира, связанного с представлениями о матери, позволяет детально описать содержательный и оценочный компоненты в исследуемом стереотипе. Уточним, что *стереотип (языковой стереотип)*, вслед за польским лингвистом Е. Бартминьским, понимается нами как представление, сформировавшееся в рамках определенного коллективного опыта и определяющее то, что этот предмет собой представляет, как выглядит, действует, как воспринимается человеком. Это представление воплощается человеком в языке, доступно через язык и принадлежит коллективному знанию о мире. Языковой стереотип и языковая картина мира соотносятся как часть и целое.

Пословицы, фразеологизмы, народные сравнения дают обширный и богатый материал для исследования, поскольку позволяют не только реконструировать значимые для белорусов представления о матери в традиционной семье, но и описать особенности образного видения этих представлений. Аккумулируя многовековой опыт, паремии, фразеологизмы и сравнения транслируют особенности восприятия и осмысления языковым коллективом окружающей действительности, обусловленные национальным своеобразием менталитета.

В белорусских паремиях мать осмысливается следующим образом:

1. Понятие сакральное, то же, что и Родина, Земля-кормительница (*Зямелька – матка наша: і корміць, і носіць, і адзявае нас*).

2. Характеризуется преимуществом функции воспитания над рождением (*Не тая маці, што спарадзіла, а тая, што выгадала; Не то маці, што нарадзіла, а што расціла*).

3. Учитель и воспитатель для своих детей (*Матка дзяцей вучыць; З мамінага слова толькі неразумны засмяецца; З мамінае песні засмяўся – як без галавы застаўся*). Воспитывая, мать наказывает детей, но такое наказание осмысливается как благо для ребенка (*Матка калі б'е, то вучыць; Матка дзіцятка хоць б'е, то не заб'е; Матчын кулак вучыць, а мачышын сушыць; Матчыны дулі нікому носу не звярнулі*).

4. Передает ребенку (чаще дочери) свои черты (*З харошай кушачкі харошыя і птушачкі; Не адкоціца яблык ад яблыні; Якая матка, такое і дзіцятка; Якая мая мама, такая я і сама; Якая птушка, такое і гняздзечка*).

5. Может быть только одна, она незаменима (*Няма тых лавак, дзе купляюць родных мамак; Матка адна на раду, а бацькаў сем на вяку; Другой маткі не знойдзеш; Умрэць матка – аслепнець бацька; Родную маці нікім не заменіш; Без маткі нешчаслівыя дзеткі*).

6. Имеет тесную эмоциональную связь с ребенком, самый дорогой и близкий человек для ребенка (*Дзіця за палец, а маці за сэрца; Як дзіця плача, маткі сэрца з жалю скача; Матчына сэрца заўсёды з тым, каго няма; Матчыны рукі заўсёды мяккія*). По отношению к ней выявляются самые светлые и добрые чувства (*Жонка для свету, цешча для прывету, а матка радней усяго свету; Пры сонейку цёпла, пры матцы добра; Мама крыло і ў мароз цёплае; Няма лепшай хаткі, як у роднай маткі; Нідзе няма лепш, як у сваёй маці*).

7. Опора, защита и ориентир для детей (*Без роднай мамачкі заключаюць галачкі; Пазірай на матку, а маліся на яе дзіцятку*).

8. Жертвенна, бескорыстна; в отличие от нее, дети часто бывают эгоистичными, неблагодарными (*Маці сама не з'есць, а дзіця накорміць; Маткі дзяруць пазухі, дзецям хаваючы, а дзеткі дзяруць кішэні ад матак хаваючы; На дачок матка – батрачка, пакуль рукі сашчэпіць*).

9. Материнство наделяет женщину особой силой (*Нічыя слёзы, як матчыны: яны ўтопяць, яны ў бога і шчасця выпрасяць; Матчына малітва з дна мора дастане; Маці то і да пекла трапіць*). Как отмечают исследователи, еще с древних времен наши предки верили, что беременная женщина наделена необычными сакрально-магическими продуцирующими способностями. Так, белорусы считали, что купленная корова будет давать много молока и здоровое потомство, если во дворе первой ее встретит беременная женщина. Кроме того, ритуальный контакт беременной женщины с бесплодной мог помочь последней в решении проблем с деторождением.

В пословицах стереотип матери имеет позитивную, порой доходящую до идеализации оценку. Несмотря на большое количество пословиц, негативно характеризующих женщину в целом (*Баба з пекла родам; З бабаю і чорт не зладзіць; Што баба пастроіць, тое й год не прастоіць* и др.), когда речь идет о женщине-матери, то отрицательные коннотации, как правило, не выявляются.

Анализ фразеологизмов, с одной стороны, подтвердил закрепленность уже перечисленных признаков в стереотипе матери – «особая, тесная связь с ребенком» (*мамін (мамчын) сынок, мама (мамчына) дачка*); с другой – выявил такие важные характеристики, как «рождение ребенка» (*у чым (як) маці нарадзіла*), «кормление грудью» (*з малаком маці, з матчыным малаком, усмоктаць з матчыным малаком, мама малако на губах не абсохла*), «нежная, ласковая, сердечная» (*маці-і-мачыха*).

Изучение материала, представленного в «Слоўніку беларускіх народных параўнанняў», также позволило установить наличие важных характеристик в стереотипе матери:

1) *дарагі як родная matka* ‘о ком-то очень дорогом и близком’, *плакаць як на матцы* ‘о сильном, безутешном плаче кого-нибудь’, *свая хатка як родная matka* ‘о жизненной ценности и важности дома для счастья человека’, *прывыкнуць як дзіця да матчынай калыханкі* ‘о привыкании к кому-нибудь доброму, ласковому’, *прывыкнуць як дзіця да мацеры* ‘пра привыкание да каго-небудзь добрага, ласкавага’, *змаркоціцца як дзіцятка без маткі* ‘о большой искренней печали человека’ – «тесная эмоциональная связь с ребенком», «родная и близкая», «самый дорогой и близкий человек», «самая важная», «ее любят»;

2) *як дзіцёнак без цыцкі* ‘о человеке в бедственном положении, лишенном самого необходимого’, *прывыкнуць як дзіця да матчынай цыцкі* ‘о привыкании к чему-то хорошему, приятному’, *прысопоницца як куранё да маткі* ‘доверчиво прижаться к кому-то’, *трэцца як цялятка каля маткі* ‘о ком-то, кто слишком ластится, добивается опеки’ – «тесная физическая связь с ребенком», «самая важная»;

3) *любіць каго як matka дзіцятка* ‘об искренней, сильной любви к кому-то’, *плакаць як matka на дзіцятку* ‘о сильном, безутешном плаче кого-нибудь’, *чакаць каго як matka дачушку з дарогі* ‘пра нецярплівае чаканне каго-небудзь’ – «любит ребенка», «тесная эмоциональная связь с ребенком»;

4) *жыць як у мацеры за плячыма* ‘о хорошей, беспечной, беззаботной жизни кого-нибудь’ – «опора и защита для ребенка».

Сравнения типа *баяцца як стары конь мацеры* ‘об отсутствии страха перед кем-нибудь’, *патрэбна як старому каню маці* ‘о ком-то, кто совсем не нужен и не интересен другому’, *едзе як чорт мацеры да доктара вязе* ‘об очень быстрой езде’ в исследуемом материале единичны. Данные выражения употребляются в негативно-оценочных контекстах и, как представляется, характеризуют не саму мать, а тех детей, которые ведут себя неподобающим образом по отношению к ней, что, в свою очередь, подтверждает существование культурного предписания, требующего уважать мать.

Таким образом, профиль (портрет, образ) стереотипа матери, реконструированный на основе белорусских паремий, фразеологизмов и народных сравнений, можно представить следующим образом:

- **биологический аспект:** 1) «рождение ребенка» (рожает ребенка, передает ребенку (чаще дочери) свои черты, имеет тесную физическую связь с ребенком); 2) «кормление грудью» (кормит ребенка грудью);

- **социальный и социально-психологический аспект:** 1) «действия и чувства матери по отношению к ребенку» (заботится о ребенке, ухаживает за ним, является опорой, защитой и ориентиром для ребенка, воспитывает ребенка, учит ребенка, преимущество функции воспитания над рождением, бьет и наказывает ребенка во благо ребенку, любит ребенка, имеет с ним тесную эмоциональную связь, обладает особой (магической) силой); 2) «действия и чувства ребенка по отношению к матери» (играет наиважнейшую роль в жизни ребенка, самый дорогой и близкий человек, к ней относятся нежно и сердечно, любят, уважают, она одна, незаменима, дети бывают неблагодарными по отношению к матери);

• **психологический и морально-нравственный аспект:** 1) «интеллектуальная характеристика» (мудрая); 2) «особенности характера и поведения, нравственные качества» (ласковая, нежная, строгая, самоотверженная, жертвенна, бескорыстна). Стереотип матери характеризуется позитивной оценкой; в поговорках отмечается идеализация и сакрализация образа матери.

О. А. Кострова (г. Самара, Россия)

МОДАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОСЛОВИЦ С УСЛОВНЫМ КОМПОНЕНТОМ В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Филологические интересы Т. С. Глушак охватывали широкий круг проблем, касающихся функциональной и прагматической стилистики и взаимодействия разноуровневых единиц языковой системы. Плодотворность разработанного ею подхода подтверждается многочисленными исследованиями в этом направлении. Предлагаемое исследование посвящено взаимодействию языковых единиц в фольклорном жанре «поговорка».

Среди огромной сокровищницы народной мудрости мы выбрали для анализа поговорку, выраженные сложными предложениями с придаточными условия с целью сравнения модальных пространств в разных лингвокультурах. Однородность материала, необходимая для чистоты анализа, обеспечивается его прагматической адекватностью и полной или частичной структурной эквивалентностью.

Исследователи отмечают наличие в семантической структуре поговорок причинно-следственной связи [1]. Условие, оформленное придаточным предложением, как часть причинного комплекса широко представлено в поговорках немецкого и русского языков, что можно рассматривать как универсальное прагматическое свойство этой языковой формы. Более того, универсальны и когнитивно-прагматические группы поговорок, содержащие обуславливающий компонент. В нашей классификации критерием выделения таких групп послужила модальная прагматика. Соответственно этому критерию были выделены три группы поговорок, прагматику которых можно считать адекватной для обоих языков, хотя лексико-семантическое значение русских и немецких поговорок и их образность значительно различаются. Значительные различия наблюдаются и в структурном плане; именно эти различия создают лингвокультурную специфику модального пространства в каждом языке.

В первой выделенной нами группе поговорок передаются обусловленные закономерности. В обеих лингвокультурах они выражаются обобщенно. В немецком языковом сообществе значение обобщенности реализуется неопределенно-личным местоимением *man*, а также союзом *wenn*, совмещающим сему темпоральности, что позволяет осмыслить условие как повторяющееся. Ср.: *Wenn man vom Esel tratscht, kommt er gelatscht. Wenn die Katze aus dem Haus ist, tanzen die Mäuse auf dem Tisch.*

В русской лингвокультуре в условном придаточном типичны инфинитивные, обобщенно-личные или именные формы сказуемого, создающие неопределенность адресата. Эти формы могут употребляться и в синтаксически главном предложении. Условное придаточное может быть безглагольным, что особенно характерно для отрицательного условия. В многообразии предикатов, определяющих строй предложения, можно видеть типичную для русского языкового строя структурную вариативность.

Вариативные структурные варианты приобретают особые прагматические функции. Функцию инфинитивных предикатов А. Вежбицкая видит в том, что они не обеспечивают контроль над описываемым событием. Одно из описанных А. Вежбицкой значений реализуется в пословицах с условным компонентом; это значение интерпретируется как «ТО, ЧЕГО Я ХОЧУ, МОЖЕТ НЕ ПРОИЗОЙТИ» [2, с. 61]. Ср.: *Если косить языком, спина не устанет*. Интерпретация может выглядеть так: 'Говорящий, чтобы пощадить спину, хотел бы работать языком, но – вследствие отсутствия контроля – это у него не получается'. Другой пример с аналогичной интерпретацией: *Кабы знать, где упасть, так соломки бы припасть*. В этой функции типичны бессоюзные условные предложения с близким значением предсказания, закономерно вытекающего из условия: *Правду говорить – себе досадить* [3, с. 212]. Таким образом, инфинитив имплицитно скрывает модальность (не)реализуемого желания говорящего, которое обусловило бы позитивное/негативное следствие.

Прагматическая функция обобщенно-личных предикатов состоит в том, что «говорящий предлагает собеседнику приобщиться к чужому опыту, совместив свое Я с чужим в качестве исполнителя некоторого действия» [4, с. 106], имеющего отрицательное по смыслу следствие. В немецком языке в таких случаях используются неопределенно-личные предложения с подлежащим *man*, в которых собеседник скорее отстраняется от чужого опыта, поскольку этот опыт показывается со стороны [там же]. В обоих языках имплицитно скрывается скрытый запрет на обуславливающее действие, который в русской лингвокультуре проявляется более определенно за счет личной вовлеченности говорящего. Соответствующие пословицы различаются и по содержанию: в русском языке закономерности выводятся на основе жизненно важных действий, в немецком же обобщается опыт речевой деятельности. В русском пословичном фонде типичны бессоюзные предложения. Ср.:

Если много съешь, то и мед горьким *Wenn man von der Wüste spricht, kommt*
покажется. *das Kamel.*

За двумя зайцами погонишься, ни *Wenn man vom Teufel spricht, kommt er*
одного не поймаешь. *gerannt.*

Русские безглагольные обуславливающие предложения отличаются эмоциональной насыщенностью: *Еда без вина – грош ей цена. Ежели босяк, повесят за пустяк*. Сема обобщенности, создаваемая номинативностью пропозиции придаточного, обогащает модальное пространство обусловленности и сопровождается скрытыми эмоциональными смыслами.

Ко второй группе мы отнесли пословицы, содержащие контрафактические или гипотетические условия. В них в обоих языках реализуются нереальные условные пространства. О невероятности условий в русской лингвокультуре свидетельствует не только их лексико-семантическое наполнение, но и употребление союза *кабы*, который возможен только в ирреальных контекстах. В немецкой лингвокультуре в этой группе встретилась единственная пословица с безглагольной структурой главной части: *Hätte, hätte, Fahrradkette*. В обоих языках отмечается структурное варьирование, усиливающее экспрессию: в русском – это редукция частицы *бы* до *б* и ее повтор, в немецком редуцируется конъюнктивная форма *wär*‘, кроме того используется сниженная лексика и «двойной» плюсквамперфект. Постпозиция придаточного придает условию гипотетический ограничительный, а иногда иронический оттенок. Ср.:

<i>Если б все равно, люди б лазили в окно, а то дверь прорубили.</i>	<i>Wenn das Wörtchen «wenn» nicht wär, wär ich längst schon Millionär.</i>
<i>Если бы мы «если» поставили на «если», то бы до неба долезли.</i>	<i>Hätte der Hund nicht gekackt, dann hätte er den Hasen gekriegt gehabt.</i>
<i>Если бы не бы, выросли бы грибы, да все белые бы.</i>	<i>Bauern hätten gut leben, wenn sie's wüssten.</i>
<i>Кабы не кабы да не но, были бы мы богаты давно/был бы генералом давно.</i>	<i>Dem Narren wäre zu helfen, wenn man die rechte Ader träfe.</i>
<i>Если б не мороз, то овес бы до неба дорос.</i>	<i>Das Recht wär' wohl gut, wenn man's nicht krumm machte.</i>

В третьей группе содержатся обусловленные поучения. Характерной особенностью является употребление в главном предложении императива. В немецком языке императив может заменяться модальными глаголами со значением необходимости, которое в русской лингвокультуре имплицировано в форме повелительного наклонения. Ср.:

<i>Если сидишь на печи, так побольше молчи.</i>	<i>Wenn du einen Freund brauchst, kaufe dir einen Hund.</i>
<i>Если щи хороши, другой нищи не ищи.</i>	<i>Wenn es am besten schmeckt, soll man aufhören.</i>
<i>Дают – бери, бьют – беги.</i>	<i>Wenn man unter Wölfen ist, muss man mit ihnen heulen.</i>

Таким образом, сопоставительный анализ языковых единиц с адекватной прагматической функцией позволяет обнаружить скрытые модальные смыслы, которые эксплицируются в одной из лингвокультур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулькова, М. А. К вопросу о содержательной структуре народных примет (на материале русского и немецкого языков) / М. А. Кулькова // Сопоставительная филология и полилингвизм: мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф., Казань, 19–21 ноября 2014 г. / Казан. гос. ун-т. – Казань, 2015. – С. 182–185.

2. *Вежбицкая, А.* Русский язык / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание : Пер. с англ. ; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. – М. : Русские словари, 1977. – С. 33–88.

3. *Попова, Л. В.* Бессоюзные сложные предложения с семантикой предсказания в пословицах русского языка / Л. В. Попова // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2001. – № 23. – С. 212–214.

4. *Бойкова, И. Б.* Я-пространство как компонент коммуникативного поведения и национальной семантики / И. Б. Бойкова // Русское и немецкое коммуникативное поведение / Вып.1, науч. ред. И. А. Стернин, Х. Эккерт. Воронеж : Исток, 2002. – С. 100–110.

Л. М. Лещёва (г. Минск, Беларусь)

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК ШИББОЛЕТ

Русский язык чрезвычайно богат фразеологическими единицами (ФЕ) самых разных *тематических, структурных, семантических, стилистических и функциональных* видов, отражающими особенности его языковой структуры и самобытность культуры его носителей.

Высокий уровень владения русским языком как иностранным предполагает непереносимое знание русского фразекона, хотя полное овладение им в силу его сложности и многоаспектности вряд ли представляется возможным. Опасаясь проявления неполной семантизации русских фразеологических единиц, иностранцы, изучающие русский язык, обычно избегают их использования в своей речи, что делает её, однако, неэмоциональной, безликой, шаблонной.

Однако речь американского журналиста, прекрасно владеющего русским языком и прожившего в России более 20 лет, Майкла Бома, хорошо знакомого русскоязычной аудитории по телевизионным политическим ток-шоу программам, является в этом плане исключением: он весьма активно использует различные русские фразеологизмы в своей речи.

В исследовании использовались материалы двух интервью: «Мальчик для битвы» журналиста газеты «Московский комсомолец» с Майклом Бомом, а также аналогичного интервью «В Англии я немножко outsider», взятого журналистом этой же газеты у бывшей советской/российской, а также британской журналистки Марии Слоним, внучки известного наркома иностранных дел СССР, проживающей в настоящее время в Великобритании.

Хотя напечатанное интервью не является истинно спонтанной устной речью, жанр этого публицистического стиля, тем не менее, благодаря диалоговой форме общения позволяет передать журналисту основные языковые особенности собеседника, особенно в случае портрета-интервью, направленного на раскрытие личности собеседника, каковыми и являются выбранные для исследования интервью.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что в целом русские фразеологизмы в речи иностранца, даже прекрасно владеющего русским языком, могут выполнять функцию шибболетов – речевых образцов, отграничивающих одну языковую группу людей от другой.

В частности, особенности использования русских ФЕ англоязычным Майклом Бомом проявляются в следующем:

1. Чрезмерно высокая частота их употребления. Возможно, это связано с такими прагматическими целями говорящего как желание приглушить в своей речи маркер «я – чужой» и выглядеть членом русскоязычного коллектива; установить максимально быстрый контакт с коммуникативным партнером; вызвать у слушающего типичные ассоциации, связанные с использованной ФЕ, не проговаривая при этом четко своих намерений, и др.

2. Наличие небольших лексико-грамматических и семантических отклонений от нормы в использовании ФЕ, в частности, идиом, причем причины таких отклонений обычно лежат в интерференции или недостаточной семантизации идиомы.

Вместе с тем, следует признать, что хотя частота использования фразеологических единиц является одной из важнейших характеристик речевого портрета личности, частота их использования крайне индивидуальна. Кроме того, в настоящее время весьма мало известно о средних частотных характеристиках использования ФЕ в разных стилях и жанрах.

Важно также отметить, что учитывая ингерентную способность фразеологической единицы быть одновременно устойчивой единицей и допускать в стилистических и прагматических целях определенные изменения, определяемые говорящим и контекстом, обнаруживать отклонения от нормы в использовании фразеологизма весьма не просто, что, в конечном итоге, не делает ФЕ идеальным шибболетом.

И. Ф. Нестерук (г. Брест, Беларусь)

СТИЛИСТИКА В АСПЕКТЕ ЭКОЛИНГВИСТИКИ

В XX в. возникает и начинает интенсивно развиваться новая лингвистическая парадигма – коммуникативно-дискурсивная, предполагающая интерпретацию любого языкового явления с опорой не только на лингвистическую форму, но и с учетом интенций реципиента, его социального статуса и тех ментальных процессов, которые возникают в ходе его жизнедеятельности. Как отмечает В. А. Маслова, «... человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека – описываться и объясняться в терминах его внутренних состояний» [1, с. 6]. В это же время вопрос о роли языка в освещении жизнедеятельности человека, его взаимосвязи с природой и культурой получает новое освещение. Формируется новая научная область на стыке языкознания, социологии, психологии и философии, получающая

название *эколингвистика*. Можно сказать, что возникновение эколингвистики оказалось возможным благодаря появлению ряда новых дисциплин, которые доказывали необходимость включения природы языка в процессы жизнедеятельности человека и общества. Эколингвистика в свою очередь исследует законы и принципы, общие как для экологии, так и для языка, исследует роль языка в решении актуальных проблем защиты окружающей среды, а также в формировании экологического сознания и экологического мышления. В работах А. Л. Сквородникова *эколингвистика* определяется как междисциплинарная область языкознания, предметом изучения которой является состояние языка как сложной семиотической системы, обусловленное качеством среды его обитания и функционирования..., а также способы и средства защиты языка и речи от негативных воздействий, с одной стороны, и пути и средства их обогащения и развития, с другой [2, с. 293].

Термин *экология* (*oikos* – ‘дом, местообитание’; *logos* – ‘наука’) в научный обиход ввел Геккель (1886), определявший экологию как науку о природе, об образе жизни и внешних жизненных отношений организмов друг с другом. Предметом современной экологии принято считать изучение закономерностей взаимодействия систем с окружающей средой, их развитие во времени и пространстве [3]. Как видим, в этой и в некоторых других дефинициях экологии как науки упоминается взаимодействие систем, подразумевающее задачу защиты окружающей среды, однако не накладывается никаких ограничений на постановку новых задач. Постепенно в условиях нарастающего глобального социально-экономического кризиса происходит переосмысление взаимоотношений общества и окружающего мира. Появляются общественные движения, политические партии, основанные на принципах «зеленой» политики, настаивающие на тесной, но безопасной интеграции экономики и окружающей среды, переосмысливаются роли и социальных институтов.

А. Л. Крайнов, определяя некоторые факторы формирования экологического сознания, называет экологическое образование, которое должно быть положено в основу всей системы образования. Экологический подход к языку предполагает его трактовку в качестве неотъемлемого компонента цепи взаимоотношений, существующих между человеком, обществом и природой [4]. Доклад английского лингвиста М. А. Кирквуда Хэллидея на конференции «Language. Ecology and Environment» дал толчок к рассмотрению экологического контекста и его реализации в языке. Основными темами исследования эколингвистики становятся языковые изменения и языковые контакты, вытеснение редких языков языками экономически значимыми, унификация языков, билингвизм, а также языковые стратегии манипуляции и роль языка в различных конфликтах. Данная проблематика нашла свое отражение в научных трудах В. Г. Костомарова (1991), В. Ф. Нечипоренко (1998), А. Л. Сквородникова (1996), А. Х. Гимазетдинова (2008). Итак, опираясь на вышеназванную проблематику исследований в области эколингвистики, можно выделить несколько направлений, актуальных на сегодняшний день:

1. Экстраполирование идей и положений экологии на язык.
2. Раскрытие экологических проблем посредством языка.
3. Изучение соотношения между биологическим и лингвистическим многообразием.
4. Совершенствование языка и речи, изучение и популяризация речевого и языкового творчества.

С точки зрения функционально-стилевой классификации можно выделить следующие виды экологического дискурса:

- 1) научный (научные статьи, исследования, проводимые экологами);
- 2) медийный (тексты, созданные журналистами и распространяемые с помощью прессы, телевидения, радио, Интернета);
- 3) религиозно-проповеднический (тексты, обеспечивающие религиозное общение);
- 4) художественный (произведения художественной литературы).

Проблематика языкового творчества, актуальная для стилистики, является, на наш взгляд, одним из существенных аспектов эколлингвистики, поскольку «благополучие языка» (термин А. Л. Сковородникова) предусматривает не только его изучение, но и совершенствование. Данный вектор исследований в эколлингвистике представляется нам наиболее оправданным и перспективным с позиции лингвостилистического анализа, т. к. в рамках данного направления язык рассматривается как структура, в которой при помощи текстов фиксируется модель мира, существующая в сознании индивида в частности и общества в целом. Именно в рамках этого направления соприкасаются стилистика и эколлингвистика, изучающие и оценивающие реалии языка с точки зрения лингвистических, экстралингвистических, этических и эстетических факторов. Иначе говоря, посредством использования определенных языковых структур и стилистических средств отражается познавательная деятельность человека в процессе его взаимодействия с окружающей средой и действительностью.

Еще одна точка соприкосновения стилистики и эколлингвистики, по мнению Г. А. Копниной и А. П. Сковородникова, – это «изучение приемов, обеспечивающих нужные адресанту эмоционально-психологические реакции адресата, поскольку креативная речевая деятельность мотивирована не только эстетически, но и прагматически», что подразумевает изучение языковых стратегий манипуляции и роли языка в различных конфликтах» [5, с. 103].

Язык и общество неразрывно связаны между собой. Использование языка предполагает гораздо большее количество правил и традиций, и язык выполняет реально больше функций, чем просто номинация объектов действительности. Как только мы расширяем рамки анализа, мы вынуждены обращаться к другим дисциплинам, т. е. проводить не узко лингвостилистический или текстовый анализ, а дискурс-анализ в широком его понимании (Т. Ванн Дейк, Ю. Караулов), испытывая «сильнейшее давление фактора взаимодействия наук», на что указывали в своей статье «Доминирующая тен-

денция в современной лингвистике» Т. С. Глушак и А. А. Мирский. Возникающие пограничные зоны с исследовательскими задачами неизбежно требуют кооперации лингвистов и ученых различных областей знания. В этом смысле междисциплинарное научное пространство оправдано и пропорционально регулирует в нем взаимодействие и весомость тех или иных наук под влиянием фактора времени [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маслова, В. А.* Когнитивная лингвистика : учеб пособие / В. А. Маслова. – Изд. 2-е. – Мн. : ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
2. *Сковородников, А. П.* Лингвистическая экология, или лингвоэкология // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова [и др.] – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 293–296.
3. Большой энциклопедический словарь : философия, социология, религия, политэкономия / главн. науч. ред и сост. С. Ю. Солодовников. – Мн. : МФЦП, 2002. – 1008 с.
4. *Крайнов, А. Л.* Экологическое сознание: сущность и экологические феномены : дис. ... канд. философ. наук : 09.00.11 / А. Л. Крайнов. – Саратов, 2001. – 145 с.
5. *Сковородников, А. П.* Стилистика креатива и эколингвистика: точки соприкосновения / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. – Тамбов : Грамота, 2014. – №8 (38) – Ч.1. – С. 101-114.
6. *Глушак, Т. С.* Доминирующая тенденция в современной лингвистике / Т. С. Глушак, А. А. Мирский // Язык. Человек, Культура : Материалы научно-практической конференции 21-23 марта 2005 года, Смоленск : в 2 ч. / отв. ред. Л. М. Ньюбина. – Смоленск : СГПУ, 2005. – С. 6–13.

К. Г. Никитенкова (г. Минск, Беларусь)

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ВТОРОГО ПЕРЕХОДНОГО КОМПОНЕНТА В РАМКАХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Семантика большинства вторых переходных компонентов (ВПК) в современном немецком языке формируется на базе значения исходного коррелята, в т. ч. на базе его сем. При этом в анализируемом корпусе вторых именных переходных компонентов (имен существительных и имен прилагательных) были выявлены примеры, которые в составе словообразовательной конструкции формируют свое обобщенное значение на базе сем фразеологизма с коррелирующей лексемой в самостоятельном употреблении или с ее производящей базой. К данным конструкциям относятся [... -lustig], [... -ratte], [... -flüsterer].

В корпусе адъективных ВПК был выявлен компонент ‘-lustig’, у которого семантическая связь с коррелирующим прилагательным *lustig* ‘веселый, радостный’ на первый взгляд отсутствует. Однако исходя из дефиниционного анализа обеих единиц, можно констатировать, что сема ‘желание’, эксплицированная в последнем значении имени прилагательного в устойчивом сочетании, коррелирует со значением ВПК, ср.:

-*lustig* ‘drückt in Bildungen mit Substantiven oder Verben aus, dass die beschriebene Person **etwas gern macht, zu etwas stets bereit ist**’ (в сочетании с именами существительными или глаголами выражает, что описываемое лицо что-л. охотно делает, всегда готово к чему-л.)

lustig ‘1) a) von ausgelassener, unbeschwerter Fröhlichkeit erfüllt; Vergnügen bereitend; vergnügt, fröhlich, heiter, ausgelassen; b) Heiterkeit erregend; auf spaßhafte Weise unterhaltend; komisch; 2) munter, unbekümmert; ohne große Bedenken; 3) **in «so lange/wie/wozu o. Ä. jemand lustig ist»** (umg.: so lange, wie, wozu o. Ä. jemand **Lust hat**, so lange, wie es jemandem gefällt, wonach es jemanden verlangt)’ 1) а) охваченный буйным, беззаботным весельем; радостный, веселый, резвый; б) вызывающий веселье; развлекающийся веселым образом; смешной; 2) бодрый, беззаботный, решительный; 3) в выражении «пока, как и т. п. кто-л. имеет желание, хочет, имеет потребность»).

Говоря в терминах фреймовой семантики, фрейм ВПК -*lustig* имеет открытый слот «желание чего-л.». Данный слот может заполняться различными значениями, что приводит к формированию обобщенного значения у компонента (см. табл. 1).

Таблица 1.

Фрейм ВПК -*lustig* и примеры его языковой репрезентации

Суть	Слоты	Заполнители (значения)	Языковая фиксация
совершающий что-л. охотно, всегда готовый к чему-л.	<i>объект:</i> желает, хочет что-л. ...	<i>reisen</i> ‘путешествовать’ <i>kaufen</i> ‘покупать’ <i>streiten</i> ‘ссориться, спорить’ <i>arbeiten</i> ‘работать’ <i>reden</i> ‘разговаривать’ <i>Sensationen</i> ‘сенсации’ ...	<i>reiselustig</i> ‘наполненный желанием путешествовать’, <i>kauf lustig</i> ‘любящий делать покупки’, <i>streitlustig</i> ‘любящий спорить, сварливый’, <i>arbeitslustig</i> ‘любящий работать’, <i>redelustig</i> ‘разговорчивый’, <i>sensationslustig</i> ‘страждущий сенсаций’ ...

В корпусе субстантивных ВПК были выявлены компоненты, которые наследуют значение фразеологизма с самостоятельным коррелятом (-*ratte*) либо с производящей базой коррелята (*flüstern* → *flüsterer*). Так, имя существительное *Ratte* имеет следующие значения: *Ratte* ‘1. Nagetier mit langem, dünnem Schwanz, das besonders in Kellern, Ställen und in der Kanalisation lebt und als Vorratsschädling und Überträger von Krankheiten gefürchtet ist; 2. (**derb**) **widerlicher Mensch (oft als Schimpfwort)**’ (... 2. (грубо) противный человек (часто как ругательное слово)). Второй лексико-семантический вариант

лексемы *Ratte* становится основой значения конструкции [...-*ratte*]. ВПК -*ratte* наследует у имени существительного только сему 'человек', при этом сема 'противный, отвратительный' с негативным оттенком исчезает и появляется сема 'чрезмерное занятие чем-либо'. Можно предположить, что источником данной семы стал фразеологизм *schlafen wie eine Ratte (umgangssprachlich emotional; fest und lange schlafen)* 'спать как крыса (разг. и эмоц.); крепко и долго спать'. Здесь на чрезмерность занятия указывают компоненты 'крепко' и 'долго', которые сохраняются в семантике конструкции с ВПК. Фрейм ВПК -*ratte* имеет открытый слот «активное занятие, увлечение чем-л.» (см. табл. 2).

Т а б л и ц а 2.

Фрейм ВПК -*ratte* и примеры его языковой репрезентации

Суть	Слоты	Заполнители (значения)	Языковая фиксация
чрезмерно активно увлекающийся, занимающийся чем-л.	<i>действие</i> : чем занимается	<i>schlafen</i> 'спать' <i>lesen</i> 'читать' <i>spielen</i> 'играть' <i>wandern</i> 'путешествовать пешком' ...	<i>Schlafratte</i> 'соня', <i>Leserratte</i> 'человек, чрезмерно много читающий', <i>Spielratte</i> 'заядлый (страстный) игрок', <i>Wanderratte</i> 'человек, чрезмерно много путешествующий пешком' ...

Конструкция [...-*flüsterer*] имеет значение лица, которому приписывают чрезмерную эмпатию и влияние, в особенности по отношению к животному, растению, прибору, инструменту, человеку (*Person, der sehr viel Einfühlungsvermögen, Einflussmöglichkeit besonders gegenüber einem Tier, einer Pflanze, einem Gerät, einem Instrument, einer Person, nachgesagt wird*). Другими словами, фрейм компонента '-*flüsterer*' имеет открытые слоты, которые заполняются разнообразными значениями (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 3.

Фрейм ВПК -*flüsterer* и примеры его языковой репрезентации

Суть	Слоты	Заполнители (значения)	Языковая фиксация
оказывающий влияние	<i>объект</i> : на кого влияет (одушевленные объекты) на что влияет (неодушевленные объекты)	<i>Tier</i> 'животное' <i>Vogel</i> 'птица' <i>Baum</i> 'дерево' <i>Blumen</i> 'цветы' <i>Frauen</i> 'женщины' ... <i>Klavier</i> 'рояль' <i>Ball</i> 'мяч' <i>Auto</i> 'машина'	<i>Tierflüsterer</i> , <i>Vogelflüsterer</i> , <i>Baumflüsterer</i> , <i>Blumenflüsterer</i> , <i>Frauenflüsterer</i> <i>Klavierflüsterer</i> , <i>Ballflüsterer</i> , <i>Autoflüsterer</i>

В то же время фрейм самостоятельной лексемы *Flüsterer* не имеет такого количества открытых слотов, а только слоты «субъект» и «действие», ср.: *Flüsterer* ‘jemand der flüstert’ (кто-л., кто шепчет), которые заполняются единичными значениями ‘человек’ и ‘шептать’ соответственно. Можно предположить, что обобщенное значение конструкции [...-*flüsterer*] формируется на базе фразеологизма с глаголом *flüstern* ‘шептать’, в котором глагол имеет переносное значение, не представленное в структуре его значения, ср.: *jemandem etwas flüstern (umgangssprachlich: jemanden tüchtig zurechtweisen)* ‘поставить кого-либо на место’. Например, родители пытаются повлиять на непослушного ребенка и поставить его на место, при этом нашептывая ему на ушко, что так нельзя делать. Эта сема – ‘повлиять на кого-либо’ – и стала основой для формирования значения ВПК -*flüsterer*.

Таким образом, описанные выше примеры демонстрируют механизм становления значения ВПК в рамках словообразовательной конструкции, а точнее его источник – фразеологизм, который аккумулирует в себе все богатство человеческого опыта. Дефиниция, в свою очередь, не может охватить и зафиксировать все компоненты структуры знания, стоящие за единицей. Однако многозначные корреляты в самом последнем своем значении могут иметь сему, на базе которой и происходит формирование обобщенного значения ВПК. В результате наследования компонентов значения фразеологизма наблюдается формирование глубинных семантических связей между компонентом и коррелятом.

Ю. В. Овсейчик (г. Минск, Беларусь)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АССИМИЛЯЦИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Гастрономия, как часть культуры любого народа, более того, часть его повседневной жизни интересна исследователям с точки зрения формирования соответствующего словаря. Французский гастрономический словарь имеет очень богатую историю, развитие которого неразрывно связано с историей французского языка, историей развития кулинарного искусства, культурой, традициями и жизнью французской нации в целом с древнейших времен по сей день. Исторические отношения между французским и белорусским народами, влияние французской культуры, мода на французские слова, а также современные интеграционные процессы оказывают влияние на нашу родную культуру, наш менталитет и наш язык. Основной причиной заимствований из французского языка в белорусский является возникновение новой реалии, нового предмета, появившегося в общественной или бытовой жизни.

Исконно французское происхождение 59 гастрономических лексических единиц подтверждается данными этимологического словаря белорусского языка [1]. Данные заимствования в белорусском языке представлены следующими тематическими группами:

1) результат приготовления (наименования блюд) (72,88 %), например: *амлет* (м) – *omelette* (f), *булён* (м) – *bouillon* (m), *эклер* (м) – *éclair* (m), *круасан* (м) – *croissant* (m), *брыёш* (м) – *brioche* (f), *карамель* (м) – *caramel* (m), *мармелад* (м) – *marmelade* (f), *марынад* (м) – *marinade* (f), *грыльяж* (м) – *grillage* (m), *канфіцюр* (м) – *confiture* (f), *бісквіт* (м) – *biscuit* (m), *жэле* (ср) – *gelée* (f), *безэ* (ср) – *baiser* (m), *нюрэ* (ср) – *purée* (f), *маянез* (м) – *mayonnaise* (f), *вінегрэт* (м) – *vinaigrette* (f), *рагу* (ср) – *ragoût* (m), *соус* (м) – *sauce* (f), *дражэ* (ср) – *dragée* (f), *жэлацін* (м) – *gelatine* (f), *антрыкот* (м) – *entrecôte* (f), *батон* (м) – *bâton* (m), *лангет* (м) – *langette* (f), *лафіт* (м) – *château Lafitte*, *суп* (м) – *soupe* (f);

2) наименование продуктов (15,25 %): *філе* (ср) – *filet* (m), *гарнір* (м) – *garnir*, *крэветка* (ж) – *crevette* (f), *кальмар* (м) – *calmar* (m), *шампіньён* (м) – *champignon* (m), *эстрагон* (м) – *estragon* (m), *ракамболь* (м) – *rocambole* (f), *мускат* (м) – *muscat* (m);

3) употребление продуктов (6,78 %): *гурман* (м) – *gourmand* (m), *рэстаран* (м) – *restaurant* (m), *кафэ* (ср) – *café* (m), *меню* (ср) – *menu* (m);

4) характеристика продуктов (блюд) (3,39 %): *дэлікатны* (м) – *délicat*, *дэлікатес* (м) – *délicatesse* (f);

5) процесс приготовления продуктов (1,69 %): *фрыцюр* (м) – *friture* (f).

После вхождения в белорусский язык французское слово, как и любое заимствование, подвергается процессу приспособления языковой единицы к правилам и нормам заимствующего языка, что представляет собой сложное взаимодействие фонетических, грамматических и семантических систем контактирующих языков.

Преобладающие полностью ассимилированные заимствования (79,66 % от всего корпуса) подверглись графической, фонетической, морфологической и семантической адаптации. Частично ассимилированные заимствования (20,34 %) не подверглись грамматическому изменению.

Французские гастрономические заимствования в белорусском языке представляют собой различные типы лексической ассимиляции:

1) полный перенос значения: *карамель* (ж) ‘*caramel*’ (m), *кальмар* (м) ‘*calmar*’ (m), *булён* (м) ‘*bouillon*’ (m), *маянез* (м) ‘*mayonnaise*’ (f), *рэстаран* (м) ‘*restaurant*’ (m);

2) перенос значения по форме: *крушон* (м) ‘освежающий фруктовый напиток’ – *cruchon* (m) ‘кувшинчик’, *безэ* (ср) ‘пирожное’ – *baiser* (m) ‘поцелуй’, *батон* (м) ‘хлебобулочное изделие’ – *bâton* (m) ‘палка’, *шарлотка* (ж) ‘сладкое блюдо из запеченого теста со слоями яблок’ – *charlotte* (f) ‘фруктовый десерт цилиндрической формы с печеньем по краям’;

3) перенос значения по функции: *гарнір* (м) ‘приправа из овощей и круп для рыбных и мясных блюд’ – *garnir* ‘украшать’, *грыльяж* (м) ‘сорт конфет с обжаренными орехами и миндалем’ – *grillage* (m) ‘жаренье, обжаривание’;

4) перенос значения по географическому названию: *лафіт* (м) ‘сорт красного виноградного вина’ – *château Lafitte* ‘замок Лафит’;

5) расширение значения: *вінегрэт* (м) ‘салат из нарезанных овощей, мяса, заправленный уксусом и маслом’ – *vinaigrette* (f) ‘заправка для салата из уксуса, масла и соли’;

б) сужение значения: *шампін'ён* (м) 'вид гриба' – *champignon* (m) 'гриб'.

Исследование показало, что полный перенос значения составил 84,75 %, перенос значения по форме – 6,78 %, перенос значения по функции – 3,39 %, перенос значения по географическому названию – 1,69 %, расширение значения – 1,69 %, сужение значения – 1,69 %.

Предмет как неотъемлемый элемент французской национальной кухни и само слово его обозначающее входят в повседневную жизнь белорусов. Например, знаменитое французское хлебо-булочное изделие, напоминающее по форме молодой месяц. Ср.: *круасан* 'невялікі хлеба-булачны выраб у форме маладзіка з пластовага або дражджавога цеста з утрыманнем слівачнага масла не менш за 82 % тлустасці' / *croissant*, n. 'pâtisserie feuilletée ayant la forme échanquée de la partie de la lune qui est éclairée'.

Французские гастрономические заимствования, которые заканчиваются на непроизносимое *-e* и принадлежат к женскому роду, в ходе ассимиляции становятся мужского рода в белорусском языке (32,2 %): *ракамболь* (м) – *rocamboles* (f), *мармелад* (м) – *marmelade* (f), *крэм* (м) – *crème* (f), *вінегрэт* (м) – *vinaigrette* (f), *соус* (м) – *sauce* (f), *кампот* (м) – *compote* (f), *жэлацін* (м) – *gelatine* (f), *лангет* (м) – *langette* (f), *суп* (м) – *soupe* (f).

Французские гастрономические заимствования, которые оканчиваются на *-ée, -et, -é, -oût, -u*, и принадлежат к мужскому или женскому роду, в ходе ассимиляции становятся среднего рода в белорусском языке (18,64%): *суфле* (ср) – *soufflé* (m), *пюрэ* (ср) – *purée* (f), *рагу* (ср) – *ragoût* (m), *дражэ* (ср) – *dragée* (f), *філе* (ср) – *filet* (m), *кафэ* (ср) – *café* (m), *меню* (ср) – *menu* (m).

Стоит отметить, что были выявлены французские гастрономические заимствования, которые не меняли род в ходе ассимиляции (33,9%): *булён* (м) – *bouillon* (m), *эклер* (м) – *éclair* (m), *круасан* (м) – *croissant* (m), *ракфор* (м) – *roquefort* (m), *фуа-гра* (ж) – *foie gras* (f), *сабаён* (м) – *sabayon* (m), *каньяк* (м) – *cognac* (m), *мус* (м) – *mousse* (m), *грыльяж* (м) – *grillage* (m), *бісквіт* (м) – *biscuit* (m), *лікер* (м) – *liqueur* (m), *крушон* (м) – *cruchon* (m), *шарлотка* (ж) – *charlotte* (f), *сірон* (м) – *sirop* (m), *катлета* (ж) – *côtelette* (f), *бешамель* (м) – *béchamel* (m), *батон* (м) – *bâton* (m), *лангет* (м) – *langette* (f).

Категория числа французских гастрономических заимствований имеет свои особенности в белорусском языке. Так, маркер множественного числа *-ы, -і* в белорусском языке прибавляется ко всем ассимилированным единицам, заканчивающимся на произносимый согласный во французском языке, в то время как слова, имеющие во французском языке конечный гласный, а также слова среднего рода и некоторые существительные процессуального характера не имеют множественного числа в белорусском языке (*нуга, фуа-гра, грыльяж*).

При морфологической ассимиляции заимствованные слова иногда существуют изолированно и воспринимаются исключительно целиком, например: *сірон* (франц. яз.) – *сірон* (бел.). Возможны случаи, когда форма слова меняется за счет произнесения в белорусском языке звуков, непроизносимых во французском, либо в случае замены конечной буквы, либо присоединения псевдосуффикса, например: *шарлот-к-а* (ж) – *charlotte* (f), *дэлікат-н-ы* (м) – *délicat*, *шампан-ск-ае* (ср) – *Champagne* (m).

Заимствования нередко служат основой для формирования новых одно-коренных слов с использованием собственных морфем белорусского языка: *crème* (фр) → *крэм* (бел) → *крэм-ав-ы* (суф. -ав, окончание -ы), *marmelade* (f) → *мармелад* → *мармелад-н-ы* (суф. -н, окончание -ы), *caramel* (m) → *карамель* → *карамель-н-ы* (суф. -н, окончание -ы), *карамель-к-а* (суф. -к, окончание -а).

Французские гастрономические заимствования в белорусском языке неоднородны. Попадая в белорусский язык, французское слово проходит три стадии изменений: фонетическую ассимиляцию, морфологическую ассимиляцию, семантическую ассимиляцию. Взаимодействие лексических систем двух неродственных языков под влиянием экстралингвистических факторов приводит к доминированию калек и полного переноса значений в языке-рецепторе. Процесс заимствования происходит большей частью за счет денотативных заимствований, которые заполняют лакуны в системе белорусского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа. [укладальнікі У. Мартынаў, А. Я. Супрун, Г. А. Цыхун і інш.; Рэд. В. У. Мартынаў.] – Мн. : Навука і тэхніка, 1978–1993. – У 14 т. – Т. 1–8.

И. Г. Осмоловская (г. Минск, Беларусь)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КЛИМАТА СТРАНЫ И ЭМОЦИЙ ОТДЕЛЬНОГО СУБЪЕКТА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ СМИ

Несмотря на то, что тексты новостного дискурса носят, в первую очередь, информативный характер, для них свойственна также и апеллятивность – способность воздействовать на волевою сферу получателей, программируя нужные психические реакции. Манипулирование сознанием реципиента (отдельного субъекта, группы лиц, целых народов) происходит через обращение к эмоциям.

Изучение репрезентации эмоций в языке опирается в основном на понятие *эмотивной* ситуации – «реальной или вымышленной ситуации, в которой кто-то испытывает определенные эмоции» [1, с. 160]. Большинство работ посвящено анализу ситуаций, в которых носителем эмоций выступает единичный субъект, автор текста или герой художественного произведения. В работе анализ опирается на предложенные О. Е. Филимоновой эмотивные ситуации с множественным субъектом состояния, т. е. такие ситуации, в которых носителем эмоционального состояния является группа людей [2, с. 287].

Эмоциональный климат – термин социологии, введенный американским социологом Дж. де Риверой, для обозначения эмоциональной характеристики общества [3, с. 197]. Эмоциональный климат зависит от политической, религиозной и экономической обстановки в социуме и может меняться в рамках одного поколения. Название эмоциональному климату присваивается в соответствии с доминирующей в данном обществе в данный отрезок времени эмоцией [3, с. 197].

Материалом исследования послужили аутентичные новостные отрезки, позаимствованные на новостном портале «Deutsche Welle» («Немецкая волна») в 2017 и 2018 годах. Анализ репрезентации эмоционального климата разных стран за эти 2 года позволил выявить следующие разновидности: недовольство и враждебность. Языковое выражение данных состояний имеет следующие характеристики:

- непосредственная номинация эмоционального климата общества встречается относительно редко;
- значительно чаще его репрезентация происходит через описание прототипических ситуаций;
- при этом используются специальные лексические единицы (прилагательные, глаголы, существительные), вызывающие ассоциацию с определенной эмоцией или передающие описательно определенное эмоциональное состояние.

Пример прямой номинации эмоционального климата – обращение федерального канцлера ФРГ Ангелы Меркель от 29.09.2018 незадолго до национального праздника Дня немецкого единства:

<p><i>Bundeskanzlerin Angela Merkel zeigt Verständnis für Unmut in Ostdeutschland</i></p> <p><i>Kurz vor dem Tag der Einheit hat Bundeskanzlerin Angela Merkel für mehr Verständnis für manchen Unmut in Ostdeutschland geworben. (...) Dies sei "niemals eine Rechtfertigung für Hass und Gewalt", betonte die Kanzlerin.</i></p>	<p>‘Федеральный канцлер Ангела Меркель понимает недовольство в Восточной Германии Незадолго до празднования Дня единства федеральный канцлер Ангела Меркель призвала к пониманию определенного недовольства в Восточной Германии. (...) Это «никогда не станет оправданием для ненависти и насилия», подчеркнула канцлер.’</p>
--	---

Существительные *Unmut* ‘недовольство’, *Hass* ‘ненависть’, *Gewalt* ‘насилие’ напрямую номинируют господствующие на территории Восточной Германии эмоции.

Следующий пример – фрагмент новостного микротекста от 22.02.2018 о насильственных действиях в Германии по отношению к беженцам – демонстрирует как описание прототипической ситуации, так и номинирование эмоционального климата:

<p><i>Mehr als 2200 Angriffe auf Flüchtlinge im Jahr 2017:</i></p> <p><i>Im vergangenen Jahr hat es 2.219 Angriffe auf Flüchtlinge und Flüchtlingsunterkünfte gegeben. (...) Die Polizei ermittelte unter anderem wegen gefährlicher Körperverletzung, Volksverhetzung, schwerer Brandstiftung und Sprengstoffexplosionen. Die Linkspartei wertet diese Zahlen als Ausdruck einer aggressiven Stimmung, die von der AfD und anderen Gruppierungen der extremen Rechten befördert werde.</i></p>	<p>‘Более 2200 нападений на беженцев в 2017 году:</p> <p>За прошлый год имели место 2.219 нападений на беженцев и их приюты. (...) Среди прочего полиция расследует случаи опасных телесных повреждений, разжигания международной и межрасовой ненависти, поджогов и взрывов. Партия левых оценивает эти данные как выражение агрессивного настроения, которое подогревается партией «Альтернатива для Германии» и другими группировками экстремистов.</p>
---	--

Слова и словосочетания *Angriffe auf Flüchtlinge und Flüchtlingsunterkünfte* ‘нападения на беженцев и их приюты’, *gefährliche Körperverletzung* ‘опасное телесное повреждение’ *Volksverhetzung* ‘разжигание международной и межрасовой ненависти’, *Brandstiftung* ‘поджог’, *Sprengstoffexplosionen* ‘взрывы’ – не называют эмоции, они употреблены для описания эмотивной ситуации и вызывают в сознании говорящих и слушающих ассоциации с определенными эмоциями. Словосочетание же *Ausdruck einer aggressiven Stimmung* ‘выражение агрессивного настроения’ служит для номинирования эмоционального климата в обществе – агрессивное настроение как одно из проявлений враждебности.

Примером описания ситуации без называния эмоционального климата является фрагмент новостного микротекста об антиправительственных демонстрациях в Румынии от 27.02.2017:

<p><i>Tausende Rumänen protestieren erneut gegen Regierung:</i></p> <p><i>Tausende Rumänen haben erneut den Rücktritt der sozialliberalen Regierung gefordert. (...) Auslöser der seit Wochen andauernden Proteste war Ende Januar eine Eilverordnung, die den Kampf gegen Korruption eingeschränkt hätte. (...) Die Demonstranten misstrauen aber der seit knapp zwei Monaten amtierenden Regierung trotz ihres Rückziehers.</i></p>	<p>‘Тысячи румын снова протестуют против правительства:</p> <p>Тысячи румын снова потребовали отставки социал-либерального правительства. (...) Причиной длящихся уже неделями протестов стало вступившее в конце января в силу внеочередное постановление, ограничивающее борьбу с коррупцией. (...) Несмотря на его отмену демонстранты выражают недоверие правительству, находящемуся у власти около двух месяцев.’</p>
---	--

Выделенные слова: *Protest* ‘протест’, *protestieren* ‘протестовать’, *den Rücktritt fordern* ‘требовать отставки’, *misstrauen* ‘не доверять’, ‘выражать недоверие’ не номинируют недовольство напрямую, но помогают описать ситуацию, в которой проявляет себя это эмоциональное состояние.

При репрезентации эмоций отдельного субъекта встречаются все вышеперечисленные способы, характерные для передачи эмоционального климата страны, однако довольно часто используется прямая речь, когда горящий сам описывает свое эмоциональное состояние.

Фрагмент новостного микротекста от 23.02.2018:

<p><i>Bewaffneter Hilfspolizist sah Schulmassaker tatenlos zu:</i></p> <p><i>Beim Schulmassaker von Parkland war nach offiziellen Ermittlungen ein bewaffneter Hilfspolizist vor Ort, griff aber nicht ins Geschehen ein. Der Polizeichef von Broward County in Florida, Scott J. Israel, sagte wörtlich: "Ich bin entsetzt und mir wird richtig übel. Dafür lassen sich keine Worte finden."</i></p>	<p>‘Вооруженный добровольный помощник полиции безучастно наблюдал за стрельбой в школе:</p> <p>Во время стрельбы в школе города Паркленд, по официальным данным, на месте присутствовал вооруженный добровольный помощник полиции, который, однако, не вмешался в происходящие события. Шериф округа Бровард штата Флорида Скотт Й. Израэл сказал следующее: «Я в ужасе, мне, действительно, плохо. Для всего этого невозможно найти слова».</p>
---	---

Шериф округа Скотт Й. Израэл употребляет в речи наречия, передающие эмоциональное состояние горя и страдания: *entsetzt* ‘повергнутый в ужас’, *übel* ‘скверно’, ‘плохо’. В качестве интенсификатора данного состояния можно рассмотреть все предложение *Dafür lassen sich keine Worte finden* ‘Для всего этого невозможно найти слова’.

Анализ материала выборки и изложенное выше позволяют сделать следующие выводы:

- в силу сложившейся социально-политической ситуации в мире в новостных публицистических текстах представлены преимущественно отрицательные эмоции, характерные как для отдельного субъекта, так и для страны в целом;
- преобладающие эмоции в текстах данного синхронного среза – недовольство и враждебность;
- репрезентация эмоционального климата страны осуществляется при помощи номинативной и ассоциативно-эмотивной лексики, при передаче эмоций отдельного субъекта используется также и прямая речь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филимонова, О. Е. Язык эмоций в английском тексте / О. Е. Филимонова. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. – 259 с.
2. Филимонова, О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: учеб. пособие / О. Е. Филимонова. – СПб. : Кн. дом, 2007. – 448 с.
3. Rivera de J. Emotional Climate. Social Structure and Emotional Dynamics / J. de Rivera // Int. Rev. of Studies on Emotion. – 1992. – № 2. – Pp. 197–218.

Р. Ф. Сахарова (г. Минск, Беларусь)

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ БАЗОВЫХ ЭМОЦИЙ В НЕМЕЦКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Термин *когнитивный механизм* стал уже базовым в когнитивной лингвистике, однако выявление общего определения данного термина представляется задачей сложной. Каждый автор в своем исследовании трактует его по-своему или же не определяет вовсе, относя его, вероятно, к категории универсальных и понятных всем исследователям.

Обратимся к пониманию данного термина в настоящем исследовании. Согласно словарю иностранных слов Н. Г. Комлева, *когнитивный* (лат. *cognitio* – восприятие, познание) – относящийся к познанию, к функциям мозга, которые обеспечивают формирование понятий, оперирование ими и получение выводных знаний [3]. Опираясь на свойства механизма, полученные в результате рассмотрения дефиниций понятия в различных словарях [2; с. 17], можно утверждать, что *когнитивный механизм* – это механизм мышления, система операций по преобразованию информации, поступающей в сознание извне, в единицы ментального уровня, а последних – в единицы языкового уровня, т. е. когнитивный механизм языковой репрезентации явлений внешнего/внутреннего мира представляет собой преобразование одного звена в другое.

Теперь встает вопрос о том, как устроена и функционирует данная система операций и как происходит преобразование одного звена в другое, т. е. как работает этот основной механизм и из каких операций он состоит, в процессе языковой репрезентации базовых эмоций?

В данном случае входным звеном механизма является эмоция, которая на втором этапе преобразования осознается на когнитивном уровне (на уровне мышления) и трансформируются в единицы ментального уровня (категории, образы и т. п.). Результатом такого осознания является языковая фиксация, т. е. языковая единица.

Анализ единиц прямой и непрямой (фразеологической) номинации базовых эмоций в немецком и белорусском языках позволил выявить следующие схемы функционирования когнитивного механизма:

1) 1. переживание эмоции → 2. осознание физиологического проявления эмоции → 3. языковая фиксация

В качестве примера можно привести следующие сочетания: нем. *vor Freude springen* ‘прыгать от радости’, бел. *скакаць ад радасці*. Переживание радости сопровождается в результате действия определенных нейрофизиологических процессов прыжками, что, как и демонстрируют примеры, и было подмечено членами языкового социума. Данный физический акт становится логичным и устойчивым способом языкового представления радости, понятным всем участникам языкового сообщества именно потому, что у всех людей данная эмоция именно так и выражается, т. е. это социально разделенный способ проявления и языковой репрезентации радости. При этом для представления эмоции используются не непосредственно центральная номинативная единица *радоваться*, а фиксация телесных, физических проявлений при переживании радости. Решающим моментом в осознании переживаемой эмоции становится тот факт, что психическое и телесное находятся в теле человека в отношении **смежности**. Данный пример позволяет утверждать существование нового типа метонимии – **телесно-физическое вместо психического**.

2) 1. переживание эмоции → 2. осознание эмоции по аналогии чем-л. → 3. языковая фиксация

Например, сочетания нем. *Wut erfasst/packt jmdn.* ‘гнев охватывает кого-л.’, *Angst ergreift/packt/befällt* ‘страх охватывает кого-л., нападает на кого-л.’, или бел. *гнеў бярэ каго-небудзь*, *гора ахапіла кагосьці*, *страх завалодаў кімсьці*, *ахінае/накрывае кагосьці* демонстрируют, что эмоция **сравнивается** с некой силой, которая может завладеть человеком. Подобная языковая фиксация становится возможной благодаря действию когнитивного механизма метафоры.

3) 1. переживание эмоции → 2. осознание физиологического проявления эмоции и сравнение его с чем-л. → 3. языковая фиксация

Во фразеологизмах нем. *sich in Tränen auflösen* ‘anhaltend (und sehr heftig) weinen’, бел. *аблівацца (залівацца) слязамі (слязьмі)* ‘горка, няўцешна плакаць’ эмоциональное ощущение горя находит репрезентацию на языковом уровне через его конкретное физиологическое проявление – обильное выделение слез. Такая языковая фиксация является итогом преобразования по смежности, т. е. действует механизм когнитивной метонимии. Однако у человека не может выделиться такое количество слез, в котором он способен раствориться или которым можно залиться. Данный факт может быть отнесен к явлению метафоры. В целом, анализируемые фразеологизмы являются результатом одновременного действия двух когнитивных механизмов – метонимии и метафоры. Данное явление получило в лингвистике

название *метафтонимия* (metaphtonymy)¹ и активно разрабатывается в последние десятилетия не только зарубежными лингвистами, но и было выявлено, например, Н. В. Фурашовой во вторичных значениях глаголов физического действия и в семантике устойчивых глагольных сочетаний в немецком языке [3].

Е. С. Кубрякова и Н. В. Фурашова, говоря о перспективах исследования фразеологизмов с когнитивной точки зрения, подчеркивают, что «...данное явление (прим. метафтонимия), еще не получившее полного описания, может также стать предметом дальнейших исследований и внести свой вклад в изучение ментальных процессов, протекающих в сознании человека» [4].

Таким образом, на основе анализа языковых единиц прямой и непрямой (фразеологической) номинации, существующих для репрезентации базовых эмоций, можно сделать вывод о существовании трех основных когнитивных механизмов, механизмов мышления, которые являются универсальными для немецкого и белорусского языков:

- 1) когнитивная метонимия – преобразование/осознание по смежности;
- 2) когнитивная метафора – преобразование/осознание по сходству (анalogии);
- 3) метафтонимия – взаимодействие когнитивных механизмов преобразования/осознания по смежности и сходству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь иностранных слов Н. Г. Комлева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/fc/slovar-2021.htm#zag-1057> – Дата доступа : 12.12.2018.
2. Сахарова Р. Ф. Когнитивный механизм как основа языковой репрезентации эмоций / Р. Ф. Сахарова // Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2015. – № 6 (79). – С. 16–24.
3. Фурашова, Н. В. Метафтонимия в развитии полисемии (на примере немецких глаголов физического действия) / Н. В. Фурашова // Материалы ежегодной науч. конфер. преподавателей и аспирантов ун-та, 25–26 апреля 2012 г. : в 5 ч. Ч. 3 / отв. ред. Н.П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2012. – С. 264–266.
4. Кубрякова, Е. С. О перспективах исследования фразеологизмов с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова, Н. В. Фурашова // *Słowo. Tekst. Czas X: Jednostka frazeologiczna w traucyjnych i nowych paradygmatach naukowych; pod red. M. Aleksiejnki, H. Waltera.* – Szczecin, Greifswald, 2010. – P. 74–81.
5. Goossens, L. Metaphtonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast / ed. by René Dirven; Ralf Pörings.* Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002. – P. 349–379.

¹Термин впервые был введен и описан в работе «Metaphtonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action» [5].

Р. В. Соловьёва, И. В. Рудько (г. Минск, Беларусь)

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПАРЕМИЙ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Известно, что поговорки, как результат народного творчества, отражают моральные и нравственные установки, а также важные события в жизни того или иного языкового сообщества. Соответственно, идентифицировать автора в этом случае не представляется возможным. Но через призму нарратива т. е. повествования можно предположить, что та или иная поговорка имеет определённого автора, который в рамках некоего повествования о пережитом употребил данную поговорку как компримированное резюме своего личного опыта. Если же исходить из понимания нарратива как 'пересказ рассказанного', то допустима также версия компримации рассказа в рамках поговорки в том числе и вне личного опыта.

В основу данного исследования положены исторические события, произошедшие в 17 веке на территории тогдашней *Sacrum Imperium Romanum Nationis Germanicae* периода 30-летней войны (1618–1648). В связи с этим рассматривались поговорки, возникшие, согласно библиографическим источникам, в данный период времени.

Фоновые знания о фактах и событиях 30-летней войны могли быть доступны всему языковому сообществу либо через повествователя-нарратора, непосредственного участника событий, либо через цепочку повествователей-нарраторов. Понятие *нарратив* трактуется неоднозначно.

А. Данто понимает под нарративом «...так называемый рассказывающий рассказ».

Ключевым моментом при определении сути понятия *нарратив* является согласно Й. Брокмейеру и Р. Харре [1, с. 29–42] «...донесение знания, некое повествование, некий рассказ о чем-либо».

При этом важно отметить, что речь идет не о простом донесении информации до слушателя, а о «рассказывающем рассказе, т. е. рассказе, который кем-то повествуется». А. Данто фокусирует свое внимание на повествователе-нарраторе, который в процессе повествования определенного события озвучивает собственные соображения. Это происходит путем обращения к личному опыту, на основании которого повествователь-нарратор проводит анализ информации и устанавливает причинно-следственные связи, влияя тем самым на формирование смысла повествования. Из этого следует, что А. Данто выделяет два критерия, служащих для разграничения обычного рассказа от нарратива – субъективное отношение и причинно-следственные связи, что придает индивидуальные черты понятию *нарратив*, противопоставив его, тем самым, обычному повествованию, где речь идет о способе коммуникации, служащем для получения и передачи фактической информации.

Нарратив лежит, на наш взгляд в основе всех поговорок, которые можно рассматривать как *компримированный нарратив*, основанный на субъективном мнении неизвестного повествователя, на его личном опыте и отражающий причинно-следственные связи, установленные нарратором, и переданные в поговорке как на поверхностном, так и на глубинном уровнях.

При этом речь может идти не только о повествователе-нарраторе первого уровня (нарратив¹ – от лица непосредственного участника), но и о нарраторах-пересказчиках (нарратив² – пересказ рассказа).

Связь паремий с конкретными событиями в жизни народа не лежит на поверхности, её определение вызывает трудности и требует проведения многоступенчатого анализа. Исходя из этого, выявление паремий, возникших в период 30-летней войны, проводилось в несколько этапов:

Первый этап заключался в изучении исторических событий этого периода.

В задачу второго этапа входило установление паремий, отражающих события этой войны, по словарям, фиксирующим хронологические данные [2; 3].

Заключительный этап связан с анализом исторического дискурса.

Например, паремия *Das sind mir böhmische Dörfer/das kommt mir böhmisch vor* – букв. *для меня это богемские деревни*, т. е. ‘неизвестные, непонятные вещи’ датируется периодом 30-летней войны в Германии 1618–1648 гг.

Исторический нарратив выявляется в ходе анализа истории Габсбургской империи, включившей в свой состав королевство Чехии. Королевство Чехии было переименовано в Богемию, однако переименования не коснулись всей топонимии Чехии и названия чешских деревень звучали для немцев непривычно и недоступно пониманию.

Третий период 30-летней войны, длившийся с 1630 г. по 1635 г., характеризовался невиданными разорениями. Шведский король Густав II. Адольф в союзе с курфюрстами Княжеств Бранденбург и Саксония смог, руководствуясь тактикой «выжженной земли», меньше чем за полтора года оккупировать большую часть Священной Римской империи германской нации. Эти события отражены в паремии *Als wenn der Schwede da gewesen wär* – *как будто здесь швед побывал*, что значит в русском варианте ‘как будто Мамай прошел’ т. е. полнейший беспорядок, разгром, полнейшее опустошение.

Поговорка *Seine Pappenheimer kennen*, что означает ‘знать своих людей, знать тех, с кем имеешь дело’, вряд ли доступна пониманию и интерпретации без исторической справки.

В битве при Лютцене 1632 года шведская армия короля Густава II. Адольфа нанесла поражение наемным войскам рейха под командованием Валленштейна. Граф Паппенгейм, генерал кавалерии в армии Валленштейна, был смертельно ранен в этом сражении. Несмотря на то, что кавалерия Паппенгейма потеряла своего генерала, наёмники остались верными Валленштейну и продолжили сражение, заслужив признание Валленштейна:

Daran erkenn’ ich meine Pappenheimer, что значит: ‘В вашей верности и преданности я нисколько не сомневаюсь’. Впоследствии в результате усечения формы афоризма возникает фразеологическая единица *seine Pappenheimer kennen* ‘на них можно положиться’.

Пушки были введены впервые в европейских армиях в первой половине XIV ст. и нашли широкое применение в тридцатилетней войне. Это были тяжелые неповоротливые артиллерийские орудия, метавшие ядра, пригодные только для осадной войны. Для производства выстрела использовался фи-

тиль – *die Zündlunte*. Фитиль представлял собой палку, обмотанную пенькой, смоченной селитрой и уксуснокислым свинцом. Запах сгорающего фитиля был очень резким и сильным и доносился до неприятеля, т. к. канониры подпускали врага как можно ближе. Противник на небольшом расстоянии чувствовал запах фитиля раньше, чем следовал выстрел. Это обстоятельство нашло отражение в ряде фразеологизмов таких как:

Lunte riechen разг. почуять опасность (или подвох), почуять недоброе заранее (букв. почуять запах фитиля)

Die Lunte ans Pulverfass legen/mit der Lunte am Pulverfass spielen – (букв. подносить горящий фитиль к пороховой бочке, заронить искру в пороховую бочку), т. е. ‘подлить масла в огонь (усугубить ситуацию)’.

Таким образом, можно констатировать, что в основе паремий исследуемого исторического периода лежит нарратив первого либо второго уровня, а сами паремии являются не чем иным как *компримированным нарративом с метонимическим значением*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брокмейер, Й. Нарратив : проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Й. Брокмейер, Р. Харре // Вопросы философии. – 2000. – №3 – С. 29–42.
2. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. / Hrsg. W. Scholze-Stubenrecht. – 2., neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2002. – 955 S.
3. Müller, K. Lexikon der Redensarten : Herkunft und Bedeutung deutscher Redewendungen / Hrsg. : K. Müller. – München : Bassermann, 2005. – 781 S.

Л. В. Солонович (г. Минск, Беларусь)

КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ НЕМЕЦКИХ ГЛАГОЛОВ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Под *коннотативным аспектом значения* понимается, как правило, передаваемая словом, дополнительная по отношению к вещественному содержанию информация, свидетельствующая об отношении говорящего к обозначаемому предмету или явлению. При этом лексические единицы, обладающие коннотативным компонентом, реализуют экспрессивную функцию языка. В лингвистических исследованиях исследователями выделяется несколько составляющих коннотативного компонента лексического значения. Многие ученые и исследователи придерживаются подхода, согласно которому в структуре коннотации выделяется четыре элемента: эмотивный (эмоциональный), оценочный, экспрессивный и стилистический. В. И. Шаховский отмечает наряду с вышеуказанными компонентами наличие еще одной составляющей коннотативного компонента, которая включает прагматические семы [1]. В предпринятом исследовании мы исходим из того, что коннотативный компонент лексического значения слова вклю-

чает все указанные микрокомпоненты. Это обусловлено тем, что значительное количество глаголов зрительного восприятия (ГЗВ) обладают пометами типа «*landschaftlich*», которые наряду с эмотивными, оценочными, экспрессивными и стилистическими семами входят в лексическое значение слова.

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) глаголов зрительного восприятия в немецком языке достаточно разнообразна и многочисленна. Определение состава указанной ЛСГ осуществляется в соответствии с узким и широким подходами. В широком понимании к глаголам ЗВ относятся все глаголы, у которых восприятие связано как с субъектным, так и с объектным планом (глаголы типа *виднеться*), а также глаголы обозначающие наличие, приобретение или утрату зрительной способности (*прозреть, ослепнуть*), а также каузативные глаголы ЗВ (*ослепить, показать, спрятать*). При узком подходе в группу ГЗВ включаются только глаголы, у которых восприятие осуществляется активным субъектом (например, *смотреть, видеть*). В рамках предпринятого исследования автор придерживается последнего подхода.

Материалом исследования послужили ГЗВ, отобранные из универсального словаря Дуден [2]. Единицы для анализа были выявлены методом сплошной выборки. В выборку не вошла лексема *lesen* ‘читать’, поскольку сема ‘восприятие зрением’ в данном глаголе не является первичной. Целью исследования является выявление ГЗВ, обладающих коннотативным компонентом, а также определение его особенностей в структуре лексического значения.

В результате проведенного анализа нами было выявлено около 150 глаголов зрительной перцепции, в которых восприятие осуществляется активным субъектом. Базовыми глаголами, обладающими коннотативным компонентом, являются глаголы *gucken* и *schauen* ‘глядеть, смотреть’. Наличие большого количества ГЗВ в немецком языке обусловлено, с одной стороны, широкими словообразовательными возможностями, в частности префиксацией, и достаточно большой представленностью диалектизмов, с другой стороны.

Анализ фактического материала показал, что стилистически-эмоциональная составляющая значения глаголов зрительного восприятия включает в себя как стилистические и эмоционально-экспрессивные, так и прагматические семы.

Наиболее широко в значении глаголов ЗВ представлены стилистические семы, отмеченные в словаре различными пометами. Значительное количество проанализированных единиц принадлежит к разговорной лексике, например, *gucken, lutschen, reinsehen* и другие. Некоторые глаголы, обладающие указанным стилистическим регистром, обладают также эмоционально-экспрессивными и прагматическими семами: *begutachten* ‘2. (umgangssprachlich, oft scherzhaft) genau, prüfend betrachten [als ob man Fachmann bzw. Fachfrau wäre]’; *kiebitzen* (umgangssprachlich scherzhaft); *gneißen* (bayrisch, österreichisch umgangssprachlich). Наряду с разговорными лексемами присутствуют также глаголы возвышенного стиля: *erblicken, ausblicken, hinwegblicken*.

Значимыми в количественном плане являются глаголы ЗВ, обладающие прагматическими семами. Последние выявляют широкий спектр употребления: *norddeutsch, süddeutsch, österreichisch, schweizerisch, landschaftlich*. Для северо-немецкого диалекта характерно использование таких лексем, как *kieken, kucken, kneisten*. Австрийские, южно-немецкие и швейцарские варианты представлены глаголами *schauen, anschauen, herschauen, zurückschauen*. Для указанных диалектизмов характерны такие же словообразовательные модели, как и для стилистически нейтрального *sehen*. Многие лексемы не имеют указания на определенное место их использования и отмечены в словаре как «*landschaftlich*»: *beschauen, erschauen, herumschauen*. Отдельные глаголы выявляют кроме прагматических сем стилистические: *lugen* (*gehoben veraltend, noch landschaftlich*) и эмоционально-экспрессивные глаголы, например, *beaugapfeln* (*landschaftlich scherzhaft*). Отдельные глаголы, представляющие собой устаревшие или устаревающие слова, обозначенные пометой «*veraltet*», также присутствуют в данной группе: *auslugen, lugen* (*gehoben veraltend, noch landschaftlich*), *observieren* ‘2’. (*veraltet*) [*wissenschaftlich*] *beobachten*’, *eräugen* ‘2. (*veraltend, noch scherzhaft*) *nach aufmerksamem [und suchendem] Umhersehen erblicken*’.

Оценочные семы не являются типичными для глаголов ЗВ. В результате анализа было выявлено лишь незначительное количество единиц, обладающих указанными семами, и отмеченных в словаре пометой «*abwertend*»: *gaffen, angaffen, begaffen, stieren, anstieren, glotzen, anglotzen, spionieren*. Отметим, что, согласно данным словаря, не все производные глаголы имеют оценочные семы. Например, глагол *beglotzen* имеет помету «*salopp*», а глагол *glotzen* – «*abwertend*».

Экспрессивные семы, не связанные с другими коннотативными компонентами, не обнаружены в лексико-семантической группе глаголов зрительного восприятия.

Таким образом, коннотативный аспект немецких глаголов зрительного восприятия характеризуется наличием пяти компонентов в своей структуре, представленность которых характеризуется различным удельным весом во всей группе. Наиболее типичными семами для указанной ЛСГ являются стилистические и прагматические. Глаголы ЗВ обладают также оценочными и эмоционально-экспрессивными семами, которые не являются характерными для данной группы. Оценочные семы представлены только семей-квалификатором ‘*плохой*’, а эксплицитная либо имплицитная положительная оценка отсутствует в структуре лексического значения ГЗВ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаховский, В. И. К проблеме трансляции коннотативных компонентов переводимой единицы содержания текста оригинала / В. И. Шаховский // Тетради переводчика: науч.-теорет. сб. / под ред. Л. С. Бархударова. – М., 1980. – Вып. 17. – С. 25–36.
2. Duden – Deutsches Universalwörterbuch. – 8., überarb. u. erw. Aufl. – Berlin : Dudenverlag, 2015. – 1248 S.

Е. Н. Труш (г. Минск, Беларусь)

ПОДХОДЫ К ИМИДЖЕВОЙ РЕКЛАМЕ КАК К ОСОБОМУ ТИПУ КОММУНИКАЦИИ

Реклама, являясь важнейшей разновидностью массовой коммуникации, прочно вошла в жизнь современного человека. С помощью рекламы осуществляется пропаганда и продвижение новейших достижений в области торговли и услуг. Происходит создание образа, или *имиджа* «идеального» товара, его навязывание потенциальному адресату и формирование у него мировоззрения и стратегии поведения в заданном отправителем ключе. Как подчеркивает А. М. Горлатов, формирование положительного мнения о товаре особенно важно в связи с усложнением социально-психологической среды на рынках продаж, обусловленным увеличением числа участников этого процесса и ростом их образованности [1, с. 14].

Рекламный имидж возможно рассматривать как *коммуникативное послание*, формируемое с помощью вербальных и невербальных средств. Оно рассчитано, как правило, на усредненного адресата, однако может иметь в качестве объекта воздействия и конкретные целевые группы. Как писал известный теоретик рекламы Д. Огилви, настоящая марка отличается от просто хорошего товара или надежных услуг. И это отличие «заложено в имидже – ясном и нерушимом» [2, с. 59–60].

Имиджевая реклама обращается к ценностным основам личности потребителя. Ее задача – прямо или косвенно формировать ценностную оценку потребителя в отношении продукта, будь то товар или марка. Оценка как речевое действие всегда ориентирована на потребителя. Адресант стремится передать свою оценку определенного положения вещей потребителю и тем самым формирует у него аналогичное отношение к рекламируемому. Товар, получив дополнительные психологические ценности, обретает свой образ или имидж.

Имидж является конструируемым понятием, как правило, не отражающим объективно и полно свойства того, что рекламируется. Поскольку в процессе создания соответствующего образа участвует большое количество средств (в том числе таких, как логотип, цветовая гамма оформления помещений или товара и т.п.), каждое из них должно вносить свой вклад в формирование имиджа. Наделяя товары теми или иными имиджами, подчеркивающими их символическое значение для разных социальных групп, реклама эксплуатирует желание обывателя тянуться к более высокому общественному положению, причем не в сфере трудовой деятельности, а в сфере обладания престижными атрибутами быта. Например:

Nicht Ihr Auto, nicht Ihr Freundeskreis, nicht Ihr Job, es ist Ihre Uhr, die aussagt, wer Sie sind. Seiko (Sonderbeilage zur F.A.Z.).

В данном рекламном тексте речь идет о том, что ни автомобиль, ни круг друзей, ни работа, а только часы марки *Seiko* являются средством выражения личности их обладателя. Упор делается на то, что выбор данного товара влияет на успех в работе и продвижение по социальной лестнице.

Как отмечает Е. Н. Карцева, для имиджа характерны следующие свойства: 1) специфичность и уникальность (подчеркивает специфичность и уникальность конкретного объекта), 2) целостность и согласованность деталей (означает неотступность от разработанной концепции на протяжении определенного периода времени, все элементы должны быть целостны и едины), 3) управляемость (создается с учетом ожидаемой реакции потенциального покупателя), 4) упрощенность (упрощен по сравнению с объектом, публичным портретом которого он является), 5) подвижность и изменчивость (конкретен, но подвижен и изменчив, все время корректируется, адаптируется к текущей ситуации), 6) идеализация и гипертрофия выделенных черт (идеализирует рекламируемый объект: либо преувеличивает его выгодные черты, либо наделяет объект дополнительными социальными, идеологическими, психологическими качествами), 7) эмоциональная насыщенность (занимает место между реальным и желаемым, между восприятием и воображением, искусственно расширяя восприятие данного объекта, но – в заданном направлении, поощряя воображение воспринимающего индивида, его «соучастие» в формировании имиджа) [ср.: 3].

В число функций имиджа, по мнению отдельных авторов, входят номинативная функция (заключающаяся в назывании и обозначении политика, организации, товара и т. п.), эстетическая функция (связанная со сглаживанием шероховатостей, подчеркиванием достоинств путем облагораживания), консервативная функция (ориентированная на защиту имиджа от размывающих влияний с одновременным его варьированием) и адресная функция (состоящая в ориентации на определенные целевые аудитории) [4, с. 20; 27–28].

Создатели рекламных кампаний направляют все свои усилия на построение единого, четкого, мало изменяющегося с годами имиджа фирмы и товара.

Построение или «корректирование» имиджа немислимо при отсутствии информации о том, какая именно часть общества должна стать объектом имиджмейкерской деятельности, и каковы настроения, идеи, ожидания и стереотипы мышления этой части общества. В связи с этим, в рекламной деятельности особое значение приобретает так называемое *позиционирование товара*.

А. Кромптон объясняет необходимость тщательного позиционирования тем, что, прежде чем приступить к созданию рекламного объявления, автору необходимо четко представлять, кто является целевой аудиторией, какое предложение необходимо этой аудитории сделать, какие доказательства надо привести, какое конечное впечатление следует оставить [5, с. 50]. В процессе работы с целевой аудиторией необходимо выяснить мнение ее представителей об объекте рекламы и/или аналогичных товарах, об их ожиданиях

в отношении данного товара, о том, какие его качества более, а какие – менее важны для них. При этом создатель рекламного текста должен воспринимать целевую аудиторию не как абстрактную группу людей, а как конкретных личностей. Более того, он должен персонифицировать «типичного представителя» целевой аудитории и обращаться к нему как к своему знакомому.

Иллюстрацией к сказанному может служить фрагмент следующего рекламного текста:

In einer Stadt, die nie schläft, kann keiner müde Füße gebrauchen. ECCO.
'В городе, который никогда не спит, непозволительно, чтобы уставали ноги'.

Адресной группой данного текста, посвященного рекламе обуви марки ECCO, являются молодые люди. Как особая социальная группа, молодежь имеет свои специфические ценности и взгляды на жизнь, общество, она по-своему проводит свое свободное время. В приведенном примере реклама диктует молодежи определенный стиль жизни.

Для продвижения имиджа применяются всевозможные выразительные средства, в первую очередь языковые. Например:

Beste Gesellschaft. Was für ein Verführer: Dynamisches Erscheinungsbild, außergewöhnlicher Esprit und jeder Situation gewachsen. Ganz nebenbei überzeugt der PEUGEOT 206 CC mit besten Referenzen wie einem ausgezeichneten Wiederverkaufswert. Aber wer will sich je wieder von ihm trennen?

В приведенном тексте положительные качества товара выделяются с помощью разновидности метафоры – *персонификации*: *beste Gesellschaft* 'лучшее общество', *Verführer* 'соблазнитель', *außergewöhnlicher Esprit* 'необыкновенное остроумие'. Соответственно, данные характеристики товара, при его использовании, реципиент может перенести на себя. По ходу рекламного сообщения автомобиль описывается как необходимый спутник для приятного отдыха, который не подведет. В рекламный текст включена фотография с изображением отдыхающих, у которых автомобиль PEUGEOT вызывает восхищение, распространяющиеся так же и на его обладательницу.

Таким образом, благодаря успешному позиционированию имиджа, в сознании реципиента создается однозначно положительное впечатление о рекламируемом объекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горлатов, А. М. Функциональный стиль рекламы в современном немецком языке / А. М. Горлатов. – Минск, МГЛУ, 2002. – 257 с.
2. Огилви, Д. Тайны рекламного двора (Записки старого рекламиста) / Д. Огилви. – М., 1992. – 198 с.
3. Карцева, Е. Три лица имиджа, или кое-что об искусстве внушения / Е. Карцева // Иностранная литература. – 1971. – №9. – С.234.
4. Марченко, Г. И. Имидж в политике. / Г. И. Марченко, И. А. Носков. – М.: Владос, 1997. – 208 с.
5. Кромптон, А. Мастерская рекламного текста / А. Кромптон. – Тольятти: Изд. Дом Довгань, 1995. – 221 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Е. В. Бондаренко, С. С. Гурьева (г. Минск, Беларусь)

ПРОЕКТНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Современный подход к организации образовательного процесса предполагает создание личностно-ориентированного учебного пространства, субъектом которого является сам обучаемый и которое способствует развитию его способностей исходя из индивидуальных возможностей. При этом обучаемому предоставляется возможность проектировать собственную образовательную траекторию на основе выбора содержания образования в соответствии с направленностью приоритетных образовательных задач, прогнозируемым результатом и ожидаемым уровнем учебных достижений.

Проектная технология позволяет создать такое личностно-ориентированное учебное пространство. Работая над проектным заданием, обучаемые приобретают навыки планирования своего учебного времени и правильной организации самостоятельной работы (выявлять проблему, собирать информацию, анализировать, структурировать и обобщать ее, подключая при этом знания, умения и навыки из разных дисциплин). Проектные приёмы отвечают всем современным тенденциям в образовании: обучаемые учатся самостоятельно приобретать недостающие знания и пользоваться ими для решения поставленных учебных и дидактических задач, критически мыслить и самостоятельно принимать решения; приобретают коммуникативные умения во взаимодействии с другими участниками группы.

Использование проектной технологии в обучении грамматике позволяет творчески подойти к повторению или систематизации грамматического материала, мотивировать обучаемых к самостоятельной учебной деятельности, которая должна завершиться реальным практическим результатом, оформленным тем или иным образом. Основная задача обучающего при этом заключается в создании необходимых условий для выполнения проектного задания, а также в разработке обучающих технологий, обеспечивающих перевод обучаемых в режим самообразования и саморазвития, реализации модели «обучение через открытие».

Обязательным условием внедрения грамматических проектов в учебный процесс является опора на детально разработанную пошаговую схему. Она помогает обучаемым сориентироваться в поставленных целях и задачах проекта, четко осознавать требования, предъявляемые к самостоятельной организации учебного процесса и ожидаемым результатам. Так, рекомендации по подготовке грамматического проекта должны содержать описание этапов работы над проектом, алгоритм последовательности отдельных шагов, список предлагаемых для изучения источников, требования к итоговому продукту (структуре и форме презентации) и критерию оценивания.

При этом необходимо сохранить достаточное пространство для самореализации обучающихся, например, через поиск креативных решений, за счет индивидуализации результатов проектной работы: в этом случае обучающиеся могут сами определить формат представления проекта на аудиторном занятии, а также его содержательное и языковое наполнение.

Все эти особенности учитываются нами при подготовке и проведении проектов по дисциплине «Практическая грамматика немецкого языка» для студентов 1 курса.

В качестве самостоятельной работы все студенты группы должны повторить соответствующий теоретический грамматический материал (правила) и выполнить электронные упражнения к нему. Подготовка грамматического проекта осуществляется в малой группе из 2–3 студентов, которые сами определяют структуру и форму презентации проекта, а также последовательность шагов при представлении проекта во время аудиторного занятия. Необходимым условием является равномерное распределение участия каждого студента в подготовке и презентации проекта. Форма презентации должна отличаться креативным подходом, это могут быть, например, сказка, экскурсия, мини-урок, виртуальное путешествие и т. д.

Структура проекта должна включать в себя следующие компоненты:

1) презентацию теоретического грамматического материала в краткой, доступной и наглядной форме;

2) 2–3 самостоятельно разработанных упражнения по данной грамматической теме с целью повторения грамматического материала обучающимися группы. Кроме того, данный компонент способствует формированию профессиональных компетенций у обучающихся – будущих учителей немецкого языка.

На завершающем этапе обучающиеся осуществляют рефлекссию и анализ результатов проекта, дают друг другу рекомендации.

Оценивание проекта осуществляется по двум направлениям:

- во-первых, оценивается коллективная работа всей малой группы по таким аспектам, как совместная работа по подготовке и проведению проекта (структура проекта, форма презентации, разработанные упражнения и т. д.).

- во-вторых, индивидуально оценивается лексическая, фонетическая и грамматическая корректность.

Специально разработанная система критериев и баллов позволяет индивидуализировать процесс выставления оценок за работу над проектом.

На завершающем этапе работы над грамматической темой, которая вынесена на самостоятельное изучение, студенты пишут контрольный тест, что позволяет проверить уровень овладения данной грамматической структурой всеми студентами группы.

Внедрение данной проектной технологии при обучении грамматике демонстрирует на протяжении нескольких лет хорошие результаты. С одной стороны, студенты самостоятельно повторяют и систематизируют знания по заданной грамматической теме. С другой стороны, использование проектной технологии способствует формированию у студентов навыков самостоятельности в мыслительной, практической и волевой сферах, воспитывает целеустремленность, ответственность, инициативность и творческое отношение к делу, позволяет решать проблему мотивации, развивать умения самовыражения и самопрезентации.

А. Ф. Бутько (г. Минск, Беларусь)

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК СПОСОБНОСТЬ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ ВЛАДЕТЬ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Владение языковыми средствами в разные периоды развития лингвистической и методической науки рассматривалось по-разному: начиная с 50-х гг. и до середины 60-х гг., в лингвистике преобладала идея системности, уделялось внимание усвоению языка как системе. С середины 60-х гг. проводится более последовательное разграничение между сознательным усвоением языковой системы и употреблением языковых средств в коммуникативных ситуациях. В данный период методика обращается не только к проблеме усвоения знаний, но и к проблеме формирования навыков и умений, что проявляется и в уровневой системе упражнений: языковые и речевые упражнения. В 70-е гг. лингвистические исследования все больше получают прагматическую направленность, внимание ученых направлено не на формальное устройство языка, а на механизм функционирования языка, на развитие способности использовать языковые средства в различных ситуациях общения. Прагматическая направленность в лингвистике выдвинула такой термин как *коммуникативная компетенция*, составной частью которой является *языковая компетенция*. Небольшой экскурс в проблему владения языковыми средствами, имеет большое значение для понимания языковой компетенции в современных условиях. Данная компетенция понимается шире, богаче, многостороннее, чем термин *владение языковым материалом*. Языковая компетенция является преимущественно предметом рассмотрения лингвистов. Но поскольку язык используется говорящим или слушающим, то данная компетенция не изолирована от их психологической и психолингвистической деятельности. Кроме того, язык рассматривается как общественное явление, включенное в общественно-практическую деятельность человека; как одно из средств формирования или социализации картины мира, как социальный феномен.

Таким образом, многогранность языковой компетенции, ее проявление в деятельности говорящих и слушающих позволили ученым отойти от чисто формального лингвистического подхода к исследованию данной компетенции и использовать другие направления: психологическое, психолингвистическое и социолингвистическое, с позиции которых определяется как структура языковой компетенции, так и ее содержание.

Языковая компетенция структурно состоит из «регистров». Это может быть набор языковых единиц, набор правил функционирования языковых средств в конкретных ситуациях, набор действий, производимых говорящим или слушающим с языковыми единицами в процессе речи. Их количество и конкретное содержание определяется целями и задачами обучения.

Языковая компетенция – это знания о системе правил. Факт наличия правил и их роли в усвоении языкового материала признается подавляющим большинством лингвистов, психологов, психолингвистов и

методистов. Чтобы процессы понимания и порождения речи были адекватными у обучающегося должна быть сформирована необходимая система правил. Владение языком означает не то, сколько правил и какие правила знает говорящий. Речь идет о том, может ли говорящий применять их в процессе речевого общения. Проблема использования правил в учебном процессе остается по-прежнему актуальной: какие правила нужны; когда лучше вводить правила: до коммуникации, в процессе ее или после того, как учащиеся научились пользоваться языком в определенных ситуациях; в какой форме их вводить и как их вводить. К сожалению, методика еще пока не дала исчерпывающих ответов на данные вопросы.

Термин *правило* многофункционален. Это, прежде всего лингвистические правила: правила построения синтаксических, морфологических, фонологических структур языка. Лингвистические правила объясняют, какими средствами могли быть реализованы те или иные речевые намерения. Они регулируют функционирование языковой системы. Ограничиться лингвистическими правилами при обучении языку неправомерно, поскольку языковая компетенция рассматривается не только как совокупность знаний о правилах функционирования языковых средств, но и как способность употреблять языковые средства в речи. Поскольку речь строится по своим собственным правилам, то они также должны быть определены и сведены в обозримые системы.

Лингвистические правила, которые имеются, например, в грамматиках, не такие по форме, как правила, которыми оперирует говорящий или слушающий. При обучении иностранному языку используются так называемые педагогические правила – правила, которые ориентированы на определенную категорию учащихся; их вводит учитель и ими пользуется ученик. Педагогические правила группируются в соответствии с принципами психологии и методики. Это правила оперирования языковыми явлениями: правила выбора, комбинирования, структурирования, трансформации и др. Чем больше речевых действий и операций говорящий производит при употреблении языковых единиц, тем больше правил он использует для своего речевого поведения. К педагогическим правилам можно отнести также и процессуальные правила: правила, определяющие действия и их последовательность при усвоении языковых единиц. Это, например, правила языковой догадки. Иногда педагогические правила разрушают научную систему, разработанную лингвистами. Но если, например, с помощью грамматических правил можно объяснить способность понять и построить правильно речевое высказывание, то с помощью правил педагогической грамматики можно научить этой способности. Педагогические правила легче, понятнее учащимся для усвоения. Педагогическая грамматика также научна, но ее научность определяется не системой языка, а системой усвоения языка. Такая грамматика более адекватно воссоздает языковую компетенцию чем лингвистические (теоретические) грамматики.

Обучение иностранному языку происходит на базе родного или первого иностранного языка. Языковые явления вступают в сложные взаимодействия, выражающиеся в действии как межъязыковой интерференции со стороны

родного или первого иностранного языка, так и положительного переноса. Научную базу для сопоставления языковых явлений составляют в основном поверхностные структуры. В какой форме существует система правил в мозгу человека, как происходит построение глубинных структур языка, преобразуемых в процессе общения в высказывания, т. е. в поверхностные структуры, пока еще также не до конца исследовано. Глубинные структуры, к которым относятся универсалии, часто остаются вне зон сравнения. *Универсалии* – это элементы языковой компетенции. Знания универсалий значительно препятствуют действию интерференции и способствуют положительному переносу. Они могут выступать в качестве ориентиров, опор и создают необходимые предпосылки для формирования речевых навыков.

Владение языком включает как автоматизированные, так и неавтоматизированные действия. Говорящий, владеющий языком, не может сказать, по каким правилам он сформулировал свое предложение. Но в процессе формирования языкового и речевого навыка он накопил опыт использования определенных языковых средств, употребление которых в свою очередь происходит по определенным правилам. Таким образом, опыт также является составным компонентом языковой компетенции.

Может ли несформированность языковой компетенции определяться наличием или отсутствием языковых ошибок? Природа ошибок сложна и ее объяснение только лингвистическими факторами недостаточно. Кроме того, наивно полагать также, что правильная речь достигается в процессе исправления со стороны других, например, учителя. Носители языка не придают особого значения ошибкам, которые допускают иностранцы. Для них произношение, объем словарного запаса, объем грамматических средств как бы отодвигаются на второй план. Основным критерием является понимание. Из сказанного не следует, что с ошибками нужно мириться при обучении. Речь идет о том, чтобы, поняв сущность формирования языковой компетенции, найти иные способы предупреждения и устранения языковых ошибок, и особенно важно это сделать в учреждениях общего среднего образования при обучении иностранному языку на базовом уровне.

В заключение следует отметить, что правила – это гибкая система, обладающая безграничной порождающей силой, знание и владение которой позволит учащимся быстрее достичь цели обучения; лучше управлять процессом учения; способствует автономному учению учащегося и формированию самоконтроля.

И. В. Дмитриева (г. Минск, Беларусь)

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

Функциональное направление в лингвистике предоставило возможность рассмотрения языковых явлений вне рамок уровневого членения языка. Не вступая в противоречие с классическим принципом системности, когда предмет лингвистики членится на подсистемы (фонетическая, лексическая,

грамматическая), оставаясь в рамках общепhilософской системности, функциональная лингвистика позволила показать, как происходит интегрирование разноуровневых средств языка на основе общности их функций по выражению сходных значений. Функционально-семантические поля (в терминологии А. В. Бондарко) или парадигма системных сетей (system networks в терминологии М. А. К. Хэллдея) наглядно демонстрируют неразрывную связь и взаимодействие разносистемных единиц языка.

Как в лингвистике на определенном этапе возникла потребность в выходе за рамки системно-уровневого членения при изучении и описании языковых средств, так и в лингводидактике, в языковом образовании сформировалась потребность в такой учебной дисциплине, которая основывалась бы не на парадигмальных, системно-категориальных языковедческих теориях, а показывала бы вовлеченность всех языковых единиц и структур в выполнение двух основных функций языка: когнитивной (репрезентативной в терминологии М. А. К. Хэллдея) и коммуникативной. Такой дисциплиной стала «Функциональная грамматика», которая впервые появилась в образовательных стандартах специальностей «Современные иностранные языки» и «Иностранный язык» в 2008 году. Это – практическая языковая дисциплина профессионально-ориентированного модуля, которая изучается на 3-м году получения языкового образования. Она призвана показать, как грамматические средства совместно с единицами других подсистем языка служат формализации значений (репрезентативная функция языка) и обеспечивают передачу значений, т. е. процесс коммуникации.

Необходимо отметить, что лингвистическое направление «функциональная грамматика» явилось не единственным лингво-теоретическим основанием для учебной дисциплины «Функциональная грамматика». Принимая онтологически основной принцип функционализма – объединение разноуровневых средств с целью передачи обобщенных значений, учебная дисциплина «Функциональная грамматика» также инкорпорирует наработки из теорий семантического синтаксиса, коммуникативной лингвистики, прагмалингвистики и лингвистики текста. Как результат мы имеем расширение спектра языковых явлений, которые могут выступать в качестве дидактических единиц этой учебной дисциплины.

Основной дидактической единицей избирается *предложение* – высказывание, которое, как известно, выполняет две функции: номинативную и коммуникативную. Такой выбор влияет на дальнейшее определение содержания и отбора лингвистических описаний для представления изучаемого материала. Предложение понимается как языковой знак, денотатом которого является ситуация. Следовательно, понятие функциональности не ограничивается традиционными синтаксическими функциями слов в предложении; функциональность переориентируется от «узкого» понимания функции, как синтаксической или семантической функции языковой единицы, к «широкому», когда во главу угла ставятся функции языка. Выделение последующих дидактических единиц происходит с учетом того, какой вклад системные языковые единицы вносят в выполнение упомянутых выше функций языка.

Вполне ожидаемым является внимание к членам предложения. Здесь следует повторить, что речь идет не столько о том, какую синтаксическую функцию в предложении выполняет то или иное слово, сколько о том, какие семантические значения стоят за той или иной синтаксической функцией и какими языковыми средствами они могут выражаться. На этом этапе ярко проявляется принцип функционализма и четко прослеживается интегрирование разноуровневых средств для выполнения одной и той же функции. Так, в английском языке подлежащее, дополнение, обстоятельство, определение и впервые введенный в практический курс такой член предложения как комплемент могут быть выражены разными системными единицами: отдельным словом той или иной частеречной отнесенности, словосочетанием, вторично-предикативной структурой или придаточным предложением.

Наработки теорий семантического синтаксиса, коммуникативной лингвистики, лингвопрагматики позволяют охарактеризовать не только позиционные характеристики членов предложения (что очень важно для английского языка), но и их содержательное наполнение, их обобщенную семантику, которая связана с нашим научно-лингвистическим знанием о номинативных элементах семантической структуры предложения. Также появляется возможность обратить внимание и на то, какую роль в организации передачи сообщения, т. е. в коммуникации, играют отдельные составляющие предложения, самостоятельные предложения, совокупности предложений. В конечном итоге складывается общее представление о закономерностях функционирования системных единиц в «тексте», которые должны быть освоены при изучении данной дисциплины. Слово «текст» заключено в кавычки, чтобы обратить внимание на то, что текст понимается в широком смысле, как результат речемыслительного и речетворческого процесса и как единица речевой коммуникации.

Включение системных единиц языка в последующее изучение в рамках учебной дисциплины «Функциональная грамматика» также осуществляется на функционально-семантических основаниях. Например, имя существительное, его категории числа и падежа, артикль – это традиционные темы практических грамматик системно-категориального типа. В курсе функциональной грамматики предлагается посмотреть на них с другой стороны. Не принять как факт для запоминания, что одни существительные исчисляемые, а другие – нет, но осознать, что в основании такого разделения лежат когнитивные процессы категоризации объектов языкового и внеязыкового мира, что грамматические характеристики слова во многом связаны с характеристиками его денотата. Функциональный подход позволяет показать, что использование артикля – это не есть соблюдение правил, которые в принципе чужды нам, носителям безартиклевого языка, но мощный механизм операционной системы под названием «грамматика». Появление или исчезновение артикля в английском языке – это сигнал изменений в семантике слова, которые также могут оказаться связаны с изменениями характеристик денотата, или в семантике целого высказывания. Некорректное использование артикля – это не просто нарушение правил нормативной грамматики. Его следствием может явиться сбой в процессе коммуникации. Вопросы *have you got a book* и *have you got the book* занимают разные позиции и принадлежат разным коммуникативным ситуациям.

Одной из отличительных особенностей функционального представления системных языковых единиц в рамках дисциплины «Функциональная грамматика» является представление темы «Сказуемое». Традиционное системное-структурное описание предполагает изучение типов сказуемого, которые, конечно, должны присутствовать в профессиональной научно-языковой картине мира специалиста-филолога. Однако в речетворческом процессе это знание оказывается недостаточным помощником. Семантические классификации глаголов и предикатов, когнитивистская связь типа процесса с грамматическими характеристиками глагола-предиката – вот что лежит в основе представления этой темы в рамках дисциплины «Функциональная грамматика». Именно это позволяет объяснить такие характеристики глагола-предиката, как переходность/непереходность, его сочетаемость с другими элементами в предложении, а также существование различных лексико-семантических вариантов одного глагола, которое распространено в английском языке.

Суммируя вышесказанное, отметим, что функциональный подход к представлению грамматических, в широком смысле этого слова, единиц и структур способствует формированию профессионального лингвистического самосознания студентов и более осознанному использованию средств языка в процессе речетворчества.

В. В. Курьян (г. Минск, Беларусь)

РАЗРАБОТКА КОМПЛЕКСА СРЕДСТВ КОНТРОЛЯ И ОЦЕНКИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ОСНОВЕ СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА

Проблема разработки эффективного комплекса средств контроля и оценки качества формирования иноязычной речевой компетенции (РК) в учреждениях общего среднего образования (УОСО) является одной из наиболее актуальных. В современном образовании роль оценочных средств (ОС) очень высока, поскольку они позволяют вовремя получать объективную информацию об учебных достижениях и трудностях, с которыми сталкиваются учащиеся в процессе решения коммуникативных и познавательных задач, организовать совместную контрольно-оценочную деятельность учителя и учащихся, проводить оценку успешности формирования РК, фиксировать и хранить данные о продвижении учащегося к цели обучения.

В УОСО в настоящее время используются достаточно эффективные оценочные средства. Так, например, контроль умений понимать содержание иноязычного текста при чтении или аудировании осуществляется с помощью тестовых заданий, пересказов прочитанного или прослушанного текста, ответов на вопросы учителя и др. Основными объектами контроля, для которых используются подобные ОС, выступают знания, навыки и умения осуществлять речевое общение в том или ином виде речевой деятельности.

Однако в условиях распространения компетентностного, когнитивного, коммуникативного подходов, принятия личностно-ориентированной парадигмы существующих оценочных средств для эффективного контроля

формирования РК оказалось недостаточно. Это обусловлено как специфической природой самой компетенции, так и новыми задачами, которые должен решать контроль в современном образовании.

В отличие от категорий «знания-навыки-умения» речевая компетенция, с одной стороны, представляет собой более многокомпонентный объект контроля, в который входят помимо знаний, навыков и умений, такие составляющие как речевые способности, речевой концептуальный и деятельностный опыт, личностные качества. С другой стороны, РК представляет собой комплексный интегративный объект контроля, выражающийся в способности и готовности к самостоятельному и эффективному решению коммуникативных задач в ходе речевого общения. Подобные свойства РК требуют включения оценочных средств, позволяющих учитывать то, как приобретенный опыт, качества и способности влияют на умения учащегося эффективно осуществлять общение в каждом из видов речевой деятельности (аудировании, чтении, говорении и письме). Принимая во внимание разный по свойствам характер объектов контроля в составе РК, т. е. проверку и оценивание каждого компонента отдельно в процессе обучения, способности и готовности как результата обучения требуется дифференциация ОС по объектам контроля и необходимость организовать преемственность и взаимосвязь ОС между собой.

Приоритетными задачами контроля в настоящее время становятся: выявление качества формирования РК в процессе обучения и уровня сформированности РК как результата обучения; обеспечение конструктивного взаимодействия учителя и учащихся в ходе контроля; более активное привлечение учащегося к проверке и оцениванию собственных учебных достижений. Совершенно очевидно, что для выполнения обозначенных задач требуются ОС, позволяющие контролировать и оценивать формирование РК в процессе обучения и проверять результаты обучения. В оценочных средствах должна закладываться возможность более активного привлечения учащихся к контрольно-оценочной деятельности, проведения само- и взаимоконтроля.

Наиболее конструктивный путь создания комплекса средств для контроля формирования РК, позволяющий учитывать обозначенные выше свойства ОС, видится нам в использовании *системно-деятельностного* подхода.

Анализ научных исследований по проблеме контроля и оценки, результаты наблюдения за образовательным процессом в УОСО указывают на то, что разработка и применение ОС должны носить системный характер. Речь идет о том, чтобы в распоряжение учителя и учащегося были предоставлены не отдельные ОС, а *комплекс*, в котором каждое оценочное средство направлено на выполнение своей микрозадачи. В совокупности комплекс ОС обеспечивает целостный и объективный контроль формирования РК. В таком комплексе определены роль и место каждого оценочного средства, учитель и учащиеся в зависимости от целей и своих потребностей могут выбирать необходимые им ОС.

В состав комплекса ОС вслед за Н. Д. Гальсковой и Д. К. Бартош, мы включаем критерии, показатели оценивания РК и инструментарий. Данные оценочные средства находятся во взаимосвязях между собой и объектами контроля [1, с. 77]. Характер взаимосвязей может быть отражен следующим образом:

Объект ↔ Критерий ↔ Показатель ↔ Инструментарий

В оценочных средствах отражен объект контроля. Это означает, что каждое оценочное средство выполняет собственную функцию. В критериях содержится указание на наличие у объекта определенного свойства, которое объективно указывает на качество формирования РК, например, успешность решения коммуникативной задачи определяет, как сформированы речевые умения, позволяющие учащемуся решить поставленную коммуникативную задачу.

Во взаимосвязи с критериями находятся показатели, которые отражают определённую сторону критерия, предоставляют количественную и качественную информацию о его определенном свойстве. Критерии и показатели встраиваются в систему контроля формирования РК, способствуют выполнению целей и задач и реализации функций контроля (проверочной, оценочной, мотивирующей).

Отдельный вид комплекса оценочных средств составляет инструментарий, который направлен на организацию контрольно-оценочной деятельности учителя и учащегося, на получение обратной связи о качестве формирования речевой компетенции. В качестве инструментария выступают, прежде всего, контролирующие задания. Будучи компонентом комплекса оценочных средств, контролирующие задания связаны с объектами, с критериями и показателями. Взаимосвязь с объектами контроля предполагает, что для контроля каждого компонента РК и для выявления сформированности РК как результата обучения предлагаются отдельные виды заданий.

Связь с критериями и показателями выражается следующим образом. Если, например, в качестве одного из показателей оценивания умений РК рассматривается подчинение содержания высказывания теме, соблюдение логических связей между частями высказывания, то это предполагает использование контролирующих заданий, ориентирующих учащихся на составление речевого высказывания по предложенной теме или проблеме. Одним из условий успешного выполнения такого задания, которое доводится до сведения учащихся, является соблюдение логичности и связности высказывания.

Таким образом, комплекс ОС представляет собой систему взаимосвязанных между собой и с объектами контроля критериев, показателей и контролирующих заданий. Системное построение комплекса ОС, который используется учителем и учащимися в совместной контрольно-оценочной деятельности, способствует обеспечению последовательного, целенаправленного и целостного отслеживания качества формирования РК в образовательном процессе, проверке и оценке сформированности РК как результата обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бартош, Д. К.* Мониторинг качества школьного образования (иностранные языки) : монография / Д. К. Бартош, Н. Д. Гальскова, Н. С. Трухановская, М. В. Харламова. – М. : МГПУ, 2016. – 268 с.

Н. Е. Лаптева

ВЗАИМОСВЯЗАННОЕ ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ И РЕЦЕПТИВНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ

Рассмотрение вопроса обучения лексическому аспекту при овладении иностранным языком не утрачивает своей актуальности, поскольку объем и качество усвоенного словарного запаса играют важную роль при формировании коммуникативной компетенции. Наблюдения за речевой деятельностью изучающих иностранный язык показывают, что существенные трудности они испытывают при вызове из памяти лексических единиц как при оформлении собственных высказываний, так и при понимании иноязычных текстов в устной и письменной форме. Данный факт определенным образом объединяет проблему овладения продуктивным и рецептивным словарным запасом, иными словами, формирования продуктивных (речевых) и рецептивных лексических навыков.

Разделение лексики на продуктивный (активный) и рецептивный (пассивный) запас методисты изначально связывали не только с соответствующими видами речевой деятельности, но и с разными степенями усвоения слова, со спецификой формирования соответствующего вида лексических навыков. Не отрицая особенностей овладения иноязычной лексикой с учетом ее принадлежности к указанным выше группам, вместе с тем, нельзя оставлять без внимания и факторы, которые обуславливают возможность объединения процессов обучения продуктивной и рецептивной лексике. Представляется, что такого рода интеграция может позитивно влиять на прочность запоминания словарных единиц и повышать эффективность их использования в речевой деятельности.

Прежде всего в этой связи следует отметить тесное взаимодействие продуктивного и рецептивного словарных запасов. С одной стороны, продуктивный словарный запас составляет ядро рецептивного. С другой стороны, лексические единицы, усваиваемые первоначально для решения задач, связанных с пониманием прочитанного либо воспринимаемого на слух иноязычного текста, достаточно часто переходят в разряд продуктивных и используются при лексическом оформлении устных и письменных высказываний. По мнению многих методистов, именно письменный дискурс ведет к расширению словарного запаса.

Поскольку установлено, что человек строит систему действий по запоминанию материала адекватно будущему его применению, в процессе обучения необходимо создавать условия для осуществления данных действий

и тем самым в значительной степени обеспечивать готовность обучающихся делать это самостоятельно. Последовательность действий при таком подходе к организации процесса усвоения иноязычной лексики устанавливается исходя из приоритетных целей в осуществлении речевой деятельности. Очевидно, что при организации процесса ознакомления и тренировки лексических единиц продуктивного запаса исходить следует из неязыковых критериев, дополняя их в последствии языковыми (анализом словообразования, контекста употребления).

В качестве следующего объединяющего фактора может быть отмечено то, что лексические единицы продуктивного и рецептивного запаса закрепляются в памяти человека как звуковой или графический комплекс, связанный с реальными или воображаемыми объектами окружающей действительности. В этой связи их усвоение вне зависимости от первоначальной принадлежности к той или другой группе включает обязательный этап овладения звуковой и графической формами в процессе проговаривания, написания, чтения, восприятия на слух.

В процессе формирования как продуктивных, так и рецептивных лексических навыков необходимо развивать у изучающих иностранный язык способность определять контекстуальное значение слова, сравнивать его объем и выявлять особенности лексического фона относительно коррелята в родном языке. Содействовать решению данной задачи будут целенаправленно организуемые наблюдения за функционированием слова в звуковых и графических контекстах. Со всей очевидностью это будет также способствовать лучшему запоминанию лексических единиц вследствие использования различных каналов восприятия и разнообразия устанавливаемых связей.

Единообразие свойственно также стратегиям запоминания лексических единиц продуктивного и рецептивного запаса. Вместе с тем, следует отметить определенную предпочтительность комплексного использования ментальных карт и флэш-карточек, создаваемых с помощью электронных ресурсов.

Выявление общих аспектов в овладении продуктивным и рецептивным лексическим запасом может находить реализацию в организации процесса формирования соответствующих навыков. Так, семантизацию единиц продуктивного минимума целесообразно дополнять анализом их словообразования и контекстов употребления в устной и письменной форме. Автоматизация слов рецептивного минимума может завершаться их употреблением в тексте-примитиве, отличающемся небольшим размером, максимально простым комплексом связности и определенной цельностью.

Интегрирование и взаимодополнение процессов обучения продуктивной и рецептивной лексике позволит изучающим иностранный язык приобрести большой опыт осуществления когнитивной и речевой деятельности с языковым материалом, что будет способствовать его лучшему запоминанию и успешному применению.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Новиков С. Е.</i> (г. Минск, Беларусь). Малавядомыя старонкі гісторыі архітэктурнай забудовы мінскага іняза.....	3
<i>Рымкевич О. Е.</i> (г. Минск, Беларусь) Тамара Степановна Глушак – основатель и руководитель научной школы функционально-коммуникативной лингвистики в Беларуси.....	10

ЯЗЫКОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ДИНАМИКЕ

<i>Булгакова М. П.</i> (г. Минск, Беларусь). Компенсаторные возможности семантической деривации адъективов.....	15
<i>Внук Т. В.</i> (г. Минск, Беларусь). Ономатопы: тенденция развития.....	17
<i>Зуевская Е. В.</i> (г. Минск, Беларусь). Особенности оформления косвенной речи в современном немецком языке.....	19
<i>Крупнова Н. А.</i> (г. Арзамас, Россия). Особенности механизма сеообразования в многокомпонентных композитах в составе глагольных гнезд русского языка (на примере композита <i>газотурбовоздуходувка</i>).....	22
<i>Петракова Ю. И.</i> (г. Минск, Беларусь). Влияние лексико-семантического фактора на взаимодействие способов номинации.....	25
<i>Сытько А. В.</i> (г. Минск, Беларусь). «Старая песня на новый лад»: модальность в эпоху постмодернизма.....	28
<i>Шкляр Ю. Л.</i> (г. Минск, Беларусь). Семантическое взаимодействие компонентов адъективной синтагмы.....	32
<i>Щербакова Л. Г.</i> (г. Минск, Беларусь). Межъязыковая фонетическая интерференция при изучении близкородственных языков.....	34
<i>Чэнь Тин</i> (г. Минск, Беларусь) Типы вариативности фразеологических единиц в английском и китайском языках.....	37

СИСТЕМНЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ

<i>Дашкевич В. Н.</i> (г. Минск, Беларусь). Сопоставительный анализ фразеологизмов с ономастическим компонентом в английском, русском и корейском языках.....	41
<i>Зозуля О. Л.</i> (г. Брест, Беларусь). Сложнопроизводные существительные в профессиональной языковой картине мира (на материале современного немецкого языка).....	43
<i>Жданович С. А.</i> (г. Минск, Беларусь). Лексічныя і граматычныя сродкі выражэння беларускага прэдыкатыва <i>можна</i> ў перекладах на англійскую мову.....	46
<i>Иванова Т. Ф.</i> (г. Минск, Беларусь). Экспрессивные синтаксические конструкции как маркеры авторской модальности текстов политического дискурса.....	48

<i>Кондракова С. В.</i> (г. Минск, Беларусь). Контактная и дистантная реализация валентности субстантивированных причастий	51
<i>Кохнович Т. К.</i> (г. Минск, Беларусь). Молчание как элемент коммуникации...	53
<i>Курбаленко Н. В.</i> (г. Минск, Беларусь). Ассистивная каузация и ее реализация в современном немецком языке	56
<i>Неборская Л. Н.</i> (г. Минск, Беларусь). Вопросно-ответные единства в «Евангельской гармонии» Татиана: опыт прагмалингвистического анализа....	59
<i>Нюбина Л. М.</i> (г. Смоленск, Россия). О категориях пространства и времени в автобиографической литературе.....	62
<i>Олесько В. С.</i> (г. Минск, Беларусь). Прагмасемантические характеристики древневерхненемецких заговоров и молитв	66
<i>Пайкина А. Р.</i> (г. Могилёв, Беларусь). Употребление причастных конструкций в профессионально-ориентированных текстах	69
<i>Прихач В. В.</i> (г. Минск, Беларусь). Сочетаемость английского существительного <i>time</i> и его корейского коррелята.....	71
<i>Рымкевич О. Е.</i> (г. Минск, Беларусь). Модальные когезии публицистического текста: семантика и прагматика	73
<i>Силаева Т. А.</i> (г. Минск, Беларусь). Эвфемистическая иносказательность и выразительность речи	76
<i>Симакова М. Г.</i> (г. Минск, Беларусь). Особенности функционирования определения в публицистическом тексте	79
<i>Сычевская Н. С.</i> (г. Минск, Беларусь). Функционирование конструкций экспрессивного синтаксиса в английском политическом публичном дискурсе ..	82
<i>Фурашова Н. В.</i> (г. Минск, Беларусь). Многозначность морфосинтаксической конструкции [O ₁ (AUF O ₂) AUF _V] (на материале немецких глаголов физического действия)	84
<i>Чеботарская И. В.</i> (г. Полоцк, Беларусь). Способы связи заголовка с посттекстом в немецком политическом фельетоне	86
<i>Черкас М. А.</i> (г. Минск, Беларусь). Функционально-коммуникативные свойства языковых единиц в текстовой структуре	88
<i>Шкудун А. В.</i> (г. Минск, Беларусь). Специфика функционирования средств выражения причины в художественной литературе и публицистике	91
<i>Якубёнок Л. М.</i> (г. Минск, Беларусь). Средства объективной и субъективной модальности в семантической структуре риторического вопроса	95

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

<i>Жизневская О. Н.</i> (г. Минск, Беларусь). Стереотип матери в пословицах, фразеологизмах и народных сравнениях белорусов	98
<i>Кострова О. А.</i> (г. Самара, Россия). Модальное пространство пословиц с условным компонентом в немецкой и русской лингвокультурах.....	101
<i>Лещёва Л. М.</i> (г. Минск, Беларусь). Фразеологизм как шибболет	104

<i>Нестерук И. Ф.</i> (г. Брест, Беларусь). Стилистика в аспекте эколлингвистики	105
<i>Никитенкова К. Г.</i> (г. Минск, Беларусь). Фразеологизм как источник формирования значения второго переходного компонента в рамках словообразовательной конструкции	108
<i>Овсейчик Ю. В.</i> (г. Минск, Беларусь). Лингвокультурологические особенности ассимиляции французской гастрономической лексики в белорусском языке	111
<i>Осмоловская И. Г.</i> (г. Минск, Беларусь). Репрезентация эмоционального климата страны и эмоций отдельного субъекта в современном немецкоязычном тексте СМИ	114
<i>Сахарова Р. Ф.</i> (г. Минск, Беларусь). Универсальные когнитивные механизмы языковой репрезентации базовых эмоций в немецком и белорусском языках	118
<i>Соловьёва Р. В., Рудько И. В.</i> (г. Минск, Беларусь). Исторический нарратив как один из источников возникновения паремий современного немецкого языка	121
<i>Солонович Л. В.</i> (г. Минск, Беларусь). Коннотативный аспект лексического значения немецких глаголов зрительного восприятия.....	123
<i>Труш Е. Н.</i> (г. Минск, Беларусь). Подходы к имиджевой рекламе как особому типу коммуникации	126

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

<i>Бондаренко Е. В., Гурьева С. С.</i> (г. Минск, Беларусь). Проектная технология в обучении грамматике немецкого языка	129
<i>Будько А. Ф.</i> (г. Минск, Беларусь). Языковая компетенция как способность обучающегося владеть иностранным языком в условиях межкультурного речевого общения.....	131
<i>Дмитриева И. В.</i> (г. Минск, Беларусь). Функциональная грамматика: теория и практика преподавания	133
<i>Курьян В. В.</i> (г. Минск, Беларусь). Разработка комплекса средств контроля и оценки формирования речевой компетенции на основе системно-деятельностного подхода.....	136
<i>Лаптева Н. Е.</i> (г. Минск, Беларусь). Взаимосвязанное формирование речевых и рецептивных лексических навыков	139

Научное издание

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы круглого стола,
посвященного памяти доктора филологических наук,
профессора Т. С. Глушак

Минск, 12 октября 2018 г.

Сетевое электронное издание

Ответственный за выпуск *Е. В. Зуевская*
Редактор *В. М. Василевская*
Компьютерная верстка *Е. А. Запеко*